

**СЕРГЕЙ
МУСАНИФ**

Колдуны и герои

2017

Никто не слагает гимнов канализации.

Никто не воспоеет в балладе подвиг героя, выбравшегося из выгребной ямы. В этом нет величия, в этом нет истинного благородства, настоящие рыцари без страха и упрека так не поступают. От такой баллады бы слишком плохо пахло.

Впрочем, как и от такого героя.

Сергей Мусаниф
Колдуны и герои

Пролог. Башни и подземелья

Никто не слагает гимнов канализации.

Никто не воспоеет в балладе подвиг героя, выбравшегося из выгребной ямы. В этом нет величия, в этом нет истинного благородства, настоящие рыцари без страха и упрека так не поступают. От такой баллады бы слишком плохо пахло.

Впрочем, как и от такого героя.

Ланс выбрался из канала. Канал — это ведь не совсем выгребная яма, верно? Конечно, было бы еще круче, если бы он выбрался из отхожего места, но они находились выше, в жилых помещениях замка, и отверстия, как он подозревал, не предназначены для того, чтобы по ним пробирались шпионы, диверсанты и саботажники. Застрять Лансу не хотелось.

Подземелье было темным, сырым и зловонным, Впрочем, ни один из вышеозначенных факторов Ланса не беспокоил. Он не боялся сырости, прекрасно видел в темноте, а запах... От самого Ланса пахло не лучше.

Он вытряхнул воду из сапог, протер, насколько это было возможно, рукоять меча, проверил, что тот достаточно легко выходит из ножен, затем проделал ту же процедуру с кинжалом.

Пещера, над которой стоял замок, была вырублена в скале в незапамятные времена. По крайней мере, так Лансу рассказали. Каменный пол, каменный потолок, каменные стены. Все, кроме одной. Относительно свежая кладка, известь в такой сырости давно потеряла связывающие свойства, да и кирпич, наверняка уже не такой прочный, как во времена постройки. Это Лансу тоже рассказали, и он поверил, и лучше бы оно на самом деле было так. Иначе его обратный путь будет столь же неприятным, как и дорога сюда, да и главной своей цели он не достигнет.

Построенный более пяти веков назад Штормовой Замок считался неприступным. Все замки считаются неприступными до тех пор, пока их не возьмут приступом, и многие не выдерживают такого испытания. Забавно, но за все пять веков Штормовой замок так ни разу и не осаждали. Столицу штурмовали пять раз, дважды удачно, другие замки часто переходили из рук в руки, но этот всегда оставался в стороне. Зловещая репутация владельцев может хранить крепость лучше, чем высокие стены, хотя и на стены создатели замка тоже не поскупились. Войско молодого короля Леонарда уже трижды пыталось взять их приступом, и не факт, что как раз в это же время оно не предпринимает четвертой попытки.

Король молод и горяч, он жаждет крови, он поймал кураж и не желает ничего слышать о долгой и планомерной осаде, на которой пытались настоять более опытные полководцы. Короля можно понять, он хочет побыстрее закончить войну, а война не будет считаться законченной, пока последний бастион врага не падет, а голова предателя не окажется насаженной на пику.

Ланс подошел к рукотворной стене и взял в руки висевшую за спиной кирку. Граф Монте-Кристо удавился бы от зависти, если бы увидел такой инструмент.

Перебежчик не соврал, стена была в плачевном состоянии. Кирка пробила ее насквозь с первого же удара. Известь сыпалась из швов, кирпич крошился и падал под ноги. Для того, чтобы проделать подходящее для человека отверстие, Лансу потребовалось не больше десяти

минут.

— Ты уверен, что за состоянием этой чертовой стены никто не следит? — поинтересовался Ланс у перебежчика, когда они еще только составляли этот план.

— Уверен, — отозвался тот.

— А почему?

— Потому что считается, что по подземной реке попасть в замок невозможно.

— Тогда зачем эту стену вообще построили?

Перебежчик пожал плечами. Он этого не знал и знать не хотел. Ему вполне вольготно жилось без лишней информации.

Впрочем, Ланс и так мог представить, зачем построили эту стену. Кто-то из предыдущих владельцев замка старался предусмотреть все, чтоб не зависеть от случайности. Остальные полагались на то, что плавание по подземным водам считается актом суицидальным. И кто в итоге оказался прав?

Сложно сказать, подумал Ланс. Никто не рассчитывал на встречу со мной, а для обычного человека река стала бы непреодолимым препятствием. Но сам Ланс поставил бы на прежнего владельца. При прочих равных, параноики, как правило, живут дольше и редко умирают молодыми.

Ланс бросил кирку на пол, протиснулся через пробитое отверстие и зашагал по каменному проходу. Пол под его ногами едва заметно уходил вверх.

Двести-двести пятьдесят шагов, сказал перебежчик. Потом будет развилка и надо будет свернуть вправо. Слушайте внимательно, сэр, иначе вы можете блуждать по этим подземельям неделями. Ланс тогда рассеянно заметил, что он не рыцарь, а посему не стоит величать его «сэром».

— Как? — вскричал молодой король, при котором велась эта беседа. — Вы до сих пор не рыцарь? Что ж, это досадное упущение очень легко исправить. Преклоните колено, сэр Ланселот!

Ланс преклонил колено и снова стал рыцарем. В который уже раз, он и сам толком не помнил.

Он добрался до развилки, свернул направо. Уклон пола снова уводил Ланса вниз, но его об этом предупреждали. После следующей развилки опять начнется подъем.

Странно, что тут нет крыс, подумал Ланс. Зловещие подземелья принадлежащих колдунам замков просто обязаны кишеть полчищами крыс величиной хотя бы с терьера. Кто же обглодает кости героя, коли того постигнет неудача? Чьи шорохи в стенах пугают гостей по ночам? Да и вообще, крысы являются важным стратегическим запасом. Что же будут жрать доблестные защитники замка, если осада затянется на годы? Или опальный придворный чародей сможет накормить своих солдат манной небесной? Нет, отсутствие крыс в подземелье — это неправильно, как ни крути.

Неканонично.

Примерно через полчаса, по крайней мере, по его внутренним ощущениям, Ланс добрался до древней каменной лестницы, отделявшей подземелья от подвалов замка. Тут было уже не так сыро, хотя все еще темно. Стены из скальной породы сменились каменной кладкой, воздух стал чуточку чище. Что ж, значит, Ланс на правильном пути.

Перебежчик, нарисовавший подробные планы замка, был помощником интенданта, так что по роду службы часто бывал в подвалах. Его появление в лагере молодого короля Леонарда было столь своевременным, а знания так исчерпывающими, что Ланс сразу

заподозрил ловушку. Однако, теперь стало понятно, что перебежчик играл честно. Логичнее всего было встретить гостя, когда он только выбирался из реки, чем позволить ему проникнуть в обширные подвалы, где не боящийся темноты человек может скрываться неделями.

Не говоря уже о том, что ни один нормальный человек не полез бы в подземный поток, и вряд ли кто-то мог всерьез рассматривать такую возможность.

Ланс свернул направо и наткнулся на закрытую дверь. Железо давно проржавело, дерево прогнило, но, тем не менее, дверь была заперта с той стороны, хотя Лансу и сложно было представить человека, которого она в своем нынешнем состоянии могла бы остановить. Он уже приготовился выбить ее, как вдруг услышал с той стороны какой-то шорох.

Не вполне отдавая себе отчет в том, что он делает, Ланс аккуратно постучал в дверь рукояткой меча.

Шорохи усилились, сквозь щель в полу пробились отсветы факела. Ланс вытащил из-за пояса кинжал и занес ногу для удара, готовясь высадить дверь и убить всех, кто за ней окажется, и в этот момент глухо лязгнул засов.

Ланс прищурил глаза, чтобы приспособиться к новому освещению. После темноты подземелья свет одного-единственного факела казался для него слишком ярким.

В подвале обнаружился ребенок... нет, карлик. В одной руке он держал факел, другой нащупывал на полу кувшин с вином, который отставил только для того, чтобы отодвинуть засов. Судя по исходящему от него запаху, карлик был мертвецки пьян.

— Спасибо, — сказал Ланс.

— Пожалуйста, — карлик расплылся в пьяной улыбке. — А ты кто?

— Подземный дух.

— Врешь, — сказал карлик. — Дух бы не стал стучать. Духи имеют способности. Они могут просачиваться сквозь стены или что-то вроде того. Кроме того, духи так не воняют. Они вообще не воняют, а от тебя, милейший, разит, как от козла.

— Ну и кто я тогда? — поинтересовался Ланс, прикидывая, что ему с этим карликом делать дальше.

— Понятия не имею. Я бы сказал, что ты — пещерный гоблин, да вот беда, пещерные гоблины существуют только в бабушкиных сказках. Наверное, ты какой-нибудь сбежавший узник, заключенный в каменный мешок и каким-то образом прокопавший себе путь на свободу. Если это так, то думаю, что тебе пришлось очень долго копать, — карлик хихикнул.

— А сам ты кто такой? — поинтересовался Ланс.

— Неужели непонятно? — удивился карлик. — Я — местный шут.

Он аккуратно поставил кувшин с вином на землю, достал заткнутый за пояс колпак и позвенел бубенчиками.

— И что ты делаешь в подвале, шут?

— Пью, — откровенно признался карлик. — Сейчас такие времена, что стало не до шутов, вот я и пью. Все равно никому нет до меня никакого дела. А вино делает ожидание приятнее.

— Ожидание чего?

— Ожидание в целом, — сказал карлик. — Ты вообще в курсе, что происходит в стране? Король и его чародей сильно повздорили, и кончилось это тем, что королевские войска осаждают замок. Если король победит, его войска возьмут замок штурмом и всех нас казнят

за измену. А если победит Алый Ястреб, то прервется многовековая правящая династия, в чем я лично тоже ничего хорошего не вижу. Так что, нас в любом случае ждут смутные времена, и лучше встретить их во всеоружии. То есть, вместе вот с этим кувшином. Хочешь глотнуть?

— Не откажусь, — сказал Ланс.

Вино было неплохим. Ланс пробовал и лучше, но и хуже тоже. Гораздо хуже.

— У тебя есть имя? — поинтересовался он, возвращая кувшин карлику.

— Ринальдо. Я бы раскланялся, но боюсь, что не устою на ногах.

— И давно ты тут, Ринальдо?

— В подвале?

— Да.

— С тех пор, как мы получили известия о поражении на Золотом поле, — сказал Ринальдо. — Когда армия короля двинулась в сторону замка, я понял, что дело дрянь. Естественно, иногда я поднимаюсь на кухню, чтобы раздобыть себе немного еды, но последние новости, которые я слышу от поваров, гонят меня обратно. Подальше от войны и поближе к вину.

— Довольно мудрая позиция, — заметил Ланс. — Как ты думаешь, где сейчас твой хозяин?

— Зачем тебе это знать, милейший?

— Говоря по правде, я здесь для того, чтобы его убить, — сказал Ланс.

— Величайшего чародея страны? — уточнил Ринальдо. — Прославленного турнирного бойца? Человека, одинаково хорошо владеющего мечом и заклинанием?

— Таков план.

— Мне нравится, — сказал Ринальдо. — Хороший план без особых изысков.

— Чем проще, тем надежнее.

— Выходит, в этом конфликте ты выбрал сторону короля? Или у тебя какие-то личные счета?

— А это имеет значение?

— О, да, — сказал Ринальдо. — Если у тебя личные счета с Алым Ястребом, то это твои личные проблемы, и я не собираюсь тебе помогать. А вот если ты заодно с королем, то я с радостью провожу тебя к Алому Ястребу в обмен на гарантии моей личной неприкосновенности. Ну, в том случае, если у тебя таки получится, в чем я, извини, несколько сомневаюсь.

— И ты готов так просто предать своего хозяина?

— Я — шут, — сказал Ринальдо. — Шуты не присягают на верность чародеям. А вот по отношению к королю у меня есть кое-какие обязательства. Как и у любого верноподданного.

— Первый здравомыслящий человек, который попался мне на пути за долгое время, — пробормотал Ланс. — Меня зовут сэра Ланселот, и не далее, и не далее, чем вчера, король Леонард лично посвятил меня в рыцари. Если ты поможешь мне, я даю тебе слово, что когда войска короля войдут в замок, ни один волос с твоей головы не упадет.

— Меня не слишком волнуют волосы, — сказал Ринальдо. — Лишь бы сама голова осталась на месте.

— Так мы договорились?

— Думаю, да, — сказал Ринальдо. — Но учти, я только покажу дорогу. Если ты думаешь, что я буду биться тобой плечом к плечу... ну, или плечом к бедру, что больше

походит на правду, то ты ошибаешься.

— Я даже не попрошу, чтобы ты кусал моих врагов за пятки, — пообещал Ланс.

— Тогда не вижу причин, чтобы отказать тебе в помощи, — сказал Ринальдо. — Альый Ястреб может быть в одном из двух мест. Либо он у себя в покоях придумывает страшное колдовство, дабы обрушить его на армию короля, либо он на вершине башни это самое колдовство творит.

— Как бы нам узнать поточнее?

— Просто подожди меня здесь, — Ринальдо опустил кувшин с вином на пол, вставил факел в железное кольцо на стене и нацепил на голову шутовской колпак. — Я схожу наверх и все узнаю.

— Думаешь, я тебе доверюсь?

— Почему бы нет? Судя по тому, что ты наговорил мне раньше, ты для этого достаточно сумасшедший.

— Разумно, — согласился Ланс. — Заодно прихвати мне какой-нибудь одежды.

— Я — карлик и я чертовски пьян, — сказал Ринальдо. — Но я не дурак. Ясное дело что тебе не стоит показываться во внутренних покоях замка в этих лохмотьях.

— Не задерживайся, — сказал Ланс. — Если мне надоест ждать, я отправлюсь на поиски самостоятельно, и если я найду Алого Ястреба без твоей помощи, наш договор утратит силу.

Ринальдо вернулся через полчаса.

— Доспехов мне найти не удалось, — сказал он, вываливая на пол перед Лансом кучу тряпья. — Приличного камзола, разумеется, тоже. Впрочем, это не имеет особого значения, ибо любой мужчина, находящийся внутри замка, а не на стенах, будет вызывать вполне законные подозрения. Ну, кроме шутов и карликов.

— Там снова штурм? — уточнил Ланс.

— О, да, — сказал Ринальдо. — Грохот, лязг, дикие крики. Все, как вы любите.

— А где Альый Ястреб?

— В башне, — сказал Ринальдо. — Во-первых, оттуда очень хорошо видно замок и то, что творится за его пределами, во-вторых, там можно вершить какое-нибудь злое колдовство. Все, как он любит.

— С ним есть кто-нибудь?

— Отряд личной гвардии.

— Почему эти ребята не на стенах?

— Потому что они всегда при нем, — сказал Ринальдо. — В этом и есть главный принцип личной гвардии, знаешь ли. Они всегда при том, кого им положено охранять. И глядя на тебя, я понимаю, что в чем-то Альый Ястреб все-таки прав.

— Сколько там человек?

— Не знаю, — сказал Ринальдо. — На саму башню я не поднимался, а у подножия на страже стоят трое. Это проблема?

— Нет, — сказал Ланс. — Не думаю.

— Я тоже так не думаю, — сказал Ринальдо. — Трое стражников — не самая большая проблема для человека, который вылез из-под земли. Может быть, ты даже и не человек.

— Вроде бы, ты уже рассматривал версию о том, что я дух, и отбросил ее, как несостоятельную.

— Ну, я и не думаю, что ты дух, — сказал Ринальдо. — Но вполне может быть, что ты

— демон, вырвавшийся из огненных глубин преисподней.

— Что-то в этом есть, — согласился Ланс, надевая принесенную шутом одежду. Простая рубаха, штаны, потертая кожаная куртка... Сапоги пришлось оставить свои, те, которые раздобыл Ринальдо, оказались на два размера меньше.

— Я понимаю, что под такой одеждой меч не спрячешь, — заметил Ринальдо. — Но эту проблему тебе тоже придется решать самостоятельно.

— Ты просто покажи мне, где та башня, — сказал Ланс. — А потом можешь возвращаться сюда и продолжить то, чем ты занимался. Когда войска короля займут замок, я тебя найду и обо всем позабочусь.

— Мне нравится твоя самоуверенность, — сказал Ринальдо.

Преодолев два лестничных пролета, они вышли из подвала и оказались на полупустой кухне. Несколько поварят чистили овощи, пожилая женщина мыла большой котел. Мужчин, способных держать в руках оружие, Ланс в поле зрения не обнаружил.

На Ринальдо и его спутника работники ножа и черпака внимания не обратили. Видимо, карлик проходил здесь не первый раз и уже успел им порядком надоесть.

Зато на галерее, ведущей во внутренний двор замка, Ринальдо окликнули почти сразу.

— Эй, коротышка, кто это с тобой?

Судя по одежде, вопрошавшая вряд ли принадлежала к высшему сословию. Наверное, кто-то из служанок, подумал Ланс.

— Понятия не имею, красотка, — отозвался Ринальдо. — Какой-то олух из ополчения. Он заблудился у нас на кухне, и теперь я показываю ему путь на стены.

— Смотри, сам не свались со стены.

— Я надену колпак с бубенчиками, — сказал Ринальдо. — Если солдаты короля меня не пощадят, то я хотя бы успею забавно позвенеть в полете.

Девушка прыснула.

— Меня видели вместе с тобой, — сказал Ринальдо вполголоса. — Это не очень хорошо. Если ты вдруг поймешь, что у тебя ничего не получится, постарайся сделать так, чтобы твое тело изрубили до неузнаваемости, ладно?

— Не могу ничего обещать.

— Вот так всегда, — вздохнул Ринальдо. — Никакой благодарности. Сколько ни делай людям добра, никто никогда не позаботится в ответ о бедном несчастном карлике.

— Позволь мне угадать, — сказал Ланс. — В качестве шута ты большой популярностью не пользуешься, не так ли?

— Хозяин этого замка — колдун, — сказал Ринальдо. — У колдунов очень плохо с чувством юмора.

— Не повезло тебе с местом работы.

— Шутам при дворе старого короля повезло еще меньше, — заметил Ринальдо. — Последние годы жизни он считал, самое смешное, что можно сделать с человеком — это содрать с него кожу живьем. Или накормить похлебкой из его собственных внутренностей. Или сварить его в кипятке. Целиком или по частям. Или... в общем, такие вот шутки.

— Наверняка они это заслужили, — сказал Ланс.

— О, да, — сказал Ринальдо. — Как всегда.

Галерея кончилась, и они оказались во внутреннем дворе замка. Судя по долетавшим сюда звукам, штурм был в самом разгаре.

— Вон та башня, — указал Ринальдо.

— Довольно высокая, — заметил Ланс.

— Она называется Небесной, — сказал Ринальдо. — Угадай, почему.

— Даже и не соображу.

— Вход с той стороны, — сказал Ринальдо. — Стражники, соответственно, тоже. Я надеюсь, ты не обидишься, но дальше тебе придется идти одному.

— Спасибо, — сказал Ланс. — Я не забуду того, что ты для меня сделал.

— Уж надеюсь, — сказал Ринальдо.

Шут не соврал, стражников было трое.

Они видели его приближение, но не ожидали, что на них могут напасть в станах замка. Ланс и его главный союзник — эффект внезапности — заполучили их всех.

Первого он наотмашь рубанул мечом по шее, второму всадил кинжал в глаз. Третий схватился за меч как раз в тот момент, когда клинок Ланса пробил легкую кольчужную рубашку на его груди.

— Может быть, этот урок научит вас хоть чему-нибудь, — пробормотал Ланс. — И в следующей жизни вы будете стоять на страже с уже обнаженными мечами.

Башня была около десяти метров в диаметре, и на ее вершину вела узкая каменная лестница, спиралью выходящая вдоль стен. Двое могли бы разойтись на этой лестнице, если бы они были очень стройными и избавленными от боязни телесных контактов людьми.

Ненавижу ступеньки, подумал Ланс, но ведь именно этого и следовало ожидать. Если ты проникаешь в крепость через подземелье, то тебе обязательно придется лезть на самую высокую башню. А вот если ты высадишься с дельтаплана и перебежишь всех на крыше, то цель операции наверняка будет ждать тебя в самом глубоком подвале.

Хуже ступеней могут быть только солдаты, которые на них стоят, решил Ланс, когда первый из новой партии стражников набросился на него с обнаженным мечом. Ланс присел, уклоняясь от удара, зацепил противника мечом за ногу и скинул вниз. Он забрался уже достаточно высоко, чтобы такое падение стало если не смертельным, то хотя бы очень болезненным.

Второй стражник был вооружен тяжелым боевым топором, который вышибал крошки из каменной кладки. У этого оружия была дикая инерция, и Лансу ничего не стоило поймать парня на противохвате и пропороть ему бок кинжалом. Третьего Ланс заколол мечом, и тот рухнул на землю уже мертвым. Четвертый промахнулся и его меч застрял между камнями. Ланс прыгнул через ступеньку и просто столкнул неудачника вниз.

Солдаты и ступеньки. Если повезет, то солдаты кончатся раньше.

Не повезло.

Лестница закончилась небольшой площадкой под самым потолком башни. На площадке Ланса ждали четверо стражников. Ланс поманил их рукой, они не сдвинулись с места. На лестнице каждому гвардейцу приходилось биться с Лансом один на один, здесь же можно было атаковать парами, и они явно не собирались предоставлять Лансу лишних шансов.

Пришлось пользоваться теми, что есть.

Ланс увернулся от первого удара, второй ему пришлось принять на меч, и его клинок, верно послуживший на протяжении всего пути вверх, переломился почти у самого основания, оставив только пару дюймов лезвия у самого эфеса. Меч уже летел ему в голову. Ланс присел, пропуская лезвие над собой, а потом резко выпрыгнул, в один миг оказавшись на площадке в окружении четырех врагов. Но теперь они мешали друг другу, их длинным мечам негде было развернуться, в то время, как Ланс, орудуя кинжалом и коротким

обломком меча, принялся уравнивать счет.

Одного стражника Ланс скинул с площадки мощным ударом ноги, второго ударил кинжалом в лицо. Кинжал застрял. Времени ковыряться с ним уже не было, свободной рукой Ланс перехватил руку стражника с мечом, а в следующее мгновение всадил ему в горло обломок меча.

Несколько секунд тело стражника балансировало на краю, потом полетело вниз.

Ланс и последний стражник остались вдвоем. Стражник оскалился из-под шлема. Его меч был цел и длиннее оружия Ланса на целое лезвие.

Ланс нехорошо улыбнулся, бросил обломок на пол, повел в воздухе правой ладонью, и в ней оказался новый меч с лезвием черным, как сердце сборщика налогов.

Стражник попятился, и это была ошибка. Он стоял на самом краю площадки, и уже на третьем шаге его ноги не нащупали под собой опоры. Взмахнув руками, стражник полетел вниз, но упал он не на землю, рядом со своими неудачливыми коллегами, а на лестницу. Кубарем прокатившись с десятков ступенек, стражник замер, привалившись спиной к стене.

Ланс выждал некоторое время, но стражник не только не выказал никакого желания подниматься и продолжать бой, он вообще не подавал признаков жизни. Ланс пожал плечами и повернулся лицом к двери, которая вела на вершину башни.

Дверь оказалась закрыта с другой стороны. Потратив несколько взмахов меча, Ланс вырубил замок и оказался в небольшом помещении. Новых стражников за ним не было. Алого Ястреба, впрочем, тоже.

Небольшая комната была пустой. В ней не было даже мебели, только небольшая лестница и люк на смотровую площадку. Либо чертов карлик наврал, либо колдун предпочитал вершить свои дела на свежем воздухе.

Пять ступенек — сушая ерунда по сравнению с предыдущим испытанием. Ланс высунул голову в люк и понял, что Ринальдо его не обманул.

Смотровая площадка Небесной башни не была обнесена даже символическими перилами. Алый Ястреб стоял спиной к Лансу, в центре начертанной им пентаграммы. Пламя факелов, обозначавших углы пентаграммы, рвалось на ветру.

Мятежный чародей в своих тяжелых боевых доспехах более походил на воина, чем на мага. Его голова и руки были воздеты к небесам, с губ срывались заунывные литания команд. Над башней стремительно сгустились тучи.

Ланс деликатно кашлянул, стремясь привлечь к себе внимание. Чародей никак на его кашель не отреагировал, и тогда Ланс выбил ногой один из факелов, сбросил его с башни и принялся стирать пентаграмму.

Это подействовало. Когда чародей обернулся, Ланс отметил, что седины в его бороде куда больше, чем ржавчины, а в глазах полыхает гнев.

— Чисто из любопытства, — сказал Ланс, указывая пальцем в небо. — А что это должно было быть? Цепная молния, кислотный дождь или что-то более изысканное?

— Ты кто такой? — спросил Алый Ястреб.

— Мне кажется, в данном контексте это не так уж важно, — сказал Ланс. — Главное, что тебе стоит обо мне знать, так это то, что я отношу себя к старой школе истинных джентльменов, а потому дам тебе право сделать первый ход.

Алый Ястреб наклонился, поднимая длинный меч, лежавший за пределами пентаграммы.

— Даже так? — несколько разочарованно пробормотал Ланс. — Признаться, я ожидал

не этого...

Чародей атаковал яростно и умело, а броня позволяла какое-то время не думать о защите. Черный клинок Ланса трижды упирался в его панцирь и оставлял глубокие царапины на лакированном металле, но Алый Ястреб не терял задора. Он был тяжелее и мощнее, но Ланс, не скованный весом доспехов, превосходил его в маневренности. Дважды он уходил из-под удара, балансируя на самом краю башни.

Вскоре Ястреб начал выдыхаться. Он был уже не молод, и вряд ли прыжки с мечом в руках входили в список его ежедневных упражнений. Удары стали слабее, паузы между ними — больше. Ланс легко парировал очередной выпад, сделал финт и выбил оружие из рук чародея. Меч описал дугу по воздуху и скрылся из поля зрения, Ланс и чародей проводили его взглядами.

— Я слышал о тебе, — сказал Алый Ястреб. — Ты убил Смеющегося на Золотом лугу.

— Я тоже о тебе слышал, — сказал Ланс. — Но похоже, что по большей части это были пустые слухи.

— Полагаю, нет ни одного шанса отговорить тебя от того, зачем ты сюда пришел?

Ланс покачал головой.

— Ты можешь попробовать остановить меня с помощью своей магии.

Чародей окинул взглядом наполовину стертую пентаграмму. Из пяти факелов продолжали гореть только два.

Алый Ястреб выхватил из-за пояса кинжал и бросился на Ланса. Тот легко ушел в сторону и рубанул чародея по ногам. Удар не пробил красных доспехов, но чародей окончательно потерял равновесие и полетел вниз, навстречу камням внутреннего двора.

Ланс подошел к краю и посмотрел. Чародей явно был мертв, вокруг его головы уже растекалась небольшая лужица крови.

Алый Ястреб так и не научился летать.

Глава первая. Крепость на берегу

Двое всадников ехали по пустынной дороге. Издалека их можно было принять за отца и сына, но вблизи становилось видно, что это не так. Они выглядели, как ровесники, а существенная разница в габаритах объяснялась тем фактом, что один из мужчин был карликом.

— Жарко, — пожаловался Ринальдо.

— Попей воды.

— У меня кончилась вода.

Ланс протянул ему свою флягу.

— Седло натерло мне задницу.

— Вот тут я тебе точно ничем не могу помочь.

— Я не предназначен для верховой езды.

— Может быть, тебе следовало остаться шутком, — сказал Ланс. — Но когда король Леонард предложил тебе место при дворе, ты ясно дал понять, что эта карьера тебя больше не прельщает.

— Я был пьян и плохо соображал.

— И кто в этом виноват?

— Лично я склонен во всем винить тебя, — сказал Ринальдо. — Ведь именно ты стал причиной больших перемен в моей жизни.

— Я спас тебе жизнь.

— Когда я думаю о своей натертой заднице, я уже почти жалею об этом. И зачем нам нужно было отрываться от обоза?

— Я люблю путешествовать налегке, — сказал Ланс. — А ты сам изъявил желание меня сопровождать.

— Мне показалось, что так безопаснее. Твои люди не особенно любят карликов.

— Они и меня не особенно любят, — сказал Ланс.

— Но если бы мы ехали в обозе, то могли бы ночевать с куда большим комфортом.

— Обоз тащиться слишком медленно, — сказал Ланс. — Если нам повезет, то сегодня вечером мы уже будем ночевать в моем новом замке.

— Наверняка какая-нибудь жалкая груда камней на задворках королевства, — фыркнул Ринальдо. — После того, как ты фактически выиграл для молодого короля эту войну, ты мог бы попросить и что-нибудь получше.

— Мне нравятся жалкие груды камней, — сказал Ланс. — А еще больше мне нравятся задворки.

— Ты — самый странный человек из всех, кого я когда-либо видел, — сказал Ринальдо. — А я служил шутком у чародея, так что насмотрелся на очень странных людей.

— Кто-то из них даже смеялся твоим шуткам?

— Ты ставишь под сомнение мой профессионализм?

— Только не начинай шутить, ладно?

— Боюсь, что все мои шутки устарели, — сказал Ринальдо. — Политическая ситуация в стране поменялась слишком быстро.

— А ты шутил только о политике?

— Вряд ли тебя позабавят истории о пастушках и свинопасах.

— Говорят, что можно смешно рассказать любую историю.

— И кто же это так говорит?

— Люди.

— Люди часто болтают всякую ерунду.

— Тоже верно.

— И вообще, у меня нет настроения рассказывать смешные истории, — сказал Ринальдо. — Моя задница вопиет о пощаде.

— Сейчас полдень, — сказал Ланс. — Если нам не соврали те крестьяне, которых мы встретили утром, часа через три мы будем на месте.

— Я бы не стал верить крестьянам, — сказал Ринальдо. — Как можно доверять людям, которые всю жизнь копаются в земле?

— У шутов есть свои привилегии, — сказал Ланс. — Но тебе стоит помнить, что неприкосновенность со стороны объектов твоих шуток кончается за пределами пиршественной залы, и в реальной жизни тебе стоит быть сдержаннее. Если тебя услышат те же крестьяне, они могут не оценить твоего юмора, а физические параметры у тебя совсем не такие, с которыми хорошо драться или убегать.

— Я карлик, а не идиот, — сказал Ринальдо. — Я бы не стал так шутить при крестьянах. Все знают, что с чувством юмора у них еще хуже, чем у чародеев.

— Чуть что, хватаются за топоры и вилы?

— И еще за эти страхолюдные молотилки, — сказал Ринальдо. — Тебе не кажется подозрительным, что практически любой инструмент, предназначенный для крестьянского труда, с легкостью превращается в смертельное оружие?

— Нет.

— Но ведь это на самом деле подозрительно, — сказал Ринальдо. — Вот если взять рыцаря — человека с мечом. Понятно, для чего ему меч, понятно, что от такого человека стоит держаться подальше. А крестьянин? Как понять, что у него на уме? Сегодня он этой шуковинной зерно обрабатывает, а завтра ей же тебе голову и проломит.

— А ты не провоцируй, — посоветовал Ланс.

— Да как понять, что именно его спровоцировать может? Не то сказал, не так посмотрел, не о том промолчал...

— Я вижу, ты не очень часто выезжал из замка.

— Разве что в город, — согласился Ринальдо. — Люди должны жить в городах. Или хотя бы в замках.

— И вокруг обязательно должны быть высокие стены?

— А как еще понять, что ты в безопасности? Если стен нет?

— Алому Ястребу стены не помогли.

— Это потому что на каждого Алого Ястреба всегда найдется свой сэр Ланселот, — сказал Ринальдо. — Но я-то человек маленький во всех смыслах, вряд ли кто-то будет охотиться за мной персонально. От всех же других опасностей высокие стены спасают лучше, чем... чем вообще никаких стен. Кстати, если бы ты не сбросил с башни моего господина, еще не факт, что наш замок был бы взят. Если бы народ не повалил со стен, штурм бы захлебнулся...

— Затяжные осады — штука малоприятная, — сказал Ланс. — Сначала кончается вино, потом закуска...

— Да, картина малоприятная, — сказал Ринальдо. — Впрочем, сейчас мне кажется, что

мне было бы легче пережить тяготы осады, чем натертую седлом задницу.

— Это ты сейчас так говоришь.

— Ну да, — сказал Ринальдо. — Потому что осада — это где-то далеко и уже не про меня, а задница — вот она. Огнем горит.

— Я уже устал от разговоров о твоей заднице.

— Я не виноват, что сейчас это единственная тема, которая меня по-настоящему волнует.

— Мне надо было оставить тебя в обозе.

— А мне надо было остаться. Но мудрость, как водится, приходит на следующий день. Когда она уже никому особенно и не нужна.

— Но ты можешь сделать выводы, которые помогут тебе правильно поступить в следующий раз.

— Если он будет, — сказал Ринальдо.

— Когда мне было пятнадцать лет, я упал с лошади, — сказал Ринальдо. — Сломал ногу и сильно ударился головой. Если бы в то время я сделал правильные выводы, с тех пор я бы не садился ни на одну лошадь. А вод поди ж ты...

— Ничему тебя жизнь не учит.

Ринальдо поерзал в седле, стараясь найти более комфортное положение, но, судя по страдальческому выражению лица, ничуть в этом не преуспел.

— А вот серьезно, — сказал Ринальдо. — Король был готов сделать тебя капитаном своей личной стражи, даровать любые земли, вознести тебя до небес, и даже сосватать тебе девицу благородного рода. Любой мечтал бы оказаться на твоём месте. Почему же ты попросил так мало?

— Благоволение королей — штука не постоянная.

— Поэтому и надо пользоваться, пока она есть. Тем более, что ты честно это заслужил.

— Заслуги забываются, а дары остаются, — сказал Ланс. — Рано или поздно, но за них обязательно предъявят счет. И чем больше дары, тем раньше предъявят.

— Мне не близка эта жизненная позиция, — заявил Ринальдо. — Пока есть возможность, надо брать, как можно больше. А о последствиях начинать думать не раньше, чем они наступят.

— Такое мировоззрение вряд ли приведет тебя к долгой жизни.

— Пусть она будет короткой, но веселой, — сказал Ринальдо. — В конце концов, я не собираюсь жить вечно. То есть, нельзя сказать, что я категорически против этого, но вряд ли у меня получится.

— Угу, — буркнул Ланс.

— Вообще, преимущества вечной жизни кажутся мне несколько преувеличенными, — сказал Ринальдо. — Посмотри на стариков. У них нет зубов, нет волос, нет никаких желаний и нет сил, чтобы исполнить эти желания, если бы они откуда-нибудь вдруг появились. И это уже лет в восемьдесят. А что же будет дальше? В сто лет? В сто пятьдесят? Я думаю, природа распорядилась очень правильно. Люди просто не должны доживать до такого возраста.

— А если к вечной жизни будет прилагаться вечная молодость? — поинтересовался Ланс.

— Это куда более интересный вариант, — сказал Ринальдо. — Но такого просто не бывает. В слишком выгодных предложениях всегда есть какой-то подвох, и боги не были бы

богами, если бы не подложили людям какой-нибудь свиньи.

— Так боги или природа?

— Одно другому не мешает, — сказал Ринальдо. — Боги — это часть природы. Возможно, не самая лучшая ее часть.

— А ты сейчас точно не богохульствуешь?

— Понятия не имею. Я никогда не был силен в теологии.

— Почему Алый Ястреб терпел тебя так долго?

— Потому что обычно ему не было до меня никакого дела, — сказал Ринальдо. — У него был замок, а в замке должен быть шут. Просто потому что так положено. Сам Ястреб в замке до войны практически не появлялся. Большую часть времени он проводил в столице, сначала продлевал жизнь старому королю, потом интриговал против нового. Как показала история, ни в том ни в другом он особо не преуспел.

— Как показала история, он и колдуном был вполне посредственным.

— Вот тут я с тобой, пожалуй, не соглашусь, — сказал Ринальдо. — На моей памяти он выделял довольно впечатляющие вещи. Просто магия — не слишком точная наука. Иногда тебе удается обманывать законы природы, а иногда — нет. Алый Ястреб проиграл свою последнюю схватку с гравитацией, ну а кто бы на его месте не проиграл?

— Я видел людей, способных на левитацию.

— Я тоже. Но это были либо очень искусные фокусы, либо магия, которая требовала полной сосредоточенности и концентрации. Ты когда-нибудь пробовал сосредоточиться в тот момент, когда войска молодого короля идут на штурм, а тебя сбрасывают с твоей собственной башни? Нет? Вот то-то и оно.

— Но это же полная чушь, — сказал Ланс. — Зачем было доводить дело до падения с башни? Зачем колдуну встречать противника с мечом в руках?

— Потому что Алый Ястреб был дворянином, — сказал Ринальдо. — Он был рыцарем, и именно так рыцари реагируют на угрозу. С мечом в руках. Меч зачастую оказывается надежнее любого заклинания.

— Если ты умеешь им владеть.

— Так он вроде умел.

— Он был слишком стар для меча.

— Нет, — сказал Ринальдо. — Он был слишком стар для тебя, а это разные вещи.

Ланс хмыкнул.

— Я видел, как он владеет мечом. Не скажу, что он был лучшим клинком королевства, но он был неплох. Он мог бы справиться с тобой, если бы ты был обычным бойцом. Но совладать с демонами, вырвавшимся из самых глубин преисподней, ему не удалось.

— А, так я все-таки демон.

— Просто я пытаюсь найти какое-то логическое объяснение тому, что произошло, — сказал Ринальдо. — Я слышал историю о башне, я видел тела. Тридцать шесть человек, не считая самого Алого Ястреба.

— Мне казалось, их было меньше.

— Историю о битве на Золотом луге я тоже слышал, — сказал Ринальдо. — Отряд рыцарей пытался пробиться на холм, где размещалась ставка моего бывшего господина. Их всех изрубили в клочья, кроме одного. Того самого, который прорвался сквозь ряды противника, поднялся на холм и зарубил Смеющегося. Сие событие переломило ход битвы, и войска молодого Леонарда одержали первую в этой войне победу. Этим человеком,

которому король Леонард Второй обязан своим троном, был некий сэр Ланселот.

— Тогда еще не сэр.

— Значит, всего остального ты не отрицаешь.

— Мне просто повезло.

— Ха, — сказал Ринальдо.

— Ты не веришь в удачу?

— Я не верю в то, что удача возникает на пустом месте, — сказал Ринальдо. — Удача не любит сирых и убогих, она благоволит сильным и смелым. Мне вот в жизни никогда особенно не везло.

— Тебе повезло в тот раз, когда ты встретил меня в подвале.

— О, да, — сказал Ринальдо. — И я боюсь, что на этом мой лимит везения исчерпан, и дальше я буду влачить жалкое и ничтожное существование, полное всяческих несчастий. С другой стороны, может быть, мне удастся оторвать кусок от твоей удачи, пока она от тебя не отвернулась.

— Думаешь, отвернется?

— Удача — девка капризная, — сказал Ринальдо. — Не знаю, понимаешь ты это или нет, но после того, как ты проявил себя на поле боя, ты нажил множество врагов. Наверное, понимаешь. Ты временами сумасшедший, но явно не дурак.

— Если у тебя нет врагов, то ты ничего из себя не представляешь, — сказал Ланс.

— У меня нет врагов.

— Вот и делай выводы.

— Ты жесток.

— А жизнь несправедлива.

— Особенно по отношению к карликам.

— С другой стороны, тебе повезло в том, что ты карлик. Если бы ты был нормального роста, то сейчас был бы солдатом или крестьянином, а эти занятия, как я понимаю, тебя не слишком прельщают. Или ты можешь похвастаться высоким происхождением?

— Увы, не могу. Моя мать была шлюхой, а кто мой отец, она и сама не знала. В детстве я часто фантазировал, что мой отец — человек благородных кровей, барон или граф, или даже герцог, и он обязательно найдет меня и возьмет жить во дворец. Потом я чуть подрос и понял, что если мой отец барон, граф, или даже герцог, то он никогда не признает своим сыном какого-то карлика, выросшего в борделе.

— Жизнь несправедлива, — повторил Ланс.

— Это на твоей высоте она несправедлива, — сказал Ринальдо. — А на моей она беспощадна.

— Но ты все же выкрутился.

— Шлюхи в борделе находили меня забавным, и я решил попробовать себя на поприще шута, — сказал Ринальдо. — Быть шутком несложно. Просто говори людям то, что ты о них на самом деле думаешь. Они так редко слышат правду, что принимают ее за изысканную шутку. Но это работает, когда они более-менее трезвы. А когда они достаточно наберутся на пиру, можно просто прокатиться перед ними на свинье или упасть в лужу, и успех тебе обеспечен.

— Сколько тебе лет, Ринальдо?

— Двадцать семь или двадцать восемь, мамаша плохо разбиралась в цифрах. В любом случае, по меркам карликов, я уже старик. Редкий карлик доживает до двадцати восьми лет.

— Вполне может статься, что тебе еще только двадцать семь.

Ринальдо закатил глаза.

— Ты знаешь, что жизнь карлика в два раза тяжелее жизни обычного человека?

— С чего это? Вам требуется в два раза меньше еды, в два раза меньше вина, на пошив вашей одежды уходит меньше ткани...

— Но у нас короткие ноги, и чтобы пройти то же расстояние, нам требуется в два раза больше шагов.

— Ты сейчас едешь на лошади, так что это несущественно.

— Не напоминай мне о лошадях, — сказал Ринальдо. — Если бы боги хотели, чтобы люди ездили на лошадях, они бы сделали их спины мягкими, как диванные подушки, и тогда я бы не натер себе задницу. Но поскольку они этого не сделали, я могу придти к выводу, что ездить верхом — это противоестественно.

— Все-таки тебе следовало принять предложение короля и переехать жить в столицу. В дворце диванов наверняка больше, чем лошадей.

— Говоря по правде, мне не очень нравится наш новый король.

— Вот как? — удивился Ланс. — Тогда почему же ты помог мне?

— Из верноподданнических чувств. Король может нравиться или не нравиться, но он король. Леонард Второй молод, глуп и несдержан, но это не повод для того, чтобы скинуть его с трона и положить конец династии, которая правила нами много веков. Где окажемся мы все, если не будем хранить свои клятвы, соблюдать традиции и выполнять взятые на себя обязательства?

— Удивительная лояльность, — заметил Ланс.

— Ничего удивительного, — сказал Ринальдо. — Король — это не просто человек, это нечто большее. Король — это идея. Мне может не нравится человек, но я храню верность идее, которую этот человек представляет.

— Жаль, что Алый Ястреб не думал так же.

— Он был волшебником. У них другие идеи.

— Он был придворным волшебником и первым министром.

— Ну, значит, он радел о благе государства так, как он его понимал, — Ринальдо пожал плечами. — Сейчас уже неважно, что именно они с королем не поделили. В тот момент, когда он бросил вызов трону, страна разделилась на два лагеря.

— На три, — сказал Ланс. — Сторонники короля, сторонники чародея и выжидающие в стороне.

— Я уверен, что у выжидающих в стороне тоже были свои предпочтения, — сказал Ринальдо. — Но пусть будет так. Пусть на три. В любом случае, эти расколы не ведут ни к чему хорошему. Междоусобная война — это любимое развлечение высшего сословия, но гибнут-то в основном простолюдины. Такие, как я.

— Насколько я слышал, на Золотом луге полегло много представителей древних и именитых родов.

— Да, и они съехались туда потому, что считали войны уже выигранной. Шансы, что молодой король выиграет эту битву, были ничтожно малы, и союзники Алого Ястреба хотели поучаствовать в разгроме, чтобы потом урвать свой кусок пирога. Сложно убедить человека, что ты всегда был на его стороне, если твое войско не участвовало ни в одной битве. На Золотой луг они собирались, как на парад победы, и он бы таковым стал, если бы ты не вмешался.

— Мне кажется, мои заслуги несколько преувеличены.

— Может быть и так, но именно твое имя у всех на слуху, — сказал Ринальдо. — На Золотом лугу и после него ты поломал много планов и настроил множество могущественных людей против себя. Ты можешь даже не подозревать об их существовании, а они прямо сейчас вынашивают свои планы мести.

— Ты пытаешься меня напугать?

— Я пытаюсь тебя предупредить, — сказал Ринальдо. — Алый Ястреб тоже был из древнего рода, и его смерть наверняка опечалила очень многих. Мстить королю они, конечно же, не решатся, ведь для такой мести им понадобится развязать новую войну. А ты — куда более легкая мишень. Безродный выскочка, выигравший битву и ставший рыцарем. Герой войны, о котором до начала этой самой войны никто и вовсе не слышал.

— Если все карлики похожи на тебя, то я начинаю понимать, почему они редко доживают до двадцати восьми лет.

Ринальдо ухмыльнулся.

— Короткое тело, длинный язык, — сказал он. — Нет, я думаю, это довольно редкая болезнь.

— Язык всегда можно укоротить, — заметил Ланс.

— Обойдемся без угроз, — попросил Ринальдо. — Я и так не очень хорошо себя чувствую.

Ближе к вечеру они наконец-то увидели крепостные стены. Замок был построен на каменистом морском берегу, и в лучах заходящего Солнца смотрелся величественно. Но стоило им подъехать поближе, как Ланс убедился, что замок нуждается в качественном ремонте. Из кладки выпало несколько десятков камней, стены поросли вьющимися растениями и вовсе не казались неприступными, ров давно высох и наполовину обвалился, а на башнях явно не хватало нескольких зубцов.

— Груда развалин, как я и говорил, — удовлетворенно заявил Ринальдо. — Хотя, должен признать, довольно живописная. Особенно если смотреть на нее в сумерках и издалека.

— Зато когда мы попадем внутрь, ты сможешь наконец-то слезть с лошади, — сказал Ланс.

— И выпить вина, — согласился Ринальдо. — Собственно говоря, только это меня и радует.

Цепи подвесного моста основательно проржавели. О том, в каком состоянии находится сам подъемный механизм, Ланс предпочел не задумываться. В случае опасности этот мост легче разрушить, подумал он. Хватит и пары хороших ударов топором. Только какой в этом смысл, если этот мост перекинуть через ров, который можно перейти, даже не замочив ног?

Зато ворота оказались закрыты. Конечно, их тоже можно было открыть парой хороших ударов топором, но Ланс предпочел воспользоваться подвешенной на веревке колотушкой.

— Если их погребя находятся в таком же состоянии, то вино давно превратилось в уксус, — заметил Ринальдо. — Это было бы довольно обидно, учитывая, как я хочу пить.

— Откуда в таком маленьком теле столько пессимизма?

— Жизненный опыт, друг мой. Жизненный опыт.

В воротах отворилась небольшая калитка. Привратником оказался молодой мужчина в легких кожаных доспехах. За поясом у него висел то ли короткий меч, то ли длинный

кинжал, а в руках он держал коптящий факел.

— Кого еще принесло? — любезно осведомился он.

— Именем короля! — гаркнул Ринальдо. — Открывай ворота немедленно, или тебе не поздоровиться!

— Я бы прислушался к его мнению, — посоветовал Ланс. — Никогда не становись между мягкой подушкой и человеком с натертой задницей.

— Что еще за шутки?

— Никаких шуток, — сказал Ланс. — У меня есть королевский указ, приятель. Я — новый хозяин этих земель и этого замка соответственно. И хотя я не чужд милосердия, не стоит испытывать его пределы. Открывай ворота.

Парень сообразил, что дело серьезное, захлопнул калитку и загромыхал засовом. Примерно через полминуты громыхания и зловещего скрипа ему удалось приоткрыть одну створку ворот и Ланс с Ринальдо завели лошадей во двор.

— Как же хорошо, — пробормотал Ринальдо, спрыгивая на землю и разминая ноги. — Клянусь шелковыми чулками моей тетушки Бет, следующий раз я сяду в седло только под страхом смерти.

Ланс тоже спешил и отдал поводья привратнику, который к этому времени таки справился с засовом и умудрился закрыть ворота, не сломав их окончательно.

— Как тебя зовут?

— Джори, милорд.

— Проводи нас в обеденный зал, Джори, — сказал он. — Распорядись, чтоб позвали кастаньяна. Чтоб разожгли камин, если он не горит, принесли еды и вина. И пусть кто-нибудь позаботится о лошадях.

— Да, милорд.

Обеденный зал оказался из разряда тех, про которые говорят «бедненько, но чисто». Пара добротных деревянных столов, грубые деревянные скамьи, несколько стульев. Стены украшены старыми щитами и прочими геральдическими штуковинами. Над небольшим камином, в котором тлели оставшиеся с вечера угли, висела голова оленя с ветвистыми рогами.

Джори проводил их в зал и тут же исчез, но уже через минуту появились молодые служанки с подносами. Одна из них подбросила в камин новую порцию дров и зал наполнился веселым треском горящих сучьев.

Ринальдо поморщился, с трудом устраиваясь на слишком высоком для него стуле.

— Принесите какую-нибудь подушку моему другу, — попросил Ланс. — Похоже, у него проблема с тем местом, на котором люди сидят.

Одна из девушек прыснула в кулачок, но принесла отставному шуту подушку, благодаря которой тот смог устроиться с относительным комфортом. Ланс налил в кубки вина, отломил кусок хлеба и бросил на него ломоть холодного мяса.

— Ну, по крайней мере, их вино не превратилось в уксус, — сказал Ринальдо, отпивая из своего кубка. — За благополучное окончание нашего путешествия!

Выпили.

— Может быть, мне тут еще понравится, — сказал Ринальдо, провожая служанок взглядом.

Джори вернулся. Вместе с ним пришел высокий седовласый старик в потертом камзоле. Джори доложил, что лошади расседланы и поставлены в конюшню, а старик

отрекомендовался сэром Гантом, здешним кастеляном.

— Джори что-то говорил мне о королевском указе, милорд.

— Вот, — Ланс вынул свиток из наплечной сумки и протянул его сэру Ганту. — Видите королевскую печать?

— Да, милорд.

— Читайте.

Старик развернул свиток и пробежался по нему взглядом. Джори попытался заглядывать через плечо, но с таким видом, что Ланс засомневался, обучен ли парень грамоте.

— Все верно, милорд, — сказал сэр Гант, возвращая свиток Лансу. — Добро пожаловать в Нарду, Замок Заката. Я распорядюсь, чтобы апартаменты были готовы к тому времени, когда вы закончите ужинать.

— Прекрасно, — сказал Ланс.

— Вашему спутнику нужна отдельная комната?

— О, да, — сказал Ринальдо. — И положите на кровать побольше подушек.

— Займись этим, — сказал сэр Гант Джори. — Могу я задать вам вопрос, милорд?

— Конечно, — сказал Ланс.

— Возможно, он покажется вам бестактным или несвоевременным, но мне хотелось бы знать о том, что случилось с лордом Риттером.

— Он выбрал не ту сторону в этой войне, — сказал Ланс. — Его отряд был разбит в битве на Золотом луге, а сам лорд был легко ранен. Король сохранил ему жизнь, но за участие в мятеже лишил всех земель и титулов, а также приговорил его к изгнанию. Полагаю, сейчас лорд Риттер уже за пределами королевства.

— Спасибо, милорд, — сэр Гант повернулся, чтобы уйти.

— Завтра утром мне понадобится небольшая экскурсия по замку, — сказал Ланс. — Хочу посмотреть, как тут что.

— Конечно, милорд.

— Ты, наверное, ждешь, что я составлю тебе компанию на этой экскурсии, — хмыкнул Ринальдо, когда сэр Гант удалился, оставив их наедине. — Но тебе придется обойтись без моего общества, потому что я планирую вылезти из постели только к обеду. А еще лучше — к ужину.

— Даже не представляю, как я без тебя обойдусь, — сказал Ланс.

— Сарказм, — констатировал Ринальдо, потянувшись за кубком. — Если бы сарказмом можно было наестся, я бы никогда не ходил голодным.

Глава вторая. Неожиданные сложности

Кастелян подошел к знакомству нового хозяина со старым замком весьма основательно, и экскурсия, начавшаяся в десять утра, закончилась далеко за полдень. Они слазили на все четыре башни, прогулялись по стене, спустились в подвалы, прошли километры по галереям и внутренним анфиладам крепости, заглянули на кухню и в конюшни и даже совершили небольшую прогулку верхом. В целом Ланс остался доволен увиденным.

Замок был стар, и у его прежних хозяев не хватало денег на полноценный ремонт, однако они делали все, что могли.

Жилые и подсобные помещения содержались в чистоте, кладовые хранили достаточный запас еды, пусть особых деликатесов там и не было, винный погреб тоже не пустовал. Лошади в конюшнях не выглядели истощенными, впрочем, как и парочка крыс, на которых Ланс наткнулся в одной из кладовых.

А вот людей в крепости было маловато.

Большую часть способных держать оружие мужчин граф Риттер забрал с собой на войну, и вряд ли кто-то из них сможет сюда вернуться. Кроме самого сэра Ганта и привратника Джори в замке было лишь несколько стражников, а все остальную работу выполняли женщины.

Известие о том, что старый лорд и его отряд так и не придут с войны, опечалило обитательниц замка, Ланс пару раз слышал сдавленные рыдания и поймал на себе несколько косых взглядов. И ведь это они еще не знают, что победой на Золотом луге молодой король обязан именно их новому хозяину. Хотя вряд ли их неведение будет долгим. Скорее всего, оно продлится ровно до тех пор, пока Ринальдо не выползет из своей постели.

Под самый занавес экскурсии сэр Гант снова вытащил Ланса за пределы замка и показал ему искусно замаскированный подземный ход, ведущий напрямик в апартаменты старого лорда.

— Разумеется, пройти по нему до конца с этой стороны у нас не получится, — сказал кастелян. — Помимо двух дверей, которые можно отпереть только со стороны замка, там есть еще несколько ловушек. В общем, я бы не советовал вам прогуливаться там без проводника.

— А кто, помимо вас, мог бы меня сопровождать?

— Боюсь, что никто, милорд. Ход очень старый и в последние годы за его состоянием никто не следил.

— Зато теперь он просто идеально замаскирован кустами и всей этой выросшей травой, — заметил Ланс. — Сэр Гант, давайте поговорим начистоту.

— Конечно, милорд.

— Вы кажетесь мне ценным человеком, — сказал Ланс. — Замок в довольно приличном состоянии, люди вас уважают и мне хотелось бы, чтобы вы продолжали нести свою службу при мне так же, как вы несли ее при графе Риттере. Однако, если вы захотите присоединиться к старому хозяину в изгнании, я не стану вас удерживать против вашей воли. Дайте мне только пару дней, чтобы войти в курс дел, и посоветуйте человека, который может вас хотя бы временно заменить.

— Это сложный вопрос, милорд. Я присягал на верность графу Риттеру, — сказал сэр Гант. — Но когда я приносил свою рыцарскую клятву, я также присягал на верность короне.

Долгое время эти клятвы не вступали в противоречие друг с другом, но когда пришла пора выбирать...

Ланс молчал, предоставив кастеляну время, чтобы собраться с мыслями.

— Мы со старым графом хорошо понимали друг друга. По крайней мере, до тех пор, пока он не решил поддержать Алого Ястреба и выступить против молодого короля, — сказал сэр Гант. — Наверное, с тех пор, как король лишил его титулов, у меня больше нет вассальных обязанностей перед графом Риттером. Черт побери, эту звучит так, будто я ищу себе оправдания!

— Эти внутренние войны всегда создают много сложностей, — сказал Ланс.

— Я слишком стар, чтобы отправляться в добровольное изгнание, милорд, — признал сэр Гант. — Я родился в этих краях, я вырос здесь, здесь прошла вся моя жизнь, если не считать двух коротких отлучек на войну. Я знаю этот замок так, как не знает его никто, я заботился о нем последние двадцать лет. Пожалуй, я предпочел бы остаться здесь. Мне не так долго осталось, и я хотел бы, чтобы меня похоронили здесь, а не в какой-то чужой незнакомой стране.

— Вполне понятное желание, — согласился Ланс. — Я буду рад, если вы останетесь.

— Могу я также задать вопрос, милорд?

— Конечно.

— Как у вас с деньгами? Замок, как вы видите, нуждается в некотором ремонте.

— Мое финансовое положение зависит от того, в каком состоянии сюда прибудет мой обоз, — ухмыльнулся Ланс. — Надеюсь, королевские гвардейцы, которых Леонард отрядил для защиты, доставят его сюда в целостности и сохранности.

— В первую очередь нам стоило бы укрепить стены, милорд.

— Стены, — повторил Ланс. — Не люблю я крепостные стены. Когда ты атакуешь замок, со стен на тебя летит всякая гадость. Стрелы, кипящее масло, горячая смола. Ты лезешь по лестнице, которая шатается под твоими ногами, сверху падают трупы твоих товарищей, и какая-нибудь засевшая там гадина так и норовит проломить тебе череп топором. С другой же стороны, когда ты защищаешь замок, стены только продлевают агонию. У Алого Ястреба были очень высокие стены, но они ему не помогли.

— Есть замки, которые выдержали несколько осад, милорд, — сказал сэр Гант.

— Но замков, которые пали, гораздо больше, — сказал Ланс. — Мне нравится Нарда, но давайте будем реалистами. Против шайки разбойников он годится и в нынешнем состоянии, но если нас будет осаждать целая армия, замку не устоять даже если мы поднимем стены вдвое от их нынешней высоты. Замок недостаточно велик, чтобы разместить в нем гарнизон, который может сопротивляться долгой осаде. Не говоря уже о запасах провианта для этого гарнизона. Так что стены меня вполне устраивают и в теперешнем своем состоянии. Давайте обновим кладку там, где это необходимо, но ничего радикального со стенами делать не будем.

— Как вам будет угодно, милорд, — если это решение нового владельца замка пришлось кастеляну не по душе, внешне он это никак не выказал.

— Зато я заметил, что в замке явно не хватает рабочих рук, — сказал Ланс. — Как только прибудет мой обоз, наймите тех, кого посчитаете нужным.

— Да, милорд.

— А теперь давайте вернемся в крепость и пообедаем, — сказал Ланс. — После этой прогулки у меня разыгрался зверский аппетит.

— Да, милорд. А как вы намерены поступить с молодой леди?

— Стоп, — сказал Ланс, и они действительно остановились. — Что еще за молодая леди? Впервые слышу о молодой леди.

— Леди Катрин, дочь графа Риттера, — пояснил сэр Гант. — Девица на выданье, накануне войны должна была состояться ее свадьба с сыном нашего соседа, наследником лорда Монро, но потом родители решили повременить до конца войны.

— Война кончилась, — сказал Ланс. — Пусть женятся.

— Сэр Хью Монро должен был участвовать в битве на Золотом луге, — сказал сэр Гант. — О нем уже больше месяца нет никаких известий.

— А на чьей стороне он воевал?

— На стороне Алого Ястреба, милорд. Он отправился на войну вместе с графом Риттером.

— Я вижу, молодой король не очень популярен в ваших краях.

— Когда-то наша провинция была богатой и процветающей, — сказал сэр Гант. — Но потом королевство расширилось, столицу перенесли на ее нынешнее место, и древние семейства, многие века служившие опорой трона, пришли в упадок. Возможно, выступая на стороне Алого Ястреба, они хотели как-то улучшить свое положение. В случае победы...

— Весьма странная логика, если вспомнить, что Альий Ястреб был первым министром при отце Леонарда, — заметил Ланс. — Если людям хотелось перемен, им стоило выступать на стороне молодого короля.

— Большинство здешних лордов стары, — сказал сэр Гант. — Король Леонард для них — всего лишь мальчишка, а первый министр был человеком их поколения.

— Консерваторы, радеющие за перемены, — пробормотал Ланс. — Жизнь довольно причудлива, но это наблюдение ни на шаг не приближает нас к ответу на вопрос о том, что делать с молодой леди. Почему вы не сказали мне раньше?

— Простите, милорд. Я думал, вы знаете.

— Когда король даровал мне этот замок, он просто ткнул пальцем в точку на карте и спросил, устраивает ли меня это место, — сказал Ланс.

— Вы отличились в бою, милорд?

— Что-то вроде того, — сказал Ланс. Я выиграл для короля чертову войну, хотя это совсем не входило в мои планы. И в качестве награды я получил, что хотел — замок в глухой провинции, зато на берегу моря. А про небольшой довесок в лице дочери прошлого владельца мне рассказать забыли. Или просто не сочли нужным. В конце концов, почти у каждого, кто выбрал в этой войне не ту сторону, могли быть дети. — У лорда Монро больше нет сыновей?

— Нет, милорд.

— А сам он не женат?

— Он вдовец и слишком стар для еще одного брака, милорд.

— Ну и как мне быть?

— Простите, милорд, — старый рыцарь сокрушенно развел руками. — Я не знаю.

— Вообще не понимаю, в чем проблема, — заявил Ринальдо, бодро обгрызая баранью ногу. — Ее отца отправили в ссылку, и ей, как хорошей дочери, подобает отправиться за ним.

— Она даже не знает, где его искать, — заметил Ланс. В обеденной зале их было двое.

Сэр Гант, которого Ланс приглашал остаться, отлучился, сославшись на срочные дела в соседней деревне.

— Не знает, — согласился Ринальдо. — Но твоя ли это проблема?

— То есть, ты предлагаешь просто выставить ее на улицу?

— Чем не выход?

— Это недостойно.

— Ты стал рыцарем меньше месяца назад, — заметил Ринальдо. — И я тебя уверяю, слухи об истинном благородстве этого сословия несколько преувеличены.

— В данном случае меня заботит отнюдь не моя репутация.

— А что еще тебя может заботить? Ты этой девицы еще даже не видел. Вот почему она не спустилась к обеду? А я тебе скажу, почему. Она пренебрегает твоим обществом, стремится показать, что ты недостойн сидеть с ней за одним столом. Потому что она представительница древнейшего, пусть и опального рода, а ты только вчера вылез из грязи палаточного городка.

— Ты тоже ее еще не видел, но уже берешься рассуждать о ее мотивах?

— Все женщины одинаковы, — сказал Ринальдо. — Вчера одна служанка отказала мне, потому что я карлик. Я пытался убедить ее, что в постели рост не имеет никакого значения, а внизу у меня все, как у обычного мужчины, но она и слушать ничего не хотела.

— Может быть, она отказала тебе, потому что ты — похотливая свинья? — поинтересовался Ланс.

— Ты так говоришь «похотливая свинья», как будто в этом есть что-то плохое, — сказал Ринальдо. — Я вырос в борделе, если ты не помнишь. Именно похотливые свиньи приносят борделям девяносто процентов от их общего дохода.

— Но это не значит, что везде надо вести себя так, словно ты находишься в борделе.

— Я и не вел, — возмутился Ринальдо. — Неужели ты думаешь, что я предлагал ей деньги?

Ланс вздохнул.

— Если тебя так заботит судьба этой девицы, то ты вполне можешь сам на ней жениться, — сказал Ринальдо. — Это будет очень благородно, учитывая, что именно ты являешься главным виновником ее теперешнего положения.

— И многим ты уже успел об этом рассказать?

— Нет. С той служанкой, которая мне не отказала, мы были заняты отнюдь не разговорами.

— Избавь меня от подробностей, — попросил Ланс.

— Я и не собирался, — Ринальдо прополоскал рот вином и вернулся к бараньей ноге. — Но скажи мне честно, ты на самом деле думаешь, что тебе удастся скромно умолчать о той роли, которую ты сыграл в этой войне, и никто здесь ничего не узнает? Я-то промолчу, но в обозе десятки людей, которые будут общаться с местными слугами и главной их историей будет именно рассказ о твоих похождениях. А еще через месяц, ну, может быть, чуть позже, это все-таки глухая дыра, сюда доберутся бродячие музыканты с кучей баллад, восхваляющих твои подвиги.

— А ты знаешь, что почти все древние семейства, населяющие этот край, выступали на стороне Алого Ястреба? — поинтересовался Ланс.

— Это не прибавит нам популярности, — сказал Ринальдо. — Похоже, даровав этот замок, король подложил тебе приличных размером свинью.

— Я сам его выбрал.

— И я уже говорил тебе, что думаю об этом выборе. Мягко говоря, это было не самое умное твоё решение.

— В моем списке не самых умных решений оно занимает уверенное второе место, — сказал Ланс. — Сразу после решения о том, что ты можешь ко мне присоединиться.

— Без моей компании тебе было бы скучно.

— Зато я бы изрядно сэкономил на вине.

— Вино — это моя кровь, — торжественно заявил Ринальдо. — Лишь благодаря вину я до сих пор жив. А также не стоит забывать о приличной жратве и сговорчивых женщинах. И, возвращаясь к вопросу о нашей популярности... ты осмотрел замок? Выдержит ли он визит дружелюбно настроенных соседей, которые захотят лично выразить тебе благодарность за то, что ты сделал?

— Да, осмотрел, — сказал Ланс. — Нет, скорее всего, не выдержит

— Это печально.

— Не думаю, что нам стоит беспокоиться о соседях, — сказал Ланс. — Когда они услышат о моей репутации, они дважды подумают, прежде чем выступят против меня.

— Ты еще недавно творил чудеса на поле боя, — сказал Ринальдо. — Но здесь и сейчас это мало что значит. Непобедимых бойцов нет. Все когда-нибудь проигрывают.

— Ты просто пыщешь оптимизмом.

— Оптимизм разобрали люди твоего роста, для карликов там ничего не осталось, — сказала Ринальдо. — Впрочем, ты отчасти прав, в первую очередь тебе стоит беспокоиться не об отношениях с соседями. Я думаю, более влиятельные союзники Алого Ястреба подошлют к тебе убийц раньше, чем соседи решаться выступить в поход.

— Ты уверен?

— Я знаю этих людей, — сказал Ринальдо. — Я наблюдал за ними, когда они гостили в замке Алого Ястреба. Они безжалостны, мстительны и у них очень хорошая память. Не все открыто поддержали моего бывшего хозяина, и не все они подверглись гонениям со стороны молодого короля. Многим удалось сохранить и земли и титулы, но они потеряли влияние, и вряд ли очень этим довольны.

— Значит, нам следует ждать убийц?

— Да. А против убийц не помогут ни стены, ни гарнизон. Убийцы — это тени в ночи, это тихие шаги за спиной, это отравленный кинжал, вонзающийся тебе в грудь в тот момент, когда ты совсем этого не ждешь.

— Чудесная перспектива, — сказал Ланс.

— Но в этом есть и приятная сторона, — сказал Ринальдо. — Если тебя убьют, тебе не придется думать, как поступить с молодой леди Катрин.

Во дворе Джори упражнялся с длинным луком, пытаясь поразить ростовую мишень с тридцати шагов. В мишени уже торчало несколько стрел, но у Ланса возникли сомнения по поводу того, как они туда попали. За время наблюдения Джори сделал пять выстрелов и ни разу не попал.

И это теперь моя гвардия, подумал Ланс. Когда (если) сюда заявятся убийцы, о которых разглагольствует Ринальдо, мимо привратника они пройдут с такой же легкостью, как и мимо столба, к которому привязана мишень.

Промахнувшись в шестой раз, Джори выругался, потянулся за следующей стрелой и

заметил наблюдающего за ним Ланса.

— С мечом я управляюсь куда лучше, милорд, — сказал он извиняющимся тоном.

— Не сомневаюсь, — сказал Ланс. Потому что куда хуже-то?

— Мой отец говорил, что в бою один мечник стоит трех лучников, милорд.

— Если успеет до них добежать, — согласился Ланс. — Твой отец сейчас жив?

— Не знаю, милорд. Он ушел на войну вместе со старым графом.

Еще один, мысленно простонал Ланс. О чем я думал, когда просил для себя крепость, принадлежавшую мятежнику? Только о том, чтобы убраться подальше от столицы и молодого короля с кликой его советников. Глупое решение, продиктованное моментом. Очередная ошибка из очень длинного списка.

— Вы сражались на Золотом луге, милорд? — самый популярный в последнее время вопрос. Долгие годы история этого королевства будет определяться теми, кто сражался на Золотом лугу, и от ответа каждого конкретного человека на этот вопрос в его жизни будет зависеть очень многое.

— Войска Алого Ястреба дрались умело и храбро, — сказал Ланс. — Они дрогнули только тогда, когда был убит Смеющийся.

Когда Ланс зарубил Смеющегося, ученика Алого Ястреба, молодого рыцаря в сверкающих золотом доспехах. Смеющийся не носил шлема, и черный клинок Ланса снес ему половину головы. Жаль, самого Алого Ястреба не было на том поле, иначе все могло бы закончиться гораздо быстрее, и Лансу не пришлось бы лезть в замок, становиться рыцарем и принимать дары от молодого короля.

А может, бросить все и сбежать, подумал Ланс. К черту этот замок с его старым кастеляном и молодой девицей, к черту похотливого пьяницу Ринальдо, к черту этого Джори, отца которого я вполне мог прикончить на Золотом лугу и даже не заметить этого. Я уже слишком стар, чтобы ввязываться в очередную местечковую склоку, чреватую наемными убийцами и отравленными кинжалами. Но и слишком устал, чтобы снова становиться бродягой. Мне нужна хотя бы небольшая передышка.

— А я еще не побывал ни на одной войне, милорд, — сокрушенно сказал Джори.

— Оно тебе и не надо, — сказал Ланс. — Я побывал на слишком многих войнах, так что можешь мне поверить.

На лице Джори отразилось сомнение.

— Я понимаю, о чем ты думаешь, — сказал Ланс. — О славе, которую можно обрести на поле боя. Славу там обретают немногие. Гораздо больше тех, кто на поле боя находит лишь смерть.

— Я хотел бы стать рыцарем, милорд, — сказал Джори. — Когда нет войны, человеку вроде меня очень сложно показать себя.

Ланс не стал объяснять Джори, что рыцарство это просто приставка «сэр» к имени человека. Джори бы ему не поверил. Впрочем, были времена, когда и сам Ланс в это не верил.

Честь, доблесть? В большинстве случаев это просто миф. Слава? Она не накормит голодный год и не согреет кости долгой зимней ночью. Земли и титулы? Одним только мечом этого не заработать. В лучшем случае Джори мог бы стать межевым рыцарем и закончить свои дни, как сэр Гант, служа в чужом замке. Хотя для Джори и это будет слишком большой удачей, потому что вряд ли он справляется с мечом намного лучше, чем с луком. Настоящего рубаки из этого увальня не выйдет и через годы тренировок, а поля брани

завалены молодыми дураками, которые хотели стать рыцарями, а стали лишь кормом для воронов и бродячих собак.

А вот Ринальдо никогда не хотел стать рыцарем. Носить на себе железо, протыкать железом других людей и постоянно подвергаться риску быть проткнутым самому? Нет, это удовольствие явно не для него.

Впрочем, сколько он себя помнил, у него никогда не было стремления быть кем-то конкретным. Ему вполне хватало просто быть. Крыша над головой, вино, еда, женщины. Может быть, книга, забытая кем-то из посетителей борделя или украденная из хозяйской библиотеки. Что может быть лучше, чем просто плыть по течению жизни и никогда не хотеть невозможного?

Если ты карлик, то тебе повезло, что от тебя не избавились сразу после рождения. Ты сумел продрасться сквозь детство, полное насмешек и издевательств других детей? Тебе повезло вдвойне. Тебе удалось дожить до двадцати восьми, ладно, черт с ним, пусть будет до двадцати семи, лет? Ты просто баловень судьбы.

Когда войска молодого короля осадили Штормовой замок, Ринальдо уже был готов попрощаться с этим миром. Встреча с Лансом, кем бы ни был этот человек, дерущийся, как спущенный с цепи демон, стала для него вторым шансом. Она дала ему возможность что-то изменить в своей жизни. Он стал не героем, нет, карлики никогда не становятся героями, но помощником героя. Может быть, он даже попадет в одну из героических баллад, пусть и в роли комического персонажа.

Ринальдо не нравилось быть шутком, и после войны он перестал им быть. Но теперь он понятия не имел, что ему делать с остатком его жизни.

Он шел по галерее замка с полупустым кубком в руке, когда из тени выступила вчерашняя служанка. И совсем не та, которая согласилась остаться с ним на ночь.

— Пойдем со мной, маленький человечек.

— Карлик, — сказал Ринальдо. — Если тебе так уж нравится акцентировать внимание на моих размерах, то называй меня карликом.

В ответ она молча поманила его пальцем.

— Ты передумала? — поинтересовался Ринальдо. — Интересно, и что же тебя заставило передумать? Подруга рассказала о вчерашней ночи и ты тоже захотела попробовать?

Он последовал за ней на лестницу, и они поднялись на верхний этаж замка.

— Мы могли бы пойти ко мне, — сказал Ринальдо. — Тогда нам не пришлось бы подниматься по лестнице.

Служанка не удостоила его ответом и только прибавила скорости. Чтобы не отстать, Ринальдо пришлось перейти на легкий бег.

— Неужели тебе настолько не терпится? Что же твоя подруга тебе про меня наговорила?

Длинный коридор закончился небольшой крытой террасой. На террасе стояли два очень удобных на вид кресла, и одно из них оказалось уже занятым.

— О, — сказал Ринальдо. — Видимо, я неправильно оценил ситуацию. Леди Катрин, как я понимаю?

— Да. И я рада приветствовать тебя в моем... в этом замке, — у леди Катрин был приятный голос. Если бы он услышал этот голос несколько лет назад, он назвал бы его

«волнующим». А десять лет назад один звук этого голоса доставил бы карлику несколько бессонных ночей.

Ринальдо склонился в поклоне. Леди Катрин одарила его легким кивком, но руки для поцелуя не предложила. Зато она предложила ему сесть.

Ринальдо втиснулся в свободное кресло и заметил, что служанка, которая привела его сюда, бесследно испарилась. Приватный разговор? Он даже догадывался, о чем эта девица на выданье хочет с ним поговорить.

— Как тебя зовут, маленький человечек?

— Ринальдо. И я карлик, миледи. Если позволите.

— Ты служишь оруженосцем у сэра Ланселота?

— Ну, можно и так сказать. Хотя я должен заметить, что с оружием он прекрасно управляется и без меня.

— Расскажи мне о нем, Ринальдо.

— Что вы хотите знать, миледи?

— Хороший ли он человек?

— Не знаю, — честно сказал Ринальдо. — Думаю, что да, но точно сказать не возьмусь. Мы с ним знакомы меньше месяца, и познакомились при весьма специфических обстоятельствах.

Я был пьян и прощался с этим миром, а он вылез из-под земли и сбросил моего хозяина с башни. Этого Ринальдо вслух произносить не стал.

— Знатен ли он? Влиятелен ли его род?

Ринальдо покачал головой.

— Боюсь вас огорчить, миледи, но сие мне неведомо. Лучше бы вам поговорить об этом с самим сэром Ланселотом.

— О, безусловно, я с ним поговорю, — сказала леди Катрин. — Но прежде мне хотелось бы узнать о нем хоть что-нибудь.

— Он — доблестный воин, не ведающий страха, — сказал Ринальдо.

— Он бился на Золотом лугу?

— Да, миледи.

— Именно там он проявил себя перед королем Леонардом?

— И там тоже, миледи, — сказал Ринальдо, не желая вдаваться в подробности. — А потом еще при осаде Штормового замка.

— А ты тоже участвовал в сражениях?

— Нет, миледи. Я для этого ростом не вышел.

— И ты не знал сэра Ланселота до войны?

— Нет, миледи.

— Как же вы познакомились?

— Во время осады Штормового замка, миледи. Тогда мы увидели друг друга впервые, но по-настоящему мы познакомились уже после того, как замок был взят, — а я хоть немного протрезвел.

— Похоже, ты знаешь о нем не намного больше, чем я, — заметила леди Катрин. — Или просто не желаешь мне рассказывать.

— Я на самом деле не слишком много о нем знаю, миледи, — сказал Ринальдо. — Но я думаю, что он не откажется ответить на ваши вопросы.

— Посмотрим, — сказала леди Катрин. — Ты можешь идти, Ринальдо.

— Всегда вашим услугам, миледи.

Ланс уселся в глубокое кресло рядом с камином, набил трубку табаком из кисета, прикурил от горящей щепки и бросил ее обратно в огонь. Табака в кисете оставалось мало, еще раза на два, поэтому Ланс экономил, как мог. Похоже, что на этом континенте табак не выращивают. По крайней мере, за все время он не видел тут ни одного курящего человека.

И чтобы ему не задавали лишних вопросов — а ему и так задают слишком много вопросов — сам он курил только тогда, когда был уверен, что его никто не побеспокоит.

Зачем я это делаю, подумал Ланс. Зачем я опять это делаю? Какого черта я опять влез в чужую войну, к чему мне этот замок, к чему мне расположение короля, которое принесет мне больше неприятностей, чем благ? Какого черта я сказал кастеляну нанять в замок еще людей, если за мной в любой момент могут явиться убийцы? Чтоб случайных жертв было больше? Или я уже совсем не соображаю, что делаю?

Еще эта чертова девица, которая за все время даже не соизволила показаться мне на глаза. Что мне с ней делать? Да пусть она катится на все четыре стороны, я ничем ей не обязан и не собираюсь взваливать на себя еще и эту ответственность.

Ну почему же я не могу остановиться? Почему вокруг меня все время одно и то же? Войны, интриги, кровь, борьба за власть. Лица меняются, декорации меняются, а действие все одно и то же. Неужели я и в самом деле проклят? Или это вселенная окончательно сошла с ума?

Ланс сидел в апартаментах старого графа, курил и смотрел на огонь. Мысли в его голове текли все медленнее и медленнее. Он устал. Он слишком устал. Черт побери, неужели за все это время он не заслужил хоть немного отдыха?

Глава третья. Ученик чародея

— Обоз так и не прибыл, — заметил Ринальдо за завтраком.

— Я в курсе.

— Ты все еще уверен, что стоило забираться в такую дыру?

— Если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря, — продекламировал Ланс.

— У нас не империя.

— Зато есть море, и провинция вполне глухая.

— Я — шут, — сказал Ринальдо. — Я не люблю глухие провинции, потому что у их обитателей плохо с чувством юмора. Ну, и еще тут зачастую плохо относятся к карликам.

— Ты вроде больше не шут.

— Но я все еще карлик, — вздохнул Ринальдо. — Кстати, об обитателях глухих провинций. Я вчера имел аудиенцию у леди Катрин, молодой девицы на выданье.

— И как?

— Ну, она не так уж молода для первого брака, — сказал Ринальдо. — А если учесть, что ее жених теперь вряд ли вернется, у молодой девицы на выданье есть хорошие шансы превратиться в старую деву.

— Чего она от тебя хотела?

— Расспрашивала о тебе.

— И что ты ей рассказал?

— Почти ничего, — сказал Ринальдо. — Кстати, во время этого разговора я понял, как мало я о тебе знаю.

— А о моих военных заслугах...

— Об этом я не проронил ни слова. То есть, я, конечно, сказал, что ты герой и бла-бла-бла, но без подробностей.

— Спасибо и на этом.

— Чем ты собираешься сегодня заняться?

— Ничем, — сказал Ланс.

— Хороший план, — одобрил Ринальдо. — Знаешь, я хотел бы прояснить вопрос наших с тобой взаимоотношений.

— А у нас есть какие-то взаимоотношения?

— Ты понимаешь, о чем я.

— Нет, — сказал Ланс.

— Ну, мне нужен какой-то статус, — сказал Ринальдо. — Какая-то должность, какая-то непыльная работенка...

— Иными словами, тебе нужны деньги

— И это тоже.

— Зачем тебе деньги?

— В соседской деревне есть трактир.

— Тебя здесь плохо кормят?

— Это другое, — сказал Ринальдо. — Трактир — это вино, женщины, игры...

— Ты уверен, что в соседней деревне все это есть?

— Я как раз собирался сходить и разведать.

— И сколько тебе надо денег?

— Хотя бы пару золотых.

— Неужели ты ничего не скопил, работая у Алого Ястреба?

— Э... я проигрался в пух и прах накануне как раз осады, — сказал Ринальдо. — Думал, что легко отыграюсь потом, но тут началась война и всем стало не до игр.

— И если я дам тебе денег, то ты пойдешь в трактир? Даже несмотря на то, что в глухих провинциях зачастую плохо относятся к карликам?

— К карликам, у которых есть деньги, как правило, относятся гораздо лучше. И не только в глухих провинциях, но и вообще везде.

— Ладно, — сказал Ланс. — Будешь моим виночерпием. Полагаю, это область, в которой ты лучше всего разбираешься.

— О, да, — сказал Ринальдо. — А как насчет денег?

— Два золотых, — сказал Ланс, доставая из кармана кошелек. — И будь осторожен.

— Я всегда осторожен.

— И сдержан на язык.

— Я всегда сдержан на язык.

— И постарайся не проиграть все сразу.

— Да, мамочка.

— Выпороть бы тебя, сынок, — задумчиво потянул Ланс. — Тебе повезло, что я никогда не был сторонником телесных наказаний. С другой стороны, все мы люди, все мы меняемся, так что я могу и передумать...

— Я уже ушел, — Ринальдо сграбастал деньги со стола. — Если к вечеру не появлюсь, значит, у меня все получилось. А если не появлюсь и утром, то высылай за мной стражу.

После завтрака Ланс поднялся на галерею, откуда открывался прекрасный вид на море, и сразу же наткнулся на леди Катрин.

На вид Ланс дал девушке лет двадцать пять и мысленно согласился с Ринальдо, что для первого брака она старовата. Высокая, почти с него ростом, с фигурой, позволяющей без потерь пережить небольшой голод, ярко-рыжие волосы рассыпаны по плечам. На ней было длинное платье цвета морской волны, на шее висело бирюзовое ожерелье.

— Леди Катрин.

— Сэр Ланселот, — они раскланялись. — Простите, что заставила так долго себя ждать. Мой мир изменился, и мне требовалось некоторое время, чтобы осознать эти изменения.

— Не стоит извиняться, сударыня, — сказал Ланс. — И позвольте мне высказать свое сожаление по поводу вашего отца.

— Боюсь, он получил то, что заслужил, — сказала леди Катрин. — Нарушив клятву, подняв меч против короля... Большая удача, что он отправился в изгнание, а не в могилу.

Сказано это было сухим тоном, и Ланс подумал, что по старому лорду Риттеру его дочь не очень-то и скучает.

— Что же вы его не остановили?

— Я — всего лишь женщина, сэр Ланселот. Мужчины не слушают женщин, когда уходят на свои войны, — она немного помолчала и добавила. — Тем более, всем тогда казалось, что выступая на стороне Алого Ястреба, проиграть просто невозможно.

— На войне сложно делать прогнозы, — заметил Ланс. — Конечно, бывают и совсем очевидные ситуации, но, как правило, война может преподнести сюрпризы.

— Я думаю, многие теперь усвоили этот урок.

— Только те, кто проиграл, — сказал Ланс. — Люди редко учатся на чужих ошибках.

— Они и на своих-то учатся далеко не всегда.

— Это верно, — согласился Ланс. — Признаться, я не большой мастер вести светские беседы, так что давайте без долгих предисловий обсудим сложную ситуацию, в которую мы с вами угодили.

— Давайте, — согласилась она.

И снова замолчала, не собираясь облегчать ему задачу.

— У вас есть какие-нибудь родственники? — поинтересовался Ланс.

Она ответила вопросом на вопрос.

— Кто приютит дочь и невесту изменника в эти смутные времена?

— Значит, вам некуда идти?

— Я могу пойти в монастырь, — сказала леди Катрин. — Полагаю, монахини меня примут. Я не очень набожна, но думаю, что смогу притвориться и это не станет препятствием.

— Я не стремлюсь выгнать вас на улицу, — сказал Ланс. — Просто не хочу нанести ущерб вашей репутации.

— В настоящий момент моей репутации вряд ли можно как-то навредить, — сказала она, глядя ему прямо в глаза.

Она надо мной издевается, подумал Ланс.

— Похоже, что готового решения у нас нет, — констатировал он. — Если пожелаете, то можете остаться в замке на какое-то время. Возможно, решение появится.

— Вы очень любезны, милорд.

— Я делаю то, что должен, — сказал Ланс. — В конце концов, когда-то это был ваш замок.

— Вы ошибаетесь, сэра Ланселот. Он никогда не был моим. Женщины не могут владеть замками. Они могут быть только довесками к их благородным супругам.

Так обоснуй комитет борьбы за равные права, раздраженно подумал Ланс. Глядишь, века через три-четыре брошенные тобой семена и дадут всходы. А потом вам даже разрешат ходить на выборы, голосовать и быть избранными, и твоя далекая правнучка станет президентом этой чертовой страны.

Угроздило ж меня. Не просто девица на выданье, а еще и первая в истории этого мира феминистка. По крайней мере, первая из встреченных мной.

— Я раздражаю вас своим присутствием, сэра Ланселот?

— Вовсе нет. Просто я задумался.

— Тогда я оставлю вас наедине с вашими мыслями.

— Вы выйдете к ужину?

— Да, милорд. Если вы не будете против.

К вечеру обоз так и не появился. Вместо него в замок прискакал всадник на взмыленном коне. Легко соскользнув в седла, он бросил поводья ошивавшемуся во дворе Джори и потребовал аудиенции у хозяина замка. Предположив, что это может быть один из обещанных Ринальдо недоброжелателей, и не желая пачкать внутренние покои замка

кровью, Ланс нацепил пояс с мечом и кинжалом и вышел ему навстречу.

Новый гость оказался молод, строен, черноволос и не походил ни на рыцаря, ни на наемного убийцу. Его дорожный плащ был покрыт пылью, а на лице застыла усталость.

Впрочем, меч у него был. Длинный тонкий клинок висел на левом боку, широкие рукава вполне могли прятать кинжалы, и пока Джори уводил коня в конюшню, Лансу удалось рассмотреть прикрепленный к седельной сумке арбалет.

Ланс осмотрелся по сторонам. Теперь, когда Джори ушел, во дворе они остались вдвоем. Значит, в случае, если парень вздумает на него напасть, в поединке никто не пострадает. За вполне очевидным исключением...

— Мне сказали, что вы хотели меня видеть. Я — сэръ Ланселот.

— Да, хотел. Я — Плачущий.

— Плачущий кто?

— Просто Плачущий.

— Но сейчас вы не плачете, — заметил Ланс.

— Вы никогда не слышали обо мне? — удивился юноша.

— В мире живет очень много людей, — Ланс пожал плечами. — Если вы хотите поиграть в шарады, вам стоило бы найти кого-нибудь другого.

— У Алого Ястреба было два ученика, — сказал Плачущий. — Смеющегося вы зарубили на Золотом луге.

— Вот так уже понятнее, — сказал Ланс. — Вы прибыли сюда ради мести?

— Нет.

— Вы колдун, а меня предупреждали, что колдунам нельзя верить.

— Но чего вам опасаться? Мой учитель был лучшим чародеем страны, и это не помешало вам его убить.

— Бывает, что ученики превосходят своих учителей.

— Вы убили и Смеющегося.

— У учеников могут быть разные способности.

— Смеющийся был его любимчиком. Именно поэтому он командовал войском на Золотом луге.

— Это всего лишь вопрос симпатии, — заметил Ланс.

— Я готов дать слово, что не собираюсь причинить вреда ни вам, ни кому бы то ни было еще, находящемуся внутри этих стен, — заявил Плачущий.

— Слово колдуна...

— Я не рыцарь, но происхожу из благородного рода. Слово маркиза Тилсберри вас утроит?

— В принципе, да, — согласился Ланс. — Так чего же вам угодно, маркиз?

— Я хотел бы просто поговорить с вами.

— Тогда пройдемте внутрь.

Ланс повернулся спиной к маркизу и каждую секунду ждал звука вытягиваемого из ножен меча или шелканья пружины, освобождающей прикрепленный к тайном месте кинжал, но Плачущий так и не воспользовался предоставленной ему возможностью и не попытался его убить. Когда они добрались до обеденной залы, Ланс даже почувствовал некоторое разочарование.

До ужина было еще больше часа, но в зале уже горел разгоняющий вечернюю сырость камин. Факелы еще не зажгли, падающего из окон света было вполне достаточно, чтобы

видеть своего собеседника. Ланс уселся во главе стола, указал на место слева от себя и крикнул слугам, чтобы несли вина.

Прежде, чем сесть, Плачущий снял плащ, отцепил от пояса меч и бросил их на скамью рядом с собой. Ланс отметил, что, несмотря на кажущуюся небрежность жеста, меч все-таки оказался поверх плаща. Впрочем, это могло ничего и не значить.

Поскольку свеженазначенный виночерпий еще не вернулся из трактира, где он наверняка предавался азартным играм и плотским удовольствиям, Ланс сам налил гостю вина и терпеливо ждал, пока тот утолит первую жажду.

— Неплохое вино, — заметил чародей.

— Это из запасов лорда Риттера, — сказал Ланс. — Мой обоз еще не прибыл. Кстати, вы не встречали его по дороге?

— Боюсь, что нет. Но это ничего не значит, потому что я старался держаться подальше от изъезженных дорог.

— Давно ли вы в пути?

— Я выехал, как только услышал о дарованном вам замке, — сказал Плачущий. — Это было около недели назад.

— Должно быть, вы скакали очень быстро.

— Загнал свою лошадь. Мне еще повезло, что в дороге я сумел раздобыть новую.

И довольно неплохую. Ланс разбирался в лошадях, и та, что сейчас стояла в его конюшне, стояла не меньше полусотни золотых. Впрочем, он ведь маркиз, да еще и колдун вдобавок...

— И зачем же вы так спешили? — поинтересовался Ланс.

— Я хотел с вами познакомиться. Посмотреть на вас. Если получится, поговорить.

— Где же вы были во время осады Штормового замка?

— Собирал подкрепление по заданию Алого Ястреба, — сказал Плачущий. — Но замок пал слишком быстро, так что в подкреплении уже не было нужды. Люди разбежались, лорды разъехались по домам, а я отправился сюда. Все равно мне некуда больше идти.

— Странный выбор направления, — заметил Ланс.

— Меня ищут, — сказал Плачущий. — Здесь меня будут искать в последнюю очередь.

— А меня вы, значит, не боитесь?

— Нет.

— Отчего же?

— Мне кажется, что вам больше нет никакого дела до этой войны, — сказал Плачущий. — Иначе вы бы не отбыли из ставки короля Леонарда с такой поспешностью.

— Я бы не рискнул ставить на такое умозаключение свою жизнь, — заметил Ланс.

— А я рискнул.

— И о чем же вы желаете поговорить?

— Я хотел бы знать, кто вы.

— Человек.

Плачущий покачал головой.

— Я видел планы подземелья и я знаю о подземной реке, — сказал он. — Для того, чтобы пройти этим путем со стороны моря, требуется преодолеть где-то триста метров против сильного течения. В абсолютной темноте и без кислорода. Ни один человек на такое не способен.

— Как видите, некоторые все-таки способны, — сказал Ланс. — Например, я.

— Вы — больше, чем просто человек.

— И говорите вы это, основываясь на...

— На том, что я вижу, — из уголка левого глаза на щеку юноши упала слезинка, и он промокнул ее изящным носовым платком. — Вы владеете магией, сэр Ланселот.

— Никто больше не заподозрил меня в этом, — заметил Ланс.

— Потому что они не могут смотреть так, как смотрю я, — сказал Плачущий, промокая вторую слезинку.

— Отчего вы плачете? — осведомился Ланс.

— Это произвольная реакция, которая возникает каждый раз, когда я занимаюсь магией. Сейчас я смотрю на вас не только глазами.

— И что же вы видите?

— Больше, чем просто человека.

Ланс вздохнул.

— Вы чародей, — сказал Плачущий, и это был не вопрос.

— Даже если это и так, то что с того?

— Возьмите меня в ученики.

Теперь Ланс расхохотался. Плачущий промокнул третью слезинку, убрал платок и осушил свой кубок.

— Даже если бы я был чародеем, я ничему не смог бы вас научить, — сказал Ланс.

— Не смогли бы или не захотели?

— Я и не могу, и не хочу вас учить, — сказал Ланс. — Так что причину отказа вы можете выбрать на свой собственный вкус.

— Но хотя бы поговорить со мной вы не откажетесь?

— Не откажусь, — сказал Ланс. — Вы проделали столь долгий путь, и мне неудобно отпускать вас ни с чем.

— Я пытался разузнать о вас побольше, — сказал Плачущий. — Но похоже, что ваша история начинается на Золотом лугу. Говорят, что вы присоединились к армии короля совсем незадолго до битвы, а что было еще раньше, никто не знает. Даже менестрели не знают, что им воспевать в своих балладах.

— Эта проблема волнует меня меньше всего, — заметил Ланс.

— Но обычно у каждого подвига есть предыстория, — сказал Плачущий. — Вы же появились из ниоткуда и в самый нужный для короля час.

— Так бывает.

— Но довольно редко, согласитесь. Откуда вы родом?

— Издалека.

— Я так и думал, что вы не уроженец Эталии. Но в таком случае, что же заставило вас принять одну из сторон в нашей войне? И если уж вы решили сражаться, то почему выбрали ту сторону, которая проигрывала? Если у вас отсутствовали личные предпочтения, и вы не связаны никакими клятвами и присягами, то логичнее было бы присоединиться к более сильному противнику.

— Я был пьян и на мели, — объяснил Ланс. — Когда в трактире ко мне подсел королевский вербовщик, я не думал о раскладе сил и это показалось мне неплохой идеей. Учитывая, что мне нечем было расплатиться по счету.

— Вы смеетесь надо мной?

— В данный момент, нет.

— Вы вступили в армию короля, потому что у вас не было несколько грошей, чтобы заплатить трактирщику?

— По правде говоря, там было куда больше, чем несколько грошей.

— И после этого вы выиграли для короля войну? Какая жалость, что тогда к вам не подсел вербовщик Алого Ястреба.

— Так тоже бывает, — сказал Ланс.

— Судьба здорово посмеялась над моим учителем, — сказал Плачущий. — Вы были последним, кто видел его живым. Он сказал что-нибудь перед смертью?

— Он сказал: «Аааааааааа!». А потом еще что-то хлюпнуло вниз, у подножия.

— А Смеющийся?

— Он смеялся, — сказал Ланс.

— Он всегда смеялся, — кивнул Плачущий.

— Странная из вас пара, — заметил Ланс. — Как-то уж очень удачно совпали ваши имена.

— Это не совпадение, — сказал Плачущий. — Я был первым учеником Алого Ястреба и получил свое прозвище благодаря особенности, о которой вам уже рассказал. А когда к учителю пришел Смеющийся, он еще не был Смеющимся. Это Алый Ястреб сделал его таким.

— Смешливым?

— Безумным. Смеющийся прошел по пути чародея дальше меня, и что-то на этом пути повредило его рассудок. Он мог творить магию, мог разговаривать, мог здраво рассуждать, он мог даже вести за собой войска. Но он все время смеялся. Иногда он смеялся даже во сне.

— Видимо, ваш учитель находил сие забавным, раз ничего не предпринял по этому поводу.

— Смеющийся был талантливее меня, — сказал маркиз Тилсберри. — Меня Алый Ястреб взял в обучение скорее по политическим причинам. Мой отец до войны обладал большим влиянием при дворе, а первому министру нужен был еще один рычаг давления на короля.

— Сейчас это уже не имеет никакого значения, — заметил Ланс.

— Да, Алый Ястреб проиграл свою войну. Он мертв. Мой отец тоже.

— Соболезную, — сказал Ланс.

— Спасибо, — сказал Плачущий. — Мы с ним не очень-то ладили, но все же это он способствовал моему появлению в этом мире.

— Я своего отца вообще не знал, — сказал Ланс, не зная, зачем он вообще говорит об этом с едва знакомым юношей, который, вполне возможно, явился сюда за его головой. — Его убили до того, как мы могли бы познакомиться.

— И так тоже бывает, — кивнул Плачущий. — Вы были слишком молоды?

— Я был слишком далеко от дома, — сказал Ланс. — Меня вырастили приемные родители. Впрочем, их тоже убили.

— В ваших краях была война?

— Еще какая, — сказал Ланс.

— И кто победил?

— Сложно сказать. Я-то ее проиграл в любом случае, хотя та война значила для меня куда больше, чем нынешняя.

— Вы, видимо, очень издалека, — сказал Плачущий. — Потому что в наших краях давно

не было больших войн.

— Считайте, что вам повезло.

— Некоторым людям нравится воевать.

— Я не из их числа.

— Но у вас это очень хорошо получается.

— Это не моя заслуга, — сказал Ланс. — Это, скорее, мое проклятие.

— Вы не пробовали его снять?

— Есть проклятия, которые снять невозможно.

— Невеселый у нас получается разговор.

— Какие времена, такие и разговоры.

Плачущий потянулся за вином и разлил его по кубкам.

— За наших отцов, — провозгласил он. — За тех, кто пал.

Ланс выпил и решил, что этот юноша с тонкими чертами лица и не по возрасту мрачным взглядом ему нравится. Конечно, не настолько, чтобы вызвать колебания, если тот вдруг потянется за мечом, но все же.

— И каковы твои дальнейшие планы на жизнь? — поинтересовался Ланс, сам не заметив, что уже перешел с маркизом на «ты». Маркиза, впрочем, это не покорило.

— Я хотел бы на некоторое время остаться здесь, если вы позволите, — сказал Плачущий. — Меня ищут...

— И здесь тебя будут искать в последнюю очередь, — согласился Ланс. — Это разумно, но я бы на твоём месте подумал об отъезде за границу.

— На пограничных заставах меня будут искать в первую очередь, — сказал Плачущий.

— Да и черт с тобой, оставайся, — сказал Ланс. — Крепость большая, пустых комнат тут полно.

— Я не стану нахлебником, — сказал Плачущий. — У меня есть золото.

— Золото — это хорошо. Но учить тебя я все равно не стану, — сказал Ланс.

Плачущий кивнул.

— И вот еще что, — сказал Ланс. — У тебя есть какое-нибудь имя? Мне не слишком нравится твой прозвище, а обращаться к тебе, как к маркизу, кажется мне слишком официальным и утомительным.

— Джеймс, — сказал Плачущий.

— Это уже лучше. И ты тоже можешь звать меня по имени.

— А я буду называть его Плаксой, как и раньше, — возвестил Ринальдо, нетвердой походкой вваливаясь в обеденную залу. — И я должен заметить, что в этом замке подбирается чертовски странная компания.

— Ринальдо, — сказал Плачущий.

— Плакса, — сказал Ринальдо. — Ты откуда тут взялся и зачем?

Плачущий пожал плечами.

— Мы все ходим по этой жизни странными дорогами, — сказал он.

— Я думал, тебя уже давно убили на одной из этих дорог.

— Забавно, но я думал то же самое про тебя.

— Не нахожу в этом ничего забавного.

— Ты всегда был чересчур серьезен для шута.

— Я больше не шут. Я теперь — виночерпий.

— Похоже, ты наливаешь только себе.

— Ты что-то слишком рано, Ринальдо, — сказал Ланс, вмешиваясь в этот милый диалог старых знакомых. — Все получилось не так, как ты планировал?

— У них наверняка обточенные кости, — сказал Ринальдо. — И крапленые карты. А уж девки до чего страшные...

— Есть в мире и постоянные вещи, — сказал Плачущий. — Короли умирают, войны заканчиваются, изменники идут на эшафот, а Ринальдо все тот же пьяница и игрок.

— Должен же быть хоть какой-то островок стабильности, — сказал Ринальдо.

— Джеймс останется с нами, — сказал ему Ланс.

— Какой еще, к черту, Джеймс? — удивился тот. — А, ты имеешь в виду Плаксу. Пусть остается, я не против. А теперь, если вы тоже не против, я пойду спать. У меня был очень насыщенный день.

Глава четвертая. Опасные визитеры

На следующий день обоз с трофеями Ланса так и не прибыл. И на следующий день тоже. Когда прошла целая неделя, а вереница повозок так и не появилась, Ланс признал, что ждать дальше не имеет смысла. С караваном явно что-то случилось, и теперь будет сложно установить, что именно. Разбойники, соседи, недовольные появлением в их краю новичка, или же сами королевские гвардейцы решили, что добыча Ланса будет неплохой прибавкой к их пенсии.

Сэр Гант предлагал послать на поиски конный разъезд, но Ланс решил не рисковать людьми. Людей и так было слишком мало.

Ринальдо черпал вино, правда, большей частью, он сам его и пил. Плачущий шатался по замку, как призрак, и местные от него шарахались. Вступать в ним в диалог никто не хотел. Ланс наслаждался скукой и покоем, стараясь избегать любого общества, и прикидывая, долго ли этот покой продлится. Что-то, возможно, это был его богатый жизненный опыт, подсказывало, что недолго.

Сэр Гант делал вид, что совсем не удивлен появлением в замке еще одного гостя и вопросов про чародея не задавал. А может быть, он и на самом деле не удивился.

Однажды Ланс поднялся на галерею и застал там Плачущего вместе с леди Катрин. Они могли бы стать хорошей парой, подумал он. Мятежник и дочь мятежника. В конце концов, чего им обоим терять?

Ланс улизнул с галереи незамеченным.

Вечером того же дня запыхавшийся Джори сообщил, что к замку приближается группа всадников.

— Закрывать ворота? — спросил он.

— Не вижу смысла, — сказал Ланс. — Эти ворота удержат снаружи только очень законопослушного человека, а таких бояться не следует.

Тем не менее, кое-какие меры Ланс принял. Он приказал слугам укрыться во внутренних помещениях замка, а сам вышел во двор, не забыв нацепить на пояс меч. Справа от него был Джори, слева — сэр Гант, где-то за спиной суетился Ринальдо. К некоторому удивлению Ланса, вскоре к ним присоединился и Плачущий, которому вообще-то следовало держаться подальше от любопытных взоров. На поясе маркиза Тилсберри тоже висел меч.

Всадников было девять, и трое из них носили тяжелую броню. Плохой знак, подумал Ланс, наблюдая, как они спешиваются около ворот. Главным, судя по всему, был исполинских размеров бородач, носивший на щите герб в виде красного яблока.

— Который из вас тут сэр Ланселот? — рявкнул бородач на весь двор.

Ланс чуть наклонил голову и сделал шаг вперед.

— По моему мнению, вы недостойны быть рыцарем, — заявил ему бородач. — Я, сэр Осмунд Грендбек, бросаю вам вызов!

— Я вас впервые вижу, — заметил Ланс.

— Вы убили моего брата на Золотом луге!

— И что же в этом недостойного? — осведомился Ланс. — Ваш брат был изменником.

Вместо ответа сэр Осмунд содрал с руки тяжелую латную перчатку и швырнул Лансу в лицо. Ланс выбросил вперед руку, поймал перчатку и бросил обратно. Сэр Осмунд его проворством не обладал, тяжелый, обшитый железом аксессуар врезался рыцарю в лицо, из

сломанного носа брызнула кровь.

Спутники сэра Осмунда схватились за мечи.

— Стойте! — прикрикнул на них сэр Осмунд, выплевывая на булыжники двора выбитый зуб. — Я так понимаю, что вызов принят.

— Вы поняли правильно, — сказал Ланс, обнажая меч.

— Наденьте доспехи, — буркнул сэр Осмунд. — Я не хочу, чтобы меня обвинили в отсутствии рыцарской чести.

— Мне доспехи без надобности, — сказал Ланс. — А вас все равно не спасут.

— Как знаете, — сэру Осмунду подали шлем, он приладил его на голову, закрыл забрало, вытащил из ножен длинный меч.

Они сошлись.

Многие сильные люди делают ставку на этот свой единственный козырь, пренебрегая техникой, и сэр Осмунд был из их числа. Он был силен, как бык, но слишком прост и неповоротлив. Ланс легко уходил от его могучих, размашистых ударов, атаковал с флангов, и уже третьим выпадом попал в сочленение доспехов на правом плече. Сэр Осмунд взревел, подобно медведю, и переложил меч в левую руку. Ту самую, с которой он снял перчатку несколькими минутами ранее.

Ланс использовал финт, которому его учили еще в юности. Выпад, уход, ложный замах, изменение атаки и укол в запястье. Укол, потому что в юности Ланс тренировался не на мечах, а на рапирах, куда более тонком и элегантном оружии. Рапира только пронзила бы руку, меч же почти отрубил сэру Осмунду запястье.

Рыцарь выронил свой клинок.

— Вы все еще можете сесть на лошадь и уехать, — сказал Ланс.

Трясущейся правой рукой рыцарь стащил с себя шлем. Лицо его побледнело и покрылось испариной.

— Уезжайте, — повторил Ланс. — Я вовсе не жажду вашей крови.

Не перевелись еще на свете упрямые люди. Сэр Осмунд вытащил из-за пояса кинжал.

Ланс покачал головой. Даже Джори должен понимать, что с кинжалом против меча нет шансов. Один из спутников сэра Осмунда шагнул к нему и положил руку на плечо.

На какое-то мгновение Ланс поверил, что разум способен победить хотя бы в этой локальной стычке, но сэр Осмунд взревел, сбросил с плеча руку своего товарища и ринулся в атаку. Ланс легко ушел в сторону, его меч прочертил в воздухе широкую дугу, самым кончиком зацепив горло рыцаря. Сэр Осмунд по инерции сделал шаг вперед, а затем рухнул на колени. Кровь стекала по его панцирю и капала на камни двора.

Сэр Осмунд попытался что-то сказать, но до слушателей донеслось только нечленораздельное рычание, переходящее в хрип.

— Милосердия, — сказал один из приехавших с ним рыцарей. На его груди красовался такой же герб, как и на щите сэра Осмунда. Вот и еще один плохой знак.

Просьба о милосердии в такой ситуации могла означать только одно. Ланс подошел к сэру Осмунду и коротким движением лезвия положил конец его мучениям.

— Забирайте тело и уезжайте, — посоветовал Ланс, но восемь человек стояли и молчали, а восемь рук лежало на рукоятках восьми мечей.

— Сэр Осмунд был моим братом.

— Ну и что? — спросил Ланс. — Он погиб в честном поединке, не так ли?

— Он погиб, — сказал рыцарь с таким же гербом. — Остальное не имеет значения.

— Ваш род уже потерял двоих сыновей, — заметил Плачущий. — Стоит ли рисковать жизнью третьего?

Младший Грендбек решил, что стоит. Возможно, это было не самое правильное решение в его жизни, но оно стало последним. Он вытащил меч, сделал шаг Лансу, а потом с удивлением уставился на свой нагрудный панцирь, из которого торчало оперение арбалетного болта. Плачущий стрелял почти в упор. На таком расстоянии доспехи не спасают, да и промахнуться практически невозможно.

Не успел труп младшего Грендбека упасть рядом с телом его старшего брата, как остальные незваные гости бросились в атаку. Плачущий отшвырнул в сторону разряженный арбалет, который он прятал под плащом, и взялся за меч. Сэр Гант и Джори от него не отставали.

На Ланса, как на самого опасного врага, уже продемонстрировавшего свои умения, напали сразу трое. Сэру Ганту пришлось иметь дело с двумя, а Джори и Плачущему досталось по одному противнику.

Нападавшие на Ланса тяжелой брони не носили, а кожаные куртки, пусть и обшитые металлическими пластинами, от меча защищают весьма посредственно. Ланс отбил удар, направленный в лицо, обратным движением клинка пропорол бедро одному из нападавших и пнул другого ногой в живот, сбив его с ног. Пока тот поднимался, Ланс атаковал третьего, выбил у него оружие из рук и прикончил ударом в грудь.

Теперь против него был только один мечник, ибо человек с разрубленным бедром потерял сознание и всякий интерес к происходящему. Поскольку парень явно извлек уроки из неудач его приятелей, он дрался очень осторожно и защите уделял внимания куда больше, чем нападению. Это помогло ему выиграть несколько лишних секунд жизни, а потом меч Ланса развалил его от плеча до середины груди.

Ланс подобрал с земли второй меч и огляделся.

Сэр Гант уложил одного своего противника, но второй, последний из носивших тяжелые доспехи, наседали на пожилого кастеляна и теснили его к стене. Джори и Плачущий вроде бы пока справлялись.

Ланс в три прыжка пересек двор и обрушил на закованного в броню рыцаря удары двух своих мечей. Тот попытался обернуться, чтобы отразить новую атаку, и в сей же миг клинок сэра Ганта ударил в сочленение доспехов в районе бедра. Рыцарь пошатнулся. Воспользовавшись заминкой, Ланс выбил меч из его рук и предложил сдаваться. Рыцарь стянул с головы шлем и сообщил, что отдает себя в руки Ланса.

Еще один взгляд на схватку.

Джори с бледным лицом валялся у стены и закрывал руками рану на животе. Его оппонент надвигался на Плачущего, чей меч застрял в груди мертвого солдата. Осознав бесплодность своих попыток, маркиз Тилсберри выпустил из рук эфес меча и вытащил из-за пояса кинжал. Видимо, отступить перед врагом было не в его правилах.

Глупо, подумал Ланс. Я бы отступил.

Прийти на помощь маркизу он уже не успевал, поэтому перехватил меч, собираясь метнуть его в последнего уцелевшего визитера. Не убить, так хоть внимание отвлечь.

Оказалось, в этом нет необходимости. Ринальдо, на которого никто не обращал внимания, перезарядил арбалет Плачущего и вогнал короткий болт в глаз последнего нападавшего. Маркиз Тилсберри спокойно, как ни в чем не бывало, вложил кинжал в ножны и принялся выковыривать свой меч из трупа.

— И ведь что самое обидное, я даже не помню их брата, — сказал Ланс. — Может быть, я его и убил, на Золотом луге многие сложили свои головы, но, черт побери, не могу же я помнить гербы всех рыцарей, которые повстречались мне на пути?

— Их брат тут может быть не при чем, — сказал Ринальдо. — Грендбеки были вассалами лорда Тархилла, у которого были свои планы на правление Алого Ястреба, хоть он и не поддержал его открыто.

Сэр Гант склонился над Джори. Парень потерял сознание, и вокруг него уже натекла лужа крови.

— Пошлите кого-нибудь в деревню за лекарем, сэр Гант, — сказал Ланс.

— Нет необходимости, — маркиз Тилсберри вернул себе свой клинок и теперь был готов заняться менее важными с его точки зрения вопросами. — Я осмотрю его.

— Ты лекарь?

— Уж никак не хуже того коновала, за которым вы готовы послать в деревню. И, в отличие от него, я уже здесь.

— Прекрасно, — буркнул Ланс. — Потом осмотри нашего пленника. Ваше имя, сэр?

— Сэр Брок, рыцарь Сломанного копья.

— Чей вы знаменосец?

— Ничей, я межевой рыцарь.

— Наемник, — сказал Ринальдо. — Неужели тебя не предупредили, против кого эти олухи собирались выступить?

— Я считал, что репутация сэра Ланселота несколько преувеличена, — честно признался сэр Брок. — Теперь не считаю.

Рыцарь был бледен и еле стоял на ногах. Ланс кликнул слуг, велел отнести раненых внутрь, а мертвых до утра свалить где-нибудь, чтобы они не мозолили глаза обитателям крепости.

Лансу хотелось пить. Он прошел в пиршественную залу, налил себе полный кубок вина и осушил его в два глотка.

— На кой ляд тебе понадобился виночерпий, если ты все время наливаешь себе сам? — поинтересовался Ринальдо.

— Не знаю, — сказал Ланс, опускаясь на стул. — Ты все еще уверен, что хочешь быть рядом со мной?

— Мне стоит это обдумать.

Тяжело ступая, в зал вошел сэр Гант, на ходу пытаясь оттереть чужую кровь с кольчуги. Ланс пригласил его сесть, а Ринальдо налил вина. Руки у карлика чуть подрагивали.

— Последний раз я дрался насмерть больше пятнадцати лет назад, — сказал сэр Гант. — Я и забыл, каково это, отнимать чужую жизнь.

— Надеюсь, Джори поправится, — сказал Ланс. Сам Ланс отнимал чужие жизни очень легко, и он уже очень давно ничего по этому поводу не чувствовал.

— Я не слишком люблю Плаксу, но надо отдать ему должное, в медицине он понимает побольше иного лекаря, — сказал Ринальдо. — Если парень и не выживет, то не потому, что ему вовремя не оказали помощь.

— Должен сказать, что сегодня ты храбро себя проявил, Ринальдо, — сказал Ланс.

— О, наконец-то ты это заметил, — карлик скривился в усмешке. — Ошибка больших людей с большими мечами заключается в том, что они редко смотрят вниз.

Леди Катрин ворвалась в залу, как небольшой ураган.

— Что случилось? Я слышала крики и звуки схватки! На нас кто-то напал? Все ли целы?

— Джори ранен, миледи, — ответил ей кастелян. — Пока сложно сказать, насколько тяжело.

— Больше никто? — взгляд леди Катрин скользил по залу и не находил среди присутствующих того, кто, возможно, был для нее дороже всех остальных. Или это я излишне драматизирую, подумал Ланс. Они и знакомы-то меньше недели...

— С нашей стороны — никого, — сказал Ланс. — Маркиз Тилсберри оказывает помощь раненым.

Леди Катрин покраснела. Если Ланс и драматизировал, то самую малость.

— Кто на нас напал?

— Вассалы лорда Тархилла, миледи, — сказал сэр Гант.

— Это из-за меня, — пояснил Ланс.

— Я полагала, что война закончилась.

— Такие войны никогда не заканчиваются, — сказал Ланс. — Они просто перетекают из одной фазы в другую.

— Лорд Тархилл либо слишком благороден, либо слишком глуп, — сказал Ринальдо. — Он поручил рыцарям то, что следовало бы поручить убийцам. Впрочем, я делаю ставку на третий вариант — он слишком жаден. Убийцы стоят денег, а этих парней стоило только спустить с цепи. Может быть, это вовсе не ты убил их брата. Поле боя — это ведь не турнир, чтобы знать имена всех, кто выступает против тебя.

— Или они все же действовали независимо, — сказал Ланс.

— Не думаю, — сказал сэр Гант. — По законам рыцарской чести вас обвинить не в чем. Их брат пал на поле боя, это честная смерть.

— С вашего позволения, господи, я удалюсь, — сказала леди Катрин. — Пошлю служанок посмотреть, не требуется ли маркизу Тилсберри какая-нибудь помощь.

— Я уже позаботился об э... — начал было сэр Гант, но Ланс знаком велел ему замолчать.

Вслед за леди Катрин ушел и пожилой рыцарь, сославшийся на усталость, и Ланс с Ринальдо остались вдвоем.

— Ну и что ты на самом деле обо всем этом думаешь? — поинтересовался Ринальдо.

— Я думаю, что это оскорбительно, — сказал Ланс. — После всего, что было, они послали против меня всего девять человек.

— В следующий раз они пошлют девяносто. Такая идея тебе нравится?

— Не особо, — признался Ланс.

— А они обязательно пошлют, не Тархилл, так другой, — сказал Ринальдо. — И лучше бы, чтобы нас к этому моменту тут не было.

— Мне некуда идти.

— Мы можем отправиться в столицу.

— Просить защиты у короля?

— Зачем просить защиты? Просто пока ты будешь при дворе, никто не посмеет тебя тронуть. По крайней мере, такими вот скучными неизобретательными методами.

— Эта идея нравится мне еще меньше.

— А другая у тебя есть? — поинтересовался Ринальдо. — Что еще можно сделать? Укрепить замок, понять стены, призвать в крепость людей? На все это нужны деньги, а твой обоз так и не прибыл. Или ты предпочтешь пуститься в бега без гроша в кармане? Без денег

далеко не убежишь.

— Нaley нам вина, виночерпий, — сказал Ланс. — Сегодня вечером мне особенно не хочется быть трезвым.

Спустя полтора часа, когда они успели осушить уже не по одному кубку, к ним присоединился маркиз Тилсберри. Он выглядел очень уставшим, и у него были красные от слез глаза. Ринальдо налил и ему.

— Если Джори доживет до рассвета, то с ним все будет в порядке, — сказал Плачущий.

— А остальные? — спросил Ланс.

— Сэр Брок умер, — сказал Плачущий. — Клинок задел бедренную артерию, а я не успел остановить кровотечение, поскольку занимался нашим человеком. Ты одобряешь мой выбор, сэр Ланселот?

— Да, — сказал Ланс. — А третий?

— Он простолюдин, — сказал Плачущий. — Обычный наемник. Выкупа за него не дадут.

— И что с ним?

— Я прочистил рану и наложил повязку, — Плачущий пожал плечами. — Использовать... другие средства я не стал. Слишком устал для этого.

— Почему бы тогда просто не перерезать ему глотку? — поинтересовался Ринальдо.

— Хочешь, режь, — безразлично сказал Плачущий. — Кстати, я хотел поблагодарить тебя за твой выстрел. Возможно, ты спас мне жизнь.

— Пустое, — Ринальдо махнул рукой. — На твоём месте мог оказаться каждый.

— И все же, я у тебя в долгу.

— Можешь отсыпать мне своего золота, — ухмыльнулся Ринальдо. — Заодно посмотрим, как дорого ты себя ценишь. Кстати, а много у тебя этого самого золота? Пока ты там исцелял страждущих, мы обсуждали, не стоит ли нам покинуть эту страну и как дорого нам обойдется такое путешествие.

— Это правда? — Плачущий посмотрел на Ланса.

— Мелькала такая мысль.

— Золота у меня не много, — сказал Плачущий. — Год комфортной жизни для одного или очень скромной для троих.

— Лучше, чем ничего, — заметил Ринальдо.

— Мне все равно в ближайшее время границу не пересечь, — сказал Плачущий.

— Ты же колдун, — сказал Ринальдо. — Неужели ты не можешь замаскироваться или отвести стражникам глаза?

— На заставах обычно есть люди, которые могут видеть сквозь чары, — сказал Плачущий. — Для борьбы с контрабандистами и поимки беглых преступников.

— С другой стороны, нас-то с Лансом никто не задержит... — задумчиво пробормотал Ринальдо.

— Тебе-то зачем бежать, шут? За тобой никто не гонится.

— Кого ж ты имел в виду, когда говорил о троих? — осведомился Ринальдо. — О... Молодая девица на выданье нашла себе нового жениха?

Плачущий тоже покраснел, как и леди Катрин несколькими часами ранее.

— Я ничего такого не имел в виду, — сказал он. — Просто ее отец в изгнании, и я подумал...

Ринальдо ухмылялся.

— Хватит, — сказал Ланс. — Как бы там ни было, мы подумаем об этом завтра. На трезвые головы. А сейчас нам всем стоит отдохнуть.

— Будем надеяться, этой ночью никто не явится сюда, чтобы перерезать нам глотки, — сказал Ринальдо. — Что за польза от крепости, где даже ворота толком закрыть нельзя?

Джори выжил.

Пережив кризис в первую ночь после ранения, он быстро пошел на поправку. Плачущий хорошо поработал над молодым привратником, на третий день от рамы остался только рубец, и Джори даже смог встать с постели, хотя и испытывал определенную слабость в ногах.

Может быть, после этого небольшого приключения он таки передумает становиться рыцарем.

А может быть, и нет.

Тела незваных гостей отправили в деревню, чтобы похоронить их на местном кладбище. Сэр Гант продолжал настаивать на укреплении стен и ворот, но у Ланса не было на это денег. Как, впрочем, не было у него и уверенности, что высокие стены и крепкие ворота хоть в чем-то ему помогут.

Обоз так и не появился.

Обещанные Ринальдо убийцы тоже.

Из внешнего мира не доносилось вообще никаких известий, ни хороших, ни плохих. Словно Ланс внезапно, сам того не заметив, оказался на острове, до которого никому нет дела, куда корабли не заходят даже для того, чтобы пополнить запас пресной воды.

Лансу такое положение дел не нравилось. Он уже давно не считал хорошей новостью отсутствие плохих новостей. Если вы ничего не знаете о происходящих событиях, это вовсе не означает, что события вдруг перестали происходить. Это значит лишь то, что последствия могут обрушиться на вас в любой момент. Как правило, в самый неподходящий. Когда вы меньше всего этого ждете. В одно прекрасное утро, когда вы расслабитесь и поверите, что все про вас забыли и дальнейший остаток вашей жизни принадлежит только вам.

Впрочем, в эту сказку тоже уже очень дано не верил.

И он не слишком удивился, когда в одно прекрасное утро ему сообщили, что у берега бросил якорь большой трехмачтовый корабль.

Ланс неторопливо оделся, нацепил перевязь с мечом и кинжалом и поднялся на галерею, с которой открывался прекрасный вид на море. Сэр Гант и Плачущий были уже там.

С корабля на воду спустили двенадцативесельную шлюпку. На высадку десанта это было непохоже.

— Может, это вообще не к нам? — предположил Ланс.

Сэр Гант покачал головой.

— Нарду ни с чем не перепутать, милорд. На побережье нет второго такого замка.

— А вдруг это торговцы, которые просто заблудились?

— Торговцы, которые не знают дороги и решили пристать к берегу, чтобы уточнить курс? — фыркнул Плачущий. — У купцов всегда были лучшие морские карты. Альий Ястреб, когда в этом возникала необходимость, пользовался только ими.

— Кроме того, на корабле почти нет груза, — сказал сэр Гант. — Посмотрите на осадку.

— Значит, это какая-то важная персона катит в гости, — вздохнул Ланс. — Скорее всего, ко мне. Законы гостеприимства не требуют, чтобы я вышел встретить ее на берегу?

— Думаю, нет, милорд.

— А я все равно пойду, — сказал Ланс. — Сберегу этим пару минут.

— Я с вами, милорд.

— Нет, — сказал Ланс. — Я пойду один, так мне будет спокойнее. Маркизу Тилсберри не стоит показывать всем подряд свое лицо, а вы лучше всех сможете позаботиться о замке, если... если что-то случится.

— Там пятнадцать человек, — заметил Плачущий. — Двенадцать на веслах, рулевой и двое пассажиров.

— У тебя хорошее зрение, — сказал Ланс.

— О, да, — сказал Плачущий, промокая слезы.

— Тем не менее, я не думаю, что это убийцы, — сказал Ланс. — Убийцы бы высадились под покровом ночи и не здесь, а где-нибудь подальше, чтобы мы не увидели их корабля. Да и вообще, убийцы бы пришли по суше.

Ближайшее место, где шлюпка могла причалить к берегу, было в доброй миле от замка, а шел Ланс неспешно. К тому моменту, как он добрался до небольшого песчаного пляжа, гребцы уже вытащили лодку на сушу и помогли своим пассажирам сойти.

Старший из новоприбывших гостей воплощал собой архетип волшебника. Он был высок, худощав, стар и носил длинный дорожный плащ с капюшоном. Еще у него была седая борода, посох с резным набалдашником и небольшая примесь безумия во взгляде. Как будто этих парней кто-то на фабрике по одному и тому же чертежу выпускает.

Зато его молодой спутник мог быть, кем угодно. Простой дорожный камзол, светлые волосы, абсолютно незапоминающееся лицо... Средний рост, средний возраст. То ли не слишком удачливый купец, то ли чиновник на государственной службе, то ли какой-то мелкопоместный дворянчик.

Эти двое увидели Ланса издалека и ждали его в сотне шагов от шлюпки, там, где матросы не смогли бы их подслушать.

— Ты Ланселот? — у него и голос был, как у волшебника, громкий, звучный. Голос человека, привыкшего повелевать не только людьми, но и стихиями. Сколько таких деятелей Ланс встречал на своем пути? Слишком много. И, как правило, ничем хорошим эти встречи не заканчивались.

— Сэр Ланселот, — поправил он.

— Я — Балор.

— Э...И что?

— Ты не знаешь меня? — удивление старикана было вполне искренним.

— А должен?

— Я — первый из магов.

— Я думал, Алый Ястреб был первым из магов.

— Алый Ястреб был первым магом Эталии, — сказал Балор. — Я — просто первый.

— Видимо, я должен быть польщен.

— Нет, — сказал молодой спутник Балора. — По всем правилам ты должен быть испуган.

— Как жаль, что никто не удосужился мне об этих правилах рассказать.

— Это Счетовод, — сказал Балор, даже не повернув головы в сторону

поименованного. — Мой ученик.

— И, надо думать, вы оба приплыли сюда не случайно?

— Конечно же, нет, — сказал Балор. — Ты убил Алого Ястреба.

— Интересно, сколько еще мне будут об этом напоминать?

— До конца твоей жизни, — сказал Счетовод очень серьезно. — А потом еще немного.

— Возвращайся к шлюпке и жди меня там, — сказал ему Балор. — А мы с сэром Ланселотом немного прогуляемся по берегу.

— Как угодно, учитель.

На прощание Счетовод одарил Ланса взглядом, который можно было расценить, как недружелюбный. Ерунда, на Ланса еще и не так смотрели.

Балор же развернулся и зашагал в сторону замка. Лансу не осталось ничего другого, как последовать за ним. В конце концов, оставить гостя без внимания было бы просто невежливо.

— Ты хоть понимаешь, что ты натворил? — поинтересовался Балор на третьем десятке шагов. Стоило им остаться вдвоем, как голос волшебника стал куда более похож на человеческий.

— Я поддержал законного короля этой страны в войне против мятежников.

— Думаешь, это было мудро?

— Не знаю, — сказал Ланс. — А что, не было?

— Молодой король должен был жениться на принцессе Мирцелле из Лидонии, — сказал Балор. — Этот брак укрепил бы союз между двумя странами, на нем настаивал отец Леонарда, на нем настаивал Алый Ястреб. Но когда старый король умер, Леонард решил, что Мирцелла недостаточно хороша для него, а когда Алый Ястреб стал настаивать на соблюдении ранних договоренностей, Леонард приказал ему убираться из столицы. После чего эти двое наговорили друг другу много неприятных вещей, что и стало причиной гражданской войны. Ты знал об этом?

— До меня доходили какие-то слухи, но не могу сказать, что все это меня сильно интересовало.

— Этот союз был очень важен для нас, — сказал Балор. — Эталия и Лидония — это не просто два старейших северных королевства. Это две могучие армии, и для всех было бы лучше, если бы в грядущей войне они сражались, как одна. Но после того, как Леонард отверг Мирцеллу, о военном союзе можно забыть.

— А что, грядет еще какая-то война? — поинтересовался Ланс.

— Грядет война, подобных которой еще не было, — сказал Балор.

— Ты это говоришь, чтобы нагнать побольше пафоса, или на самом деле так думаешь?

— Ты не эталиец, не так ли? — спросил Балор, и сам же ответил. — Нет. Ты вообще не похож на уроженца северных королевств. Но на выходца с юга ты похож еще меньше. Откуда же ты взялся на наши головы в самый неподходящий момент?

— Издалека, — сказал Ланс. — Некоторые склонны считать меня исчадием самой преисподней.

— Бич Чародеев, — фыркнул Балор. — Именно там величают тебя менестрели в своих балладах. Ты убил Смеющегося, а юноша подавал большие надежды. Этого было бы уже достаточно, чтобы попасть в историю, но потом ты убил Алого Ястреба, моего брата, входящего в Совет Ложи.

— Э... — сказал Ланс. — Когда ты говоришь «брат», ты имеешь в виду собрата по

профессии, или же между вами на самом деле были родственные связи?

— Родственных связей не было, — сказал Балор. — Но все маги, входящие в Ложу, являются друг другу братьями.

— Впервые слышу о какой-то Ложе, — сказал Ланс.

— Неудивительно, — сказал Балор. — Мы не рассказываем о ее существовании каждому встречному. Даже не все северные короли знают о том, что все волшебники континента входят в единую организацию. И я не могу сказать, что эта мысль им слишком нравится.

— Но выбора у них нет, — сказал Ланс. — Выходит, раз мне рассказали о существовании Ложы, то я уже не каждый встречный? Или предполагается, что я не переживу этого разговора?

— Если бы я хотел тебя убить, ты бы уже был мертв.

Ланс фыркнул.

Непроизвольная, но очень искренняя реакция. Вопреки ожиданиям Ланса, волшебник не обиделся и не рассердился. Он просто сделал вид, что ничего не слышал.

— Я рассказываю тебе о Ложе, потому что ты серьезно нарушил наши планы, — сказал Балор. — И Совет, недолго посоветовавшись, решил, что тебе следует поручить задание, которое исправит ситуацию, которую ты испортил своим вмешательством в войну.

— И моего мнения, естественно, никто не спрашивал? — уточнил Ланс.

— Совет Ложы руководствуется высшими интересами, — ответил Балор. — Мнение отдельных людей для него ничтожно.

— Интересный взгляд, — согласился Ланс. — Значит, вы считаете, что способны навязать мне волю Совета, в который я даже не вхожу и о котором первый раз услышал всего минуту назад?

— Да.

Ланс остановился. Балор по инерции сделал несколько шагов, потом резко развернулся на каблуках и они уставились друг на друга. У волшебника был тяжелый взгляд, но безумия в нем уже не было. В глубине зрачков плескалось только презрение и холодная ярость.

Наверное, когда первый из магов сверлит человека таким взглядом, тому положено чувствовать себя неуютно. Может быть, даже трепетать. Но Ланс просто положил левую руку поближе к рукояти кинжала.

Балор повел посохом. перевязь с оружием лопнула и упала на землю. Спустя мгновение ее охватило пламя, кинжал и меч раскалились докрасна и обратились в лужицы расплавленного металла.

Со скоростью атакующей змеи Ланс выбросил правую руку вперед. В ней ничего не было, да и попросту не могло быть, но когда рука полностью распрямилась, первый из магов обнаружил у самого своего горла черный клинок.

— Это объект силы? — поинтересовался Балор. Он не мог не осознавать всей серьезности положения, но на его лице не дернулся ни один мускул.

— Это кусок стали, — сказал Ланс.

— Если ты сейчас меня убьешь, позже тебе придется перебить всю Ложу.

— Обрати внимание, не я это предложил, — сказал Ланс.

— Воистину, менестрели выбрали тебе правильное прозвище, Бич Чародеев.

— За это им и платят. В числе прочего.

— Вне всякого сомнения.

Кончик посоха описал в воздухе небольшой круг. Ничего не произошло.

— Ты испытываешь мое терпение, — заметил Ланс. — Думаешь, твое заклинание быстрее моего меча? Особенно сейчас, когда я уже держу клинок у твоей глотки?

— Это не просто сталь, — сказал Балор. — Где ты раздобыл такой меч? И, главное, где ты его прятал?

— Это Призрак Ночи, — сказал Ланс. — Мое фамильное оружие, доставшееся мне от моего отца и служившее нашей семье на протяжении нескольких поколений. И я должен сказать, что в тех местах, откуда я родом, подобные тебе чародеи годятся только для развлечения публики на деревенских ярмарках.

— Это в тех местах тебя научили убивать магов?

— Там мне преподали первые уроки, — сказал Ланс. — Но впоследствии у меня было много практики, и я отточил свои навыки до совершенства.

— Опасно думать, что ты достиг совершенства хоть в чем-то.

— Ты не в том положении, чтобы сомневаться.

Балор был быстр не только для человека своего возраста, но и вообще для человека. Он шагнул в сторону, уходя от клинка Ланса, одновременно выбрасывая вперед свой посох. Тяжелый резной набалдашник летел Лансу в грудь, и в случае попадания грозил, как минимум, переломом нескольких ребер. Но Ланс оказался еще быстрее. Он увернулся от удара, и одним ударом рассек посох на две половинки.

— Очень хорошо, — сказал Балор. — Я вижу, что твоя слава заслужена и ты годишься для того задания, которое мы хотим тебе поручить.

Глава пятая. Предложение, от которого можно отказаться

Балор со Счетоводом вернулись на корабль, а Ланс остался на берегу.

Он уселся на камень, воткнув Призрак Ночи в землю рядом с собой, и уставился на море. Хотелось закурить, то трубка и кисет остались в замке, да и табака там было всего на один раз. Следующая возможность пополнить запасы может представиться еще очень нескоро.

Когда он вернется в крепость, ему не избежать расспросов, и прежде чем они начнутся, ему стоит решить, что стоит рассказывать, а о чем лучше умолчать. Ну, и еще было бы неплохо принять окончательное решение. Балор сказал, что будет ждать ответа Ланса до следующего дня.

Первый из магов, надо же. Ланс прикидывал, какую часть своей истинной силы волшебник продемонстрировал ему сегодня, и решил, что немалую. Если Алый Ястреб был его братом и входил в Совет Ложи, вряд ли способности волшебников могут отличаться на порядок. А Алому Ястребу ничем не удалось Ланса удивить.

Разве что он умер удивительно быстро.

Но и сам Ланс показал Балору далеко не все свои умения. У него не было никаких сомнений, чье тело бы осталось лежать на берегу, если бы они сражались в полную силу, пытаясь отправить друг друга на тот свет. Балор был первым магом, но магия уходила из этого мира. В прошлом Лансу противостояли куда более могущественные враги, и где они теперь? А Ланс — вот он, на берегу. Смотрит на море и жалеет себя.

Ложа Чародеев, надо же. Еще один тайный комитет думает, что миру будет куда лучше под его покровительством. Что можно дергать за ниточки королей и отправлять героев в чужие страны, где их ждут подвиги во имя стабильности насаждаемого Ложей мирового порядка. Что ими всеми движет? Во множестве миров есть хоть один, где удалось навести порядок железной рукой, и если удалось, то как долго такой порядок может просуществовать? Что ими движет? Что заставляет думать, будто бы один человек или группа людей могут облагодетельствовать весь мир? Наверняка, каждый человек знает, как лучше, и это нормально, до тех пор, пока он распространяет свое «как лучше» на себя и своих близких. Ну, или по крайней мере на тех, кто согласен за ним идти. Король может распространить свое видение на свою страну. Но в тот момент, когда он пытается навязать свое «как лучше» числу, превосходящему число его подданных, его следует отлучать от трона и прилюдно пороть на площади.

А тайные общества и всяческие ложи, считающие остальных людей своими марионетками, следует давить в зародыше. Просто чтобы не дать им шанса.

Мировые порядки рушатся и погребают под своими обломками целые нации.

Но Ланса ли это дело? Чужой мир, чужая страна, чужая война. Он пролил уже достаточно крови, почему же вселенная не может просто оставить его в покое?

Вселенная, как обычно, промолчала. Впрочем, он не слишком рассчитывал на ее ответ.

Со стороны крепости послышались чьи-то шаги. Ланс положил руку на эфес Призрака Ночи и меч исчез. Ланс понятия не имел, где его клинок коротает время между битвами, и, честно говоря, его это не слишком заботило. Главное, чтобы он оказался под рукой в нужный момент, и в этом Призрак его еще ни разу не подводил.

— Надо же, ты жив, — сказал Ринальдо. — А мы уже готовили вылазку, чтобы отбить твоё тело.

— И тебя, как наименее ценного, отправили на разведку?

— Что-то вроде того, — сказал Ринальдо. — Гости вернулись на корабль?

— Как видишь.

— И кто это был? Хотя нет, подожди, не рассказывай, — Ринальдо поднес руку ко рту и раскатисто, по-разбойничьи, свистнул.

Ланса всегда удивляло, как существа такого размера могут производить столько шума. Однако, самого Ринальдо эффект явно не удовлетворил.

— Плакса! — заорал он. — Выходи, тут никого нет!

Фигура маркиза Тилсберри выросла из-за чахлах кустиков в ста метрах левее. Прежде, чем подойти, маркиз тщательно вытер слезы платком.

— Теперь рассказывай, — заявил Ринальдо. — Кто это был?

— Балор, — сказал Ланс.

— О! — сказал Ринальдо. — Тот самый Балор?

— Если под «тем самым» ты имеешь в виду того Балора, который известен в качестве первого из магов, то да.

— О! — еще раз сказал Ринальдо.

— Чего он хотел? — спросил Плачущий. — Он не меня искал?

— О тебе речи вообще не было, — заверил его Ланс.

— Но у нас проблемы? — уточнил Ринальдо.

— У тебя — нет, — сказал Ланс. — Балор хочет, чтобы я отправился на юг, нашел там человека по имени Джемаль ад-Саббах и устроил ему свидание с Алым Ястребом.

Челюсть Ринальдо отвисла чуть ли не до земли. Ланс рассудил, что в этом больше театральности, чем искреннего удивления, но и удивление тоже имеет место быть.

— Я надеюсь, ты отказался, — сказал Плачущий.

— Я обещал дать окончательный ответ завтра, — сказал Ланс. — Пока вы не пришли, я как раз его обдумывал.

— Разве тут есть, о чем думать? Балор просит невозможного.

— Когда-то то же самое мне говорили про Алого Ястреба, засевшего в Штормовом замке.

— Но это совсем не то же самое, — сказал Плачущий. — Джемаль ад-Саббах, Лед Пустыни, великий колдун и предводитель южных варваров... Он не человек. Говорят, он сын песчаного джинна и самки шакала.

— Должно быть, у парня было тяжелое детство, — заметил Ринальдо. — И это объясняет его сволочный характер. Только вот непонятно, как самка шакала могла родить льва. Пусть даже и от джинна.

— Его сила равна силе тысячи воинов, — сказал Плачущий. — В его сердце тьма тысячи бездн. Его дыхание порождает бури в пустыне.

— Это больше похоже на детские сказки, — сказал Ланс.

— И тем не менее, Ложа боится его настолько, что сам Балор лично прибыл, чтобы попросить тебя о его смерти.

— Что за Ложа? — поинтересовался неугомонный Ринальдо.

— Балор считает, что Джемаль ад-Саббах намерен обрушить свои орды на северные королевства, — сказал Ланс. — Говорит, что пора готовится к большой войне.

— А как эти орды собираются пересечь Великую пустыню? — поинтересовался Ринальдо.

— Не знаю, — сказал Ланс. — Видимо, Балор думает, что способ есть.

— Пустыня веками хранила нас от набегов варваров, — сказал Плачущий. — Не считая того факта, что им просто не из чего построить флот.

— Насколько я знаю, этот их Лев Пустыни — первый вождь, которому удалось объединить все племена, — заметил Ринальдо. — Долгое время считалось, что и этого никогда не произойдет.

— Объединить племена — это одно, пересечь пустыню — совсем другое. Смотри, — кончиком кинжала маркиз Тилсберри нарисовал на земле нечто, отдаленно смахивающее на бумеранг. — Эталия здесь, — он очертил область в верхней части бумеранга. — Ад-Саббах и его варвары тут, — он ткнул в точку в нижней части. — Вот здесь начинается пустыня, и кончается она вот здесь, — кинжал прочертил линию от точки, обозначающей ад-Саббаха до области, находящейся в верхней части карты. — Это тысячи миль песка и зноя. Возможно, где-то там и есть источники воды, но даже если ад-Саббах найдет их точное расположение, этого все равно не хватит, чтобы напоить целую армию. Там даже купеческие караваны давно не ходят, и вся торговля с югом осуществляется по водному пути.

— Как давно перестали ходить караваны? — поинтересовался Ланс.

— Уже несколько веков, — сказал Плачущий. — С тех пор, как во времена большой засухи и песчаных бурь пустыня увеличилась почти в полтора раза.

— Значит, ты считаешь, что Балор зря бьет тревогу?

Плачущий помолчал, прежде чем ответить.

— Нет, — сказал он неохотно. — Балор — глава Совета Ложи. Если он говорит о вторжении, значит, у него есть все основания так думать.

— Да что это за чертова Ложа? — спросил Ринальдо.

— Но даже если такие основания есть, это ничего не меняет, — сказал Плачущий. — Убить Льва Пустыни на юге, среди его войска... Эта миссия невыполнима. Скорее всего, он просто хочет от тебя избавиться.

— Такая мысль приходила мне в голову, — согласился Ланс.

— Но Балор не дурак, — сказал Ринальдо. — Он решил натравить невозможное на невозможное и посмотреть, что из этого получится. В любом случае, сам-то он ничего не теряет. А вот ты будешь дураком, если согласишься.

— Если не соглашусь, Балор обещал обрушить на меня гнев всей Ложи, — сказал Ланс. — А убив ад-Саббаха, я искуплю вину за убийство Алого Ястреба, и они оставят меня в покое.

— Кто-нибудь уже объяснит мне, о какой Ложе идет речь?

— О Ложе магов, — сказал Ланс. — Алый Ястреб тоже в ней состоял. А Балор ее вроде как возглавляет.

— Иными словами, какой бы вариант ты не выбрал, тебе все равно придется убивать волшебников, — сказал Ринальдо. — Плакса, ты ведь должен разбираться в такого рода делах. Как бы ты поступил?

— Я бы сбежал, — сказал маркиз Тилсберри. — Конечно, от Ложи навсегда не спрячешься, но это хоть какой-то шанс прожить на пару лет дольше.

— Выходит, ты считает, будто этот ад-Саббах опаснее, чем все остальные волшебники мира, вместе взятые? — уточнил Ринальдо.

— Выходит, так.

— А вот лично мне простая арифметика подсказывает другой вариант, — сказал Ринальдо. — Ад-Саббах один, а волшебников много. Проще убить одного, чем толпу.

— Этот один окружен целой армией, — напомнил Плачущий.

— Всегда есть способы, — сказал Ланс.

— И, возможно, он не человек, — сказал Плачущий.

— Ты на самом деле в это веришь?

— С юга периодически приходят страшные слухи.

— О противоестественном союзе джинна и самки шакала? — уточнил Ринальдо. — Но это же полная чушь, в которую могут поверить только невежественные крестьяне. Согласно бестиарию Лангрена, джинны являются бестелесными существами, у которых нет того самого инструмента, с помощью которого обычно делают детей. Ну, или щенков. И сам посудите, каким образом плод этого союза, даже если бы он состоялся, может хотя бы внешне походить на человека?

— Ты пытаешься измерить магию линейкой, — сказал Плачущий. — Со стороны это выглядит жалко и смешно.

— Как по мне, так это ты выглядишь жалко, — сказал Ринальдо. — Ты готов забиться в нору при одном упоминании этого имени.

— Я просто лучше тебя представляю, кто он такой.

— Ну, а кто он такой? — поинтересовался Ринальдо. — Если отбросить всю эту чертову непроверяемую мистику, которую вы черпаете из слухов, то в сухом остатке мы имеем парня, который объединил племена варваров, завоевал пару городов и грозно смотрит на нас через пустыню. Я могу согласиться с тем, что он могуч, свиреп и опасен. Я могу поверить в то, что он колдун, в конце концов, без магии тут явно не обошлось. Возможно, он хороший стратег, или же ему просто повезло. Но он всего лишь человек, а ты пытаешься представить его наводящим ужас и сеющим хаос богом из старого пантеона.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Ложа его боится, — сказал Ланс.

— Ложа — это тоже всего лишь люди, — парировал Ринальдо. — Придворные чародеи... Ты не допускаешь мысли, что они создали страшилку для королей, чтоб было проще ими манипулировать, а потом сами в нее и поверили? Что в итоге они напугали сами себя?

— Джемаль ад-Саббах — это воплощенное зло, — сказал Плачущий.

— Извини, но в это не верю уже я, — сказал Ланс. — Просто так принято говорить с врагах. Дескать, они приносят кровавые человеческие жертвы, пожирают младенцев и хотят захватить мир, чтобы заполнить его болью и ужасом. А на самом деле с другой стороны вполне могут быть обычные люди, которые тоже считают себя правыми, верят, что несут в мир прогресс и процветание, и рассказывают такие же байки про тех, кто этому прогрессу противится. Мне доводилось бывать на той, другой стороне. Меня вряд ли можно назвать хорошим человеком, и порой мне приходилось делать ужасные вещи, но воплощенным злом я все же себя не считаю.

Маркиз Тилсберри покачал головой.

— Теперь я вижу, что ты пришел очень издалека, — сказал он. — Ты ничего про нас не знаешь.

— Брось, — сказал Ланс. — Все эти конфликты похожи один на другой. У любой войны

есть политическая и экономическая подоплека, а борьба добра со злом — это просто лозунги и пропаганда. Неотъемлемая часть военных действий, но уж никак не их причина.

— Ты заблуждаешься, — сказал Плачущий.

— А сам ты бывал на юге, Плакса? — спросил Ринальдо.

— Нет.

— Ну и вот.

— Но я читал донесения лазутчиков, которые получал Алый Ястреб, — сказал Плачущий. — Если вам так уж любопытно, ад-Саббах действительно приносит человеческие жертвы.

— Кому? — скептически поинтересовался Ринальдо.

— Себе.

— Сие означает, что он просто безумен, — сказал Ринальдо. — Но из этого никак не следует, что он — бог.

— Или же лазутчики приняли за жертвоприношение обычные казни, — заметил Ланс. — Или они лгут.

— Почему тебе так сложно признать очевидное?

— Потому что для меня это ни разу не очевидно, — сказал Ланс. — Я видел много таких войн и одну даже проиграл. У каждого человека есть мотив, есть рациональные объяснения для его поступков. Я знаю, о чем я говорю, потому что я видел воплощенное зло, живущее ради битв и разрушений. И это были не люди. Я вовсе не защищаю этого ад-Саббаха, не говорю, что он хороший человек, и даже не оспариваю тезис, согласно которому его следует убить, но не стоит приписывать врагу качеств, коими он не обладает.

— Как знаешь, — сказал Плачущий.

— Когда я пришел за твоим учителем, он творил заклинание, которое должно было уничтожить армию короля Леонарда, убить тысячи людей, — сказал Ланс. — Если посмотреть на эту ситуацию со стороны Леонарда, то Алый Ястреб был злом, не так ли? Может быть, даже абсолютным. Но сам он думал, что радует о благе государства и что у него просто нет выбора, потому что молодой король ведет страну к катастрофе. Жизнь — это сложная штука, в которой нет однозначно хороших и однозначно плохих людей. По крайней мере, я таких еще не встречал.

— Это другое, — сказал Плачущий.

— Просто мотивы Алого Ястреба тебе были известны, а мотивы Джемалья ад-Саббаха — нет, — сказал Ланс. — Впрочем, эти отвлеченные умствования не имеют никакого значения, когда надо решить, что делать. Меч можно с одинаковым успехом воткнуть и в безумца, и в тирана, и в демона. Мечу все равно.

— Кстати, а где твой меч? — поинтересовался Ринальдо. — Ты вроде бы выходил из замка с оружием.

— Там же, где и посох Балора, — Ланс махнул рукой, примерно обозначая место их схватки. — Где-то там. А что, вы ничего не видели?

— Нет, как ни смотрели, — сказал Плачущий. — Либо это место не просматривается с крепостной стены, либо Балор отвел нам глаза.

— Если я соглашусь на предложение Балора, он сойдет на берег и отдаст мне свой корабль для плавания на юг, — заметил Ланс. — Я подумал, для тебя это будет хорошим шансом покинуть страну.

— Корабль ведь пойдет на юг без остановок, — сказал Плачущий.

— Юг большой. Даже ад-Саббах еще не завоевал его целиком.

— И это тоже странно, — сказал Ринальдо. — Я имею в виду, парень еще не покорил юг, а уже смотрит на север. Почему? Вы не находите, что для человека, стремящегося к мировому господству, это как-то непоследовательно? Рисковать своим войском при переходе через пустыню и начинать новую войну, оставив за спиной живых врагов? Ведь если он проиграет здесь, возможно, ему будет просто некуда возвращаться.

— Может быть, что-то влечет его именно на север, — сказал Ланс.

— Например?

— Понятия не имею. Я вообще только сегодня узнал о планирующемся вторжении.

— Маги, короли, герои, — фыркнул Ринальдо. — Попытка понять логику их поступков обычно не несет ничего, кроме головной боли.

— Как думаете, в крепости есть карты континента, включающие и южную его часть?

— У меня есть такая карта, — сказал Плачущий. — Но неужели ты всерьез думаешь в одиночку выступить против Льва Пустыни и всей его армии? Вот уж не думал, что в мире найдется хоть один человек, способный на такое безумство.

— В мире всегда найдется человек, способный на любое безумство, — сказал Ланс. — Например, я.

— А я, с вашего позволения, пойду в трактир, — сказал Ринальдо. — Раз уж я выбрался за стены крепости, было бы просто глупо упускать такую возможность. Расскажите мне потом, что вы решили, ладно?

Вот так всегда.

Влезешь в чужой конфликт с изяществом пьяного бегемота, толком в нем даже не разобравшись, наследишь, натопчешь и тут же выяснится, что ты нарушил чьи-то планы, нажил себе очередную порцию врагов и приключения, которые ты считал закончившимися, на самом деле только начинаются. А ведь каким простым и элегантным казалось это решение... Есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы... Но в жизни эта формула почему-то не работает. Есть человек — есть проблема. Нет человека — есть другая проблема, и, чаще всего, не одна.

Ложа Чародеев, варвары с юга, Джемаль ад-Саббах, военный союз между северными королевствами, которому теперь быть не суждено. Когда Ланс дрался на Золотом Луге, он ничего об этом не знал. А если бы знал, могло бы это что-нибудь изменить?

Ланс решил, что нет.

Скорее всего, военный союз рухнул в тот момент, когда молодой король и его первый министр объявили себя врагами. Если бы Алый Ястреб выиграл бы эту войну, ему пришлось бы искать стране нового короля и заключать совсем другие союзы.

Если угроза вторжения с юга реальна, то Леонард, без сомнения, молодой дурак, способный привести свое королевство к гибели. Но даже если бы Ланс знал обо всем с самого начала, он не влез бы в эту войну на стороне Алого Ястреба. У него тогда был свой план, с дальнейшими судьбами Эталии никак не связанный.

Зато теперь Ложа назначила его крайним. На самом ли деле Балор считает, что Ланс может убить Льва Пустыни так же, как он убил Алого Ястреба, или это просто такой вид мести за смерть члена Совета? Почему глава Совета пришел сам? Потому что его обязывает имидж. Кто-то поднял руку на его брата, и он не может не отреагировать, свои же уважать перестанут.

Любопытно только, Балор боится вторжения, как политик, или опасается Джемалю ад-Саббаху, как волшебник? Или и то и другое сразу?

— Вот карта, — сказал Плачущий, разворачивая на столе кусок плотного пергамента. Рисунок на нем мало отличался от начертанного кинжалом на морском берегу. К континенту в форме бумеранга добавилось несколько островов, кроме того, карта была испещрена сделанными мелким шрифтом названиями. А в остальном ситуация мало изменилась, и озарение на Ланса не снизошло.

— Расскажи мне о юге, — попросил Ланс.

— На побережье находятся девять Вольных Городов, — сказал Плачущий. — По сути, каждый из них является небольшим государством, контролирующим территорию вокруг. У каждого есть армия, но между собой они практически не воюют. Сейчас, когда каганат успокоился, солдаты нужны им в основном для защиты от разбойничьих набегов, которые совершают кочевые племена.

— Там еще и каганат есть?

— Да. Вот здесь, — Плачущий указал, где именно. — Контролирует большие территории и до появления ад-Саббаху являлся самой значительной силой в той части мира. Раньше он был главным источником беспокойства, но с тех пор, как к власти пришел Субэтей, военные экспедиции с его территории практически прекратились.

— Какие у него отношения с ад-Саббахом?

— Вооруженный нейтралитет. Ходят непроверенные слухи, что лет двадцать назад они заключили договор, согласно которому ад-Саббах обязуется не вторгаться на территорию каганата, а взамен Субэтей не станет вмешиваться в планы ад-Саббаху и не будет ничего иметь против претензий Льва Пустыни к остальной части мира, но мне неизвестно, сколько в этих слухах правды.

— А ведь Ринальдо прав, — сказал Ланс. — Это странно. На месте Ложи я бы первым делом попытался натравить Субэтею на Джемалю. Это такое очевидное решение, что до него и ребенок бы додумался.

— У Ложи нет влияния на юге. Ее власть простирается только по эту сторону Великой пустыни.

— И тем не менее, — сказал Ланс. — И тем не менее.

— Ад-Саббах появился здесь, — Плачущий указал на область между границами каганата и Великой пустыней. — Это Карнейские степи, населенные многочисленными племенами кочевников. Когда-то каганат пытался покорить их, но кочевники применяли тактику партизанской войны, избегали крупных сражений, которые они неминуемо бы проиграли, и укрывались в пустыне.

— Значит, им известно расположение оазисов.

— С их стороны пустыни — наверняка.

— За это время они могли бы разведать путь на север.

— Рельеф пустыни постоянно меняется, оазисы заносит песком... я бы не рискнул отправиться в поход, зависящий от умения ориентироваться по звездам и полагающийся исключительно на удачу.

— Вот поэтому тебя зовут Плачущий, а его — Лев Пустыни, — заметил Ланс.

— Лучше быть живым Плачущим, чем мертвым Львом.

— Это, скорее, философский вопрос, — сказал Ланс. — А значит, единственного правильного ответа на него не существует. Лучше расскажи мне об этом парне.

— Я знаю не слишком много. Первая информация о ад-Саббахе появилась лет двадцать назад, — сказал Плачущий. — Он был шаманом небольшого племени, который осмелился бросить вызов вождю. Вождь дуэль проиграл, и, согласно варварским законам, царящим в той части страны, шаман занял его место. После этого он провел несколько набегов, увеличил свою армию и осадил Бахр, один из вольных городов на побережье. Через полгода он снял осаду, получив хороший выкуп от купеческой гильдии Бахра. На эти деньги он перевооружил своих людей, подготовился к войне, вернулся в степи и за несколько лет покорил остальные кочевые племена. А тех, кто отказался присоединиться к его армии, он уничтожил.

— Позволь, я угадаю, что было дальше. Потом он вернулся в Бахр.

— Да, потом он снова обрушился на побережье, — сказал Плачущий. — Бахр был не первой его целью, но в конце концов он добрался и до него. Сейчас на побережье осталось только два непокоренных им Вольных города, но возможно, что моя информация уже устарела. В последних донесениях, которые получил Алый Ястреб, говорилось о том, что ад-Саббах захватил Рияд и объявил его временной столицей своего государства.

— Балор тоже считает, что ад-Саббах сидит в Рияде, — сказал Ланс. — Морской путь до Рияда... Сколько времени он займет?

— Кораблю нужно будет обогнуть северное побережье и выйти в Грозный океан, — сказал Плачущий. — Если плаванию ничего не помешает, то потребуется полтора-два месяца. Но если ты хочешь успеть до сезона штормов, то отплыть тебе следовало еще вчера.

— Если не считать штормов, насколько безопасен морской путь?

— Военные суда северных королевств не заходят дальше этой отметки, — указал маркиз Тилсберри. — А там, где проложены торговые маршруты, всегда есть пираты. Тут уж как повезет.

— Это путь вдоль восточного берега, — сказал Ланс. — Можно ли пройти с запада?

— Западный маршрут длиннее в полтора раза. Тебе не успеть до сезона штормов.

— А как там с пиратами?

— Меньше, потому что меньше купцов. Но, знаешь, я бы на твоём месте не о пиратах волновался.

Ланс промычал что-то невразумительное.

— Я не задаю тебе вопросов, — сказал Плачущий. — Я не в том положении, чтобы спрашивать, но я вижу, что ты кое-чего не понимаешь. Точнее, ты неправильно оцениваешь ситуацию. Я не знаю, что ты видел на вершине башни, с которой сбросил моего учителя, но Алый Ястреб был не способен убить тысячи людей. Сотни — может быть, но не тысячи.

— Я так понимаю, что его не человеколюбие останавливало.

— Отнюдь. У каждого есть предел возможностей, выше которого ему уже не прыгнуть. Алый Ястреб был больше политиком, чем магом. Да, у него был талант, он мог творить заклинания, но остановить идущую на штурм армию короля Леонарда он бы не смог. Задержать, может быть, обратить в бегство, но не уничтожить.

Ланс вспомнил начертанную пентаграмму и тучи, сгушавшиеся над башней, но ничего не стал говорить. Возможно, Плачущий прав, возможно, нет. Наверняка они уже этого никогда не узнают.

— Другое дело — Балор, — сказал Плачущий. — Он старейший член Ложи и его талант куда больше, его знание искусства безупречно, его возможности намного шире и разнообразнее, чем у моего учителя. Балор вполне способен убивать тысячами. Но я могу

представить себе, где находятся пределы его возможностей. А вот пределов возможностей Пустынного Льва не знает никто. Он возник словно из ниоткуда и прогрессировал слишком быстро. Словно один из легендарных магов древности вернулся из мира мертвых, чтобы преподать урок всем живущим ныне.

— Это тоже слухи?

— Ложа уже посылала к нему убийц, — сказал Плачущий. — И не только убийц. Пять лет назад двое учеников самого Балора отправились на юг, чтобы бросить вызов Джемалю ад-Саддаху. После того, как они сошли с корабля на берег, о них никто ничего не слышал. А потом ад-Саддах прислал Балору их головы. Как ты понимаешь, они были не в лучшем состоянии, но их владельцев все же можно было узнать.

— Это были всего лишь ученики.

— Самые талантливые волшебники севера, которых годами натаскивали в области боевой магии, — сказал Плачущий. — Это были не просто ученики. Они были абсолютно бесполезны в других областях, но любой из них мог остановить небольшую армию.

— Возможно, на юге им пришлось иметь дело с большой армией, — сказал Ланс. — Не обижайся, Джеймс, но я видел волшебников севера в бою, и это зрелище меня не впечатлило. Даже Балору не удалось меня напугать.

— Тем не менее, ты раздумываешь над его предложением.

— Позволь мне иметь свои мотивы, которые не имеют отношения к сути обсуждаемого вопроса, — сказал Ланс.

— Каждый из нас живет в плену своих заблуждений, — Плачущий чуть склонил голову. — Это твое право, сэр Ланселот.

— Оставим мои заблуждения в покое, — согласился Ланс. — Лучше объясни мне, зачем чародеям нужна Ложа и чем она занимается.

— Ложа создана для блага людей, она призвана служить и защищать...

— Не, ты меня, видимо, не понял, — сказал Ланс. — Уставные документы и высокие лозунги меня не интересуют. Чем Ложа занимается на самом деле? Стремитесь ли вы, ребята, к мировому господству? Ставите ли вы спектакли, используя людей в качестве марионеток? Навязываете ли свою волю королям, при дворах которых служите? Желаете ли вы контролировать все политические процессы, протекающие в этой части мира, или твой учитель пошел против воли Совета и действовал на свой страх и риск?

— Ты слишком цинично формулируешь.

— Это здорово экономит время.

— Ложа стоит на страже человечества.

— Ну, это как раз очевидно, — сказал Ланс. — А от каких угроз вы его защищаете? Держу пари, что по большей части от внутренних?

— Ты не любишь чародеев, — констатировал Плачущий.

— Вовсе нет, — сказал Ланс. — Я не люблю тайные ложи. А уж кто в них состоит, это дело десятое. И особенно я не люблю людей, которые имеют наглость заявить, что стоят на страже человечества и денно и нощно пекутся о всеобщем благе. Этими заявлениями очень просто оправдать любые действия. Вплоть до геноцида.

— Ты ведь пришел не просто издалека, — сказал Плачущий. — Ты пришел из какого-то другого мира, да?

— А ваша система взглядом допускает наличие других миров? — поинтересовался Ланс. — Исключая, конечно, преисподнюю, в существование которой принято верить

вообще везде?

— Я волшебник, — сказал Плачущий. — Волшебники знают, что вселенная намного больше той ее части, которую мы можем увидеть глазами. И неизмеримо сложнее.

— Ах, если бы вы еще не объединялись в эти чертовы Ложи, цены бы вам не было, — сказал Ланс. — Но мне любопытно, чем был вызван твой вопрос.

— Твоим незнанием истории, — сказал Плачущий. — Люди не всегда были владыками севера. Когда сюда пришли первые поселенцы, эти земли принадлежали совсем другим хозяевам.

— Они были высокими, стройными, и с заостренными ушами? Жили по тысяче лет, предпочитали строить свои города в лесах, были изящны в движениях, любили петь заунывные баллады, слыли знатоками искусства и отменно стреляли из лука?

— Нет, они были могучими и свирепыми, жили на равнинах, одевались в шкуры убитых животных и звон оружия предпочитали любой другой песне. Мы называли их нордами. Что же до их умения стрелять из лука... Полагаю, ничего особо выдающегося они не показали, иначе об этом говорилось бы в легендах.

— И в чем проблема? — спросил Ланс. — Дикари жили на своих землях, потом туда пришли «цивилизованные» люди и перерезали всех дикарей. Обычная история, случается сплошь и рядом.

— У нордов была своя магия, магия мертвых, — сказал Плачущий. — Даже после того, как поселенцы разбили их в открытом бою и загнали выживших в горы и болота, норды продолжали наносить нам урон.

— Согласись, у них были на то веские причины, — сказал Ланс. — Я могу их понять.

— Используя силу мертвых, норды насылали на людей созданий, порожденных самой преисподней, — продолжал Плачущий, не обращая внимания на ремарку Ланса. — Даже в городах, обнесенных высокими крепостными стенами, люди не чувствовали себя в безопасности. В конце концов, вопрос встал так: «либо мы, либо норды». И эту задачу нельзя было решить одним только мечом.

— И тогда для магов настал звездный час.

— Маги не могли противостоять угрозе в одиночку. Каждый из них пытался бороться на своем участке, но силы одного, как правило, оказывалось недостаточно. Лишь объединившись в Ложу чародеи смогли найти путь к победе и сумели указать его людям. После этого война длилась еще пятьдесят лет, и были пролиты реки крови, но закончилась все полным разгромом нордов.

— Однако, Ложу не распустили, — заметил Ланс.

— Зачем разрушать инструмент, уже показавший свою эффективность?

— Ну да, ну да, — сказал Ланс. — Ты говоришь, люди пришли на север. А откуда?

— С юга.

— Но ведь они не на кораблях приплыли? Пешком шли, да? Через Великую пустыню? — уточнил Ланс.

— В те времена Великой пустыни еще не было.

— А норды? Вы убили их всех?

— Надеюсь, что так. Ходят слухи, что некоторые норды обитают под землей, в глубинных провалах и сложных системах пещер, в заброшенных шахтах и прочих труднодоступных местах, но я думаю, что это всего лишь сказки, предназначенные для того, чтобы пугать непослушных детей. Никакими свидетельствами, что норды существуют и по

сей день, Ложа не располагает.

— Как часто в вашем мире возникают угрозы такого уровня? — поинтересовался Ланс. — Когда-то давно были норды, теперь вы озабочены планами Джемалья ад-Саббаха. А в промежутке что-то было?

— Почему ты спрашиваешь?

— Просто любопытно, как Ложа оправдывает свое вмешательство в политику в мирное время.

— А когда оно было, это мирное время? — спросил Плачущий. — Короли воюют друг с другом, пираты нападают на торговые суда, разбойники грабят купцов на суше и разоряют небольшие города...

— С такими задачами можно справиться и без помощи магии, — заметил Ланс. — Вы же не отряжаете чародеев для сопровождения каждого каравана, не так ли?

— У нас просто не хватит чародеев.

— Но при каждом королевском дворе свой чародей все-таки есть.

— Королей в мире куда меньше, чем торговцев.

— И манипулировать ими куда выгоднее.

— Ложа просто дает советы.

— О да, — сказал Ланс. — Алый Ястреб наглядно продемонстрировал, что случается, когда ваши советы перестают слушать. Хранитель мира развязал в королевстве войну.

— Это исключение, а не правило, — сказал Плачущий. — В защиту моего учителя могу сказать, что лишь угроза со стороны Пустынного Льва заставила его пойти на крайние меры.

— Мне вот что любопытно, — сказал Ланс. — Ад-Саббах представляет для вас угрозу потому что он воплощенное зло, или потому что он чародей, не состоящий в Ложе и не признающий ее власти? Жаждали ли бы вы его смерти так же страстно, если бы он не был чародеем, а был просто вождем варваров, возмнившим себя великим полководцем?

— Ты знаешь, что я скажу.

— Знаю, — согласился Ланс. — Говоря по правде, твой ответ меня не слишком-то и интересует. Мне было бы интересно выслушать версию Балора, но вряд ли он будет со мной честен.

— Особенно если ты сочтешь лживым любой ответ, который тебе не понравится.

— У меня гибкая система взглядов, — сказал Ланс. — Я готов признать, что я неправ, если мне предоставят неопровержимые доказательства.

— Сейчас такие доказательства есть только на юге.

— Значит, на юг, — заключил Ланс. — Составишь мне компанию, Джеймс?

— Если ты позволишь мне сойти на берег в первом же порту.

— Забавно, — сказал Ланс. — Ты — член Ложы, которая борется со злом. Джемаль ад-Саббах — воплощенное зло. Но бороться с ним ты почему-то отказываешься.

— Это возвращает нас к вопросу о пределе возможностей, — сказал маркиз Тилсберри. — Я знаю свои пределы.

— Люди способны удивлять, — сказал Ланс. — Иногда даже самих себя.

Плачущий покачал головой.

— Когда Ложа открыто выступит против Льва Пустыни, я займу свое место в строю, — сказал он. — Но пока конфликт не достиг решающей стадии, и у меня есть выбор между скорой бесславной смертью или несколькими годами бесславной жизни, я выбираю жизнь. И тебе того же советую, сэр Ланселот.

— Сразу видно, что в вашем мире никогда не слышали о самураях, — заметил Ланс. — Из двух путей, лежащих перед ним, самурай всегда выбирает путь, ведущий к смерти.

— И где сейчас эти самурай?

— Там же, где и норды. В легендах.

— В легендах полно мертвецов, — согласился Плачущий. — Возможно, из них и можно извлечь какой-то полезный урок, но если смерть является обязательным условием для попадания в легенду, то я туда не стремлюсь.

— Люди редко стремятся в легенды, — сказал Ланс. — Но иногда легенды сами за ними приходят, и тогда от человеческих желаний уже ничего не зависит.

— Тогда тебе должно быть понятно мое желание держаться от всего этого подальше, — сказал Плачущий.

— Ты — обычный человек, хоть и волшебник, — сказал Ланс. — Обычные люди решаются на подвиг только тогда, когда иного выбора у них уже нет. И это хорошо, иначе в мире было бы слишком много подвигов и слишком мало обычных людей.

— А ты, видимо, герой, которыми полнятся легенды и заброшенные кладбища, — сказал Плачущий. — Герои полезны, но плох тот мир, который нуждается в героях постоянно.

Глава шестая. Благодарность королей

— Постой.

Менестрель обернулся, но никого не увидел.

— Посмотри ниже.

— О, прости. Я тебя не заметил.

— Ерунда, — сказал Ринальдо. — Со мной это часто бывает.

— И чего ты хочешь, маленький человечек? Я устал, а мне еще надо найти место, чтобы переночевать.

— Чего же ты не остался в трактире?

— Мне не понравился взгляд трактирщика, — признался менестрель. — Последний раз трактирщик смотрел на меня перед тем, как обобрал до нитки и выкинул на улицу даже без гитары.

— Я живу в замке Нарда, — сказал Ринальдо. — У нас много свободных комнат.

— От замков я тоже предпочитаю держаться подальше, — сказал менестрель.

— Как же ты сводишь концы с концами при твоём-то занятии?

— Я не против того, чтобы петь в замках, — сказал менестрель. — Но ночевать в замке... Бррр, с этим у меня тоже связаны не самые приятные воспоминания.

— Может, пришло время задуматься о смене профессии? — поинтересовался Ринальдо. — Я имею в виду, когда ты бродишь по дорогам и поешь свои песенки, тебя подстерегает множество опасностей, как бы ты ни был осторожен.

— Тем не менее, я стараюсь минимизировать риски.

— И где же ты спишь по ночам?

— В каком-нибудь крестьянском доме, чей хозяин покажется мне достаточно миролюбивым.

— А еще лучше, чтобы там и вовсе не было хозяина, — подхватил Ринальдо. — Веселые крестьянские вдовушки не дадут заскучать ночью, не так ли?

— Эта реплика выдает в тебе городского жителя, — сказал менестрель. — Чего ты от меня хочешь, маленький человечек?

— Называй меня карликом, — попросил Ринальдо. — Или «низкорослым малым» из твоей предпоследней песни. Тем самым, что рифмуется с «героем усталым».

— Не самая удачная моя рифма.

— Может быть, — согласился Ринальдо. — Но мне интересно, поют ли такие песни в столице? Пусть и с более удачными рифмами?

— Я уже полгода не был в столице.

— Сочувствую, — сказал Ринальдо. — Но я спрашивал не об этом. Все знают, что бродячие певцы обмениваются информацией друг с другом. События происходят в разных частях страны, и невозможно всем менестрелям присутствовать на каждом из них, тем не менее новые песни на злобу дня все-таки появляются с совсем небольшой задержкой во времени. И это я не говорю уже об информации более практического характера, вроде той, стоит ли петь определенные песни в определенных провинциях или в присутствии определенных людей. И я уверен, что даже если бы ты не был в столице уже десять лет, ты все равно бы точно знал, какие песни там можно петь, а какие нет.

— Ну и что?

— Так я повторяю свой вопрос, — сказал Ринальдо. — Поют ли в столице песни, похожие на ту, которую ты исполнил предпоследней?

— Видимо, у карликов и ум короткий, — сказал менестрель.

— Иными словами, не поют.

— По крайней мере, с тех пор, как двоим уличным певцам вырвали языки, — сказал менестрель.

— А это все почему? Потому что вы, ребята, неудачно подбираете рифмы, — провозгласил Ринальдо. — «Низкорослый малый» и «герой усталый» — это еще пустяки по сравнению с «король со грудью впалой». За такое не языки рвать, за такое головы рубить надо.

— Мне очень интересно твое мнение по поводу стихосложения, но я тороплюсь, — сказал менестрель, поправляя на плече ремень от гитары.

— Кто понял жизнь, тот не спешит, — сказал Ринальдо. — Мы можем степенно прогуляться до замка Нарда, и ты получишь не только кров, но и горячий ужин. И, чем черт не шутит, может быть, какая-нибудь из смазливеньких служанок одарит тебя своим вниманием. И не только вниманием, если ты понимаешь, о чем я.

— Замок Нарда... — задумчиво произнес менестрель. — Я уверен, что слышал это название раньше, и совсем недавно, но не могу вспомнить, с чем оно связано.

— С твоей предпоследней песней, — ухмыльнулся Ринальдо. — Замок теперь принадлежит «герою усталому». И я уверен, что ему понравится твое пение. Он тебе даже заплатит.

Менестрель явно чувствовал себя не в своей тарелке. На его лице застыло испуганное выражение. Стараясь избегать взглядом Ланса, и наткнувшись Плачущего, с мрачным видом вертящего в руках пустой бокал, менестрель решил, что узор на потолке заслуживает более пристального внимания, так что он заканчивал свою песню, картинно задрал голову.

Баллада была длинной, а менестрелю хотелось закончить ее поскорее и последние три куплета он пропел почти скороговоркой.

— Потрясающе, — вынес свой вердикт Ланс.

— Я знал, что тебе понравится, — хмыкнул Ринальдо. — На меня эта песня произвела такое впечатление, что я аж протрезвел.

И, стараясь исправить это досадное упущение, карлик налил себе еще вина.

— Не понимаю, чему вы удивляетесь, — сказал Плачущий. — Король, в самом начале своего правления развязавший междоусобную войну, не будет пользоваться большой популярностью у простого народа, потому и появляются такие песни. Если бы сэр Ланселот не дал им повода позубоскалить, практически в одиночку выиграв эту войну, они нашли бы другой повод, только и всего.

— Это очень ценное наблюдение, Плакса, — сказал Ринальдо. — Но так уж случилось, что в этой песне фигурирует сам Ланселот. Ну, и я вдобавок.

— Может быть, тебе не стоит называть меня так при посторонних? — буркнул Плачущий, бросая взгляд в сторону менестреля, который после окончания песни стоял с совершенно потерянным видом. Потолок уже получил свою долю внимания, и теперь менестрель тщательно рассматривал пол.

— Да он все равно тебя узнал, — беспечно сказал Ринальдо. — Мой тебе совет, Плакса, если хочешь остаться неузнанным, не стоит носить одежду с фамильным гербом.

— Я не знал, что ты притащишь к нам на ужин гостей.

— Кстати, о гостях, — Ланс махнул менестрелю рукой. — Садись за стол, поешь, выпей вина.

— Может быть, мне лучше поесть на кухне, милорд?

— И то верно, — согласился Ланс. — Ринальдо, распорядись, чтобы певца накормили, а потом предоставили ему комнату с теплой постелью.

— Еще я обещал, что ему заплатят за выступление, — сказал Ринальдо. — Понимаю, что я взял на себя слишком много, и он спел всего одну песню, но очень уж он не хотел сюда идти.

— Оно того стоило, — согласился Ланс. — У меня нет с собой денег. Джеймс, ты не мог бы...?

— Конечно, — чуть скривившись, Плачущий сунул руку в карман и бросил менестрелю золотую монету.

— Спасибо, милорд.

Ринальдо и менестрель с чуть посветлевшим лицом отправились на кухню.

— Ты слишком много позволяешь этому шуту, — заметил Плачущий. — Странно, что он еще не водит сюда своих шлюх и не требует с ними расплатиться.

— Тебе не понравилась песня? Там был куплет и про тебя.

— «Второй ученик трусливо бежал», — процитировал Плачущий.

— «И пятки его сверкали».

— Вранье, — сказал Плачущий. — У меня была лошадь.

— Простим бродячему певцу эту небольшую поэтическую вольность, — сказал Ланс.

— Чертов певец видел меня здесь, — сказал Плачущий. — Через неделю эту новость будет обсуждать все королевство.

— Какая разница? Тебя не будет здесь уже завтра.

— Тебе легко говорить. За мной охотится полкоролевства, а нам придется две недели идти вдоль его побережья.

— Если король слышал эту песню, а он наверняка слышал нечто подобное, я теперь тоже далеко не в фаворе.

— Если бы ты не отверг предложенные тебе милости, сейчас никто бы не пел и тебе таких песен, — сказал Плачущий. — А о короле все равно бы пели какие-нибудь гадости. Редкий монарх может снискать расположение черни в первый же год правления, и обычно такое случается, если его предшественник был сумасшедшим деспотом и тираном, и устраивал массовые казни накануне каждого праздника. А отец Леонарда был обычным правителем. Может быть, не самым мудрым, но и особых безумств за ним не числилось.

— А еще он внимательно слушал советы твоего учителя.

— Алому Ястребу не стоило развязывать войну, — сказал Плачущий. — Но все остальное он делал правильно.

— Бывает так, что одна глупость перечеркивает годы, наполненные правильными решениями, — сказал Ланс.

— Собственный опыт? — поинтересовался Плачущий.

— Вряд ли, — сказал Ланс. — Моя жизнь практически и состояла из одних безумств.

— Тебя послушать, так тебе больше сотни лет.

— В разных мирах время течет по-разному, так что я этому не удивлюсь.

— Расскажешь мне о других мирах?

— Почему бы и нет? Во время плавания у нас будет много свободного времени.

— Но я сойду раньше.

— Я с вами, — заявил вернувшийся в залу Ринальдо. — То есть, не поймите меня неправильно, мое желание высадиться в Рияде равно моему желанию сойти на берег в любом другом месте с компании с Плаксой, но я чувствую, что небольшое морское путешествие пойдет на пользу моему здоровью.

— Не думаю, что тебе что-то угрожает, — сказал Плачущий.

— Конечно, — радостно согласился Ринальдо. — Особенно после прозвучавшего в песне намек, что ты предпочел мое общество обществу короля.

— Это всего лишь песня.

— Она показывает настроение народа, — сказал Ринальдо. — Менестрели поют о том, что люди хотят слышать. Иначе им никто не заплатит.

— Выходит, народ за тебя, — заметил Плачущий.

— А что толку, если король против? Народ придет на площадь, чтобы разрушить эшафот и отбить меня у палача?

— Ты преувеличиваешь свою ценность как для народа, так и для короля.

— Я разговаривал с этим менестрелем по дороге сюда, — сказал Ринальдо. — В столице беспокойно. Люди не любили Алого Ястреба, но и молодой король им тоже не нравится. На фоне этого фигура Ланселота приобретает чуть ли не мистический ореол. Люди считают, что после расправы с первым министром тебе следовало убить и короля, и лишь какая-то случайность тебе помешала. Ну, и король отослал тебя подальше. В этих речах нет правды, но они больно бьют по королевскому тщеславию.

— Если король слышит такие речи.

— О, я уверен, что ему докладывают, — сказал Ринальдо. — Пожалуй, я ошибся, когда предрекал угрозу только со стороны друзей Алого Ястреба. Открыто король против тебя не выступит, но...

— Не начинай только свою любимую песню про убийц, лезущих через стены под покровом ночи, — взмолился Ланс.

— Ты и сам все понимаешь, — сказал Ринальдо. — И, кстати, потеря твоего обоза теперь предстает в новом свете. Его ведь королевские гвардейцы сопровождали...

— Вряд ли информация о том, что я впал в немилость, достигла их ушей так быстро, — сказал Ланс.

— А что, если у них был тайный приказ? — поинтересовался Ринальдо. — Что, если Леонарда так оскорбил твой отказ присоединиться к его двору, что он решил расправиться с тобой еще до того, как пошли слухи? Что, если у гвардейцев было распоряжение выпроводить нас подальше от столицы, а потом заколоть спящими в какой-нибудь глухой провинции? И только твое нетерпение увидеть замок помешало этому плану?

— Теория заговора, — фыркнул Плачущий. — Леонард не настолько прозорлив.

— Зато он тщеславен, — возразил Ринальдо. — И он не такой дурак, чтобы не понимать, кто станет главным героем минувшей войны. А мертвые герои далеко не так опасны, как живые. Мертвый герой становится легендой, а живой — надеждой. Как по-твоему, что представляет большую опасность?

— Твой длинный язык, — буркнул Плачущий. — Зачем ты притащил этого бродячего певца в замок?

— Чтобы вы послушали песню. Это совсем не то, как если бы я пересказал вам ее

своими словами.

— Тебе не кажется, что ты торопишься с выводами? Что у тебя есть, кроме одной песни и слухов, которыми попотчевал тебя этот бродяга, рассчитывая на ужин и ночлег?

— Я все время забываю, что ты маркиз, Плакса, — горестно вздохнул Ринальдо.

— И что это, по-твоему, должно означать?

— Это означает, что ты знаешь жизнь только с одной стороны, и твои познания о ней не безграничны.

— Шутом ты нравился мне больше.

Ланс закрыл глаза и откинулся на спинку кресла, наслаждаясь последним вечером в замке Нарда. Хороший ужин, доброе вино, треск поленьев в камине, привычная уже ругань бывшего ученика чародея с бывшим шутом... Будет ли Ланс скучать по всему этому?

Едва ли.

Сколько уже было таких вечеров, сколько мяса он съел, сколько вина выпил, сколько костров согревали его тело? Сколько разговоров он слышал, сколько таких вот случайных спутников он встречал на своем пути?

Все они превратились лишь в серые тени, поблекшие от времени воспоминания. Сейчас он уже не мог вспомнить лица большинства из них.

И все же было в этой вечерней атмосфере что-то приятное, что-то привычно успокаивающее и безопасное, несмотря даже на предстоящее путешествие, которое не обещало ни спокойствия, ни безопасности.

— Вот смотри, Плакса, — продолжал разглагольствовать Ринальдо. — Кто обладает лучшими сведениями о том, что происходит в стране? Или, перефразируя вопрос, кому эти сведения принесут больше практической пользы, человеку, ведущему оседлый образ жизни, или человеку, которые по этой самой стране путешествуют?

— Сведения никогда не бывают лишними, — сказал Плачущий.

— В этой сентенции нет смысла, как нет его и в большинстве общих фраз, — сказал Ринальдо. — Крестьянин сидит в своей деревне и десятилетиями возделывает одно и то же поле, а до него это поле возделывал его отец, а после него это поле будут возделывать его внуки. Крестьянину нет никакого дела, что происходит в столице, да что там в столице, ему нет никакого дела, что происходит в соседней провинции. Более того, эта информация, даже если он будет ею обладать, к чему он, понятное дело, вовсе не стремится, не принесет ему никакой пользы. Даже если он узнает, что в стране началась война и в соседней провинции уже полыхает огонь, что он сможет сделать, чтобы защитить себя и свою семью? Ничего. Он может только надеяться, что граф не призовет его в ополчение, и что вражеская армия пройдет мимо его деревни. А если нет, что ж... Значит, так получилось. У него просто нет выбора. А у человека, странствующего по дорогам, такой выбор есть. Узнав о войне в одной провинции, он просто изменит свой путь и отправится в другую. Понимаешь, что я имею в виду?

— Ты имеешь в виду, что сведениям, полученным от бродячего певца, стоит доверять больше, чем сведениям, полученным от крестьянина, — сказал Плачущий. — Но ведь бродячие певцы — не единственные, кто не ведет оседлый образ жизни.

— О, да, — сказал Ринальдо. — Есть еще купцы, межевые рыцари, наемники и бродяги. Но подумай вот о чем, Плакса. Чем ниже сословие, к которому принадлежит человек, тем критичнее для него сведения, которыми он обладает. Рыцарь не заметит большей части опасностей, которые подстерегают бродягу. Путешествующий с охраной купец спокойно

проедет там, где странствующий певец может остаться навсегда.

— И поэтому стоит верить тому, что говорят бродяги?

— Именно, — сказал Ринальдо. — Но за неимением бродяги можно поверить бродячему певцу. Их жизнь зависит от большого количества мелочей, и чем лучше они о них информированы, тем дольше, безопаснее и комфортнее будет эта жизнь.

— И этой мудрости ты понабрался, пока жил в Штормовом замке?

— Я вырос на улице, и я видел жизнь по обе стороны крепостных стен, — сказал Ринальдо. — В отличие от тебя, маркиз Плакса.

— С крепостной стены видно больше пространства.

— Но меньше деталей.

— Ринальдо прав, — сказал Ланс. — Если странствующий рыцарь и бродяга по-разному описывают положение дел в одной и той же провинции, я скорее поверю бродяге.

— Но менестрель ничего не рассказывал, — возразил Плачущий. — Он просто спел песню.

— И пояснил, что в столице таких песен не поют.

— Из этого отнюдь не следует, что королевская гвардия уже спешит сюда, чтобы с вами расправиться, — сказал Плачущий.

— Но исключать такую возможность тоже нельзя, — сказал Ланс. — По счастью, завтра это не будет иметь для нас большого значения.

— Разве ты не собираешься вернуться в Эталию после... если... когда все кончится?

— Не знаю. Меня здесь ничего не держит, — сказал Ланс.

— Кроме замка.

— Может быть, на юге я найду себе другой замок, — ухмыльнулся Ланс. — Или небольшой домик на берегу, что гораздо лучше. По крайней мере, не будет необходимости содержать такое число слуг.

— В любом случае, быстро мы не вернемся, — сказал Ринальдо. — А за то время, что нас не будет, ситуация в стране может измениться.

— Мы? — уточнил Ланс.

— Ну, я имею в виду, что за границей хорошо, но со временем я все же хотел бы вернуться на родину, — сказал Ринальдо. — И я вовсе не имел в виду, что мы с тобой вернемся вместе и одновременно, потому что на юг я с тобой не поплыву.

Сбор вещей был недолгим. Во-первых, у Ланса было не так уж много вещей, во-вторых, даже то, что у него было, он толком не успел распаковать.

После ужина Ланс спустился в оружейную комнату чтобы найти себе меч и кинжал взамен тех, которые расплавил Балор. Призрак Ночи служил ему верой и правдой, однако носить его на виду Ланс считал неразумным. С другой стороны, появляться на людях без оружия тоже нельзя. В такие времена человека без меча редко воспринимают всерьез.

Ланс выбрал себе полуторный меч с широким лезвием, добротный, но лишенный изысков и украшательств. Оружие для войн, а не для парадов. С поисками кинжала тоже не возникло проблем. Немного подумав, Ланс добавил в коллекцию стилет. Говорят, что ножей много не бывает.

Поднявшись к себе, Ланс наткнулся на леди Катрин.

— Вооружаетесь, милорд?

— Совершил небольшой набег на ваш арсенал.

— Теперь это ваш арсенал.

— С завтрашнего дня уже нет, — сказал Ланс. — Утром вы вновь станете хозяйкой этого замка. Я уже отдал необходимые распоряжения сэру Ганту, он поможет вам хранить Нарду до моего возвращения.

— Значит, это правда? Вы покидаете замок?

— Да, — сказал Ланс.

— На прибывшем сегодня корабле?

— Именно.

— И куда вы направитесь?

— На юг.

— Каким путем? Вдоль восточного побережья?

— Да. Полагаю, так будет разумнее.

— Маркиз Тилсберри отправится с вами?

— Да. По крайней мере, он проделает со мной часть пути.

— Тогда возьмите с собой и меня.

— Зачем? — изумился Ланс. — Как вы можете догадаться, видя арсенал в моих руках, я отнюдь не на увеселительную прогулку собираюсь.

— Высадите меня на берег в княжество Лонгхилл, — сказала она. — Там живут мои дальние родственники, думаю, они не откажут мне в крове. К тому же, я думаю, что мой отец направится именно туда.

А еще недавно она говорила, что у нее нет родственников, и она может уйти отсюда только в монастырь, припомнил Ланс. Впрочем, это было до того, как она познакомилась с маркизом Тилсберри. Впрочем, мое ли это дело? В этой крепости она живет на птичьих правах. Возможно, в доме ее дальних родственников, если они с Плачущим на самом деле туда отправятся, ей будет лучше.

— Как вам будет угодно, миледи, — сказал Ланс. — Я не знаю, есть ли на корабле подходящая для вас каюта, но думаю, что-то можно будет придумать.

— Благодарю вас, милорд, — она покраснела.

— Совет да любовь, — буркнул Ланс в ее удаляющуюся по коридору спину. Его даже не особо волновало, была ли его реплика услышана или нет.

Балор высадился на побережье с рассветом. На этот раз к берегу пристали три шлюпки, и куча багажа, выгружаемого гребцами, выростала буквально на глазах.

Ланс явился во главе небольшой процессии. Помимо Ринальдо, Плачущего и леди Катрин его сопровождали трое слуг с дорожными баулами. Вещи, по большей части, принадлежали леди Катрин. Замыкала шествие заплаканная горничная, которая должна была сопровождать свою госпожу во время путешествия.

Ланс чувствовал себя, как отец собравшегося в круиз большого семейства. Впрочем, из всех присутствующих, на войну отправлялся только он один.

Но тут вдруг выяснилось, что Балор его взглядов не разделяет.

— Плачущий, — глава Совета Ложи расплылся в дружелюбной улыбке. — Я не ожидал встретить тебя здесь, но я рад видеть, что ты готов оказать сэру Ланселоту посильную помощь в его предприятии. Говоря по правде, я собирался отправить с ним своего собственного ученика, но раз уж ты здесь, то в этом нет необходимости.

— Как вам будет угодно, мессир, — Плачущий скривил лицо в кислой улыбке.

Он был похож на человека, которому только что вынесли смертный приговор за преступление, которое он считал пустяковым. А вот на лице Счетовода, с которого этот приговор только что сняли, не дрогнул ни один мускул.

То ли потрясающее самообладание, то ли ему на самом деле все равно.

— Леди Катрин, я полагаю? — продолжал Балор.

— Да, мессир.

— Судя по количеству вещей, которые несут ваши слуги, вы вышли на берег не для того, чтобы поприветствовать меня и пожелать гостям замка счастливого пути, — сказал Балор.

— Сэр Ланселот обещал высадить меня на побережье Лонгхилла, мессир. С вашего позволения.

— О, я, конечно же, не против, — сказал Балор. — Желаете навестить дядюшку Франца? Конечно же, я не стану возражать против этого визита. Да и климат в Лонгхилле гораздо мягче, чем здесь. Я и сам подумываю перебраться туда попозже, когда отойду от дел.

— Разве настанет тот миг, когда дела в этом мире перестанут требовать вашего внимания? — Плачущий подпустил в голос немного язвительности, но Балор не обратил на это внимания.

— Когда-нибудь я собираюсь уйти на покой, как и все мы, — сказал Балор. — И успех вашей миссии может приблизить это время.

— Да, мессир, — Плачущий склонил голову.

— А вот тебя, дружок, я не узнаю, — Балор уставился на Ринальдо. — Но ты похож на шута.

— Я и был шутом.

— Путешествие, конечно, будет долгим, но все же не таким долгим, чтобы брать с собой специального человечка для увеселений, — сказал Балор. — Хотя это и не мое дело, сэр Ланселот.

— Он тоже проделает с нами лишь часть пути, — сказал Ланс.

— И сойдет на берег в Лонгхилле? — уточнил Балор. — Что ж, это ваше право и ваш выбор, сэр Ланселот.

— Я тоже так думаю.

— Я ничего не имею против такого выбора спутников и того факта, что они собираются сойти в Лонгхилле, — сказал Балор. — Княжество Лонгхилл — прекрасное и очень спокойное место. Но что касается тебя, Плачущий, я буду очень разочарован, если ты поддашься искушению и тоже покинешь корабль и сэра Ланселота до того, как вы окажетесь на юге. Ты меня понимаешь?

— Да, мессир.

— Я горжусь тобой, — Балор положил руку ему на плечо. — Ложа скорбит о смерти твоего учителя. Когда ты вернешься с победой, я сам позабочусь, чтобы ты закончил свое обучение.

А без победы Плачущему лучше и вовсе не возвращаться. По крайней мере, Ланс прочел контекст обещания Балора именно таким образом. И даже если Ланс и ошибся в этой оценке, для Плачущего все равно пришло время занять свое место в строю. Отсрочки, на которую он так надеялся, Балор ему не предоставил.

Глава седьмая. Круиз

Пока слуги перетаскивали вещи Балора в замок, волшебник и его ученик смотрели вслед удаляющемуся от берега кораблю.

— Погода благоприятствует нашему предприятию, — сказал Счетовод. — Это хороший знак.

— Попутный ветер — это только попутный ветер, — сказал Балор. — Не стоит искать знаки там, где их нет.

— Да, учитель.

— Знаки нужны слабым.

— Вы полагаете, сэра Ланселот настолько силен, что сам сможет написать свою судьбу?

— Сэр Ланселот не таков, каким он хочет казаться, не таков, каким его видят другие, и даже не таков, каким вижу его я, — сказал Балор. — Мне сложно сказать, что он может, а что находится за пределами его возможностей.

Лицо Счетовода не изменилось.

— И еще, — сказал Балор. — Мне не нравится, когда нас никто не слышит, а ты все равно встаешь в позу «ученик-учитель», и делаешь это слишком явно.

— Простите.

— Тебе не хуже меня известно, почему выбор Ложи пал на сэра Ланселота, — сказал Балор. — Ты видел его. Твое мнение не изменилось?

— Его шансы выше, чем у любого из его предшественников, но тем не мене, они ничтожны, — сказал Счетовод. — И вы знаете, что это не просто мое мнение. Я считаю вероятности, я могу предсказать, чем кончится то или иное событие.

— Я ценю эту твою способность, — сказал Балор. — Я думал, что ты можешь быть полезен сэру Ланселоту, но коль уж он нашел общий язык с Плачущим... Ты пригодишься мне здесь.

— Благодарю.

— Все же, очень странную компанию мы проводили сегодня в путь, — сказал Балор. — Убийца волшебников, ученик волшебника, дочь изменника и карлик.

— Я узнал карлика. Это бывший шут Алого Ястреба.

— Похоже, сэра Ланселот умеет находить друзей в самых неожиданных местах, — сказал Балор. — Это тоже полезная способность. А что ты думаешь о Плачущем?

— Второй ученик Алого Ястреба был талантливее.

— Но он мертв, — сказал Балор. — И я спросил тебя не об этом. Тебе не кажется странным этот союз?

— Плачущий пришел к сэру Ланселоту не в поисках мести. Он недостаточно храбр для этого, и он слишком хочет жить. Он может лишь ударить в спину, и только в том случае, если будет полностью уверен в отсутствии последствий.

— Я тоже считаю, что здесь он искал не мести, а убежища, — согласился Балор. — Но почему он обратился за убежищем к сэру Ланселоту, а не пришел к нам?

— Ложа его учителя не поддержала.

— Но и не остановила, — сказал Балор.

— Возможно, он почувствовал обиду, — сказал Счетовод.

— Сэр Ланселот убил его учителя, — сказал Балор. — А мы его всего лишь не

поддержали, так что вряд ли тут идет речь о простой обиде. Должен быть какой-то другой мотив.

— Страх? — предположил Счетовод.

— Неужели Ложа страшнее человека, который убил уже двоих магов, которых он знал?

— Или он боится чего-то еще, — сказал Счетовод. — Вы хотите, чтобы я применил свои способности и просчитал его мотивы?

— Почему бы нет, — сказал Балор. — Сэр Ланселот любезно представил свою крепость в наше пользование, и я думаю, что мы можем задержаться тут столько, сколько потребуется. Может быть, причина в молодой леди Риттер?

— Не думаю, что они были знакомы до войны Алого Ястреба и короля.

— Но не мешало бы это проверить, — сказал Балор. — Пospрашивай прислугу... хотя нет, у тебя это плохо получается. Я сам задам эти вопросы, пока мы будем пользоваться гостеприимством сэра Ланселота. А ты веришь, что леди Катрин сойдет с корабля в Лонгхилле?

— Она может не захотеть, но Плачущий заставит ее сойти.

— А нет ли вероятности, что леди Карин поднялась на борт корабля не ради Плачущего, а ради самого сэра Ланселота?

— Нет. Плачущий молод и знатен, он происходит из очень старой семьи. Сэр Ланселот — человек без рода и племени.

— Он не так уж стар, — сказал Балор. — Он — герой войны, и сам король посвятил его в рыцари.

— Леди Карин уже вышла из того возраста, в котором женщины ценят в мужчинах лишь их доблесть и честь, — Счетовод чуть качнул головой. — Ей пора уже думать о будущем. Стать более прагматичной.

— Плачущий — сомнительный приз, и будущее его так же туманно, как и будущее сэра Ланселота.

— Она сама — сомнительный приз. Дочь предателя, поднявшего меч против короля и лишённого замка и титула. Ее положение непрочно, как постройка из соломы. Женщине нужен муж, и если ее выбор ограничен только этими двумя, она выберет Плачущего.

— Ты ничего не понимаешь в женщинах, Счетовод.

— Как скажете.

— Ты думаешь, что их действия можно просчитать, как и действия мужчин. Но это не так. Зачастую женщины поступают не так, как советует им разум, и даже ты не сможешь найти логику в их поступках.

— А может быть, она на самом деле просто плывет в Лонгхилл к дядюшке Францу.

— Да, — согласился Балор. — А из моря сейчас вылезет гигантское чудовище и пожрет нас обоих.

Счетовод посмотрел на море.

— Это была шутка, — сказал Балор.

— Я понял.

— Ты понимаешь шутки, но никогда не смеешься. И вот эта твоя особенность мне не очень нравится.

— Простите.

На «Индеворе^[3]» (Ланс нашел название корабля довольно ироничным) оказалось всего

три свободные каюты. Одна из них досталась Лансу, другая — леди Катрин и ее служанке, а третью пришлось поделить между Плачущим и Ринальдо. Ланс уже представлял, как здорово им будет путешествовать в компании друг друга.

Капитан Мактиг был кряжист, бородат и носил в ухе серьгу. Он ничуть не удивился при виде разномастной компании, которая поднялась на борт его судна. В конце концов, его корабль был зафрахтован волшебниками, а волшебникам положено быть странными и водиться с не менее странными субъектами. Против присутствия на корабле женщин он тоже не возражал. Видимо, в этом мире ничего не слышали о подобной примете, предрекающей судну всяческие несчастья и даже гибель.

Едва Ланс и его спутники познакомились с капитаном, как матросы втянули шлюпки на борт, ветер ударил в поднятые паруса «Индевора» и корабль направился в открытое море. Плачущий и леди Катрин отправились в свои каюты, а Ланс с Ринальдо стояли на корме до тех пор, пока башни Нарды не скрылись из поля зрения.

— У меня такое чувство, будто я вижу этот берег в последний раз, — сказал Ринальдо.

— Будут и другие берега, — сказал Ланс. — Не думаю, что ты будешь скучать по этому месту.

— Мы с ним расстались слишком быстро, и я не успел к нему привязаться, — согласился Ринальдо. — Но все равно во всем этом есть что-то печальное.

— У тебя не было такого же ощущения, когда ты покидал Штормовой замок?

— Если ты помнишь, мы ехали верхом, — сказал Ринальдо. — Я оглянулся пару раз, а все остальное время следил за тем, чтобы не слететь с лошади и не свернуть себе шею. А тут я могу просто стоять и смотреть, как крепость, бывшая моим временным пристанищем, растворяется вдали.

— Смотри в другую сторону, — посоветовал Ланс.

— Там нет ничего интересного.

— Если ты все время смотришь только назад — это один из признаков старости.

— Так я уже и не молод, — сказал Ринальдо. — Знаешь, такая странная штука... я никогда не чувствовал, что я живу. То есть, я, конечно, существовал и даже иногда мыслил, но это была вроде как подготовка к настоящей жизни. Я все время ждал, что она вот-вот начнется, стоит мне только выбраться с улицы, или пойти в услужение к первому министру, или... Все время у меня были какие-то ожидания, потому что я просто не мог поверить, что кривлянье на потеху пьяных гостей или воровство на улицах — это и есть моя настоящая жизнь. Что это как бы не со мной даже происходит. Это как спектакль, в котором я вынужден играть, и когда представление закончится и раздадутся аплодисменты, я поклонюсь публике и пойду домой. В свой настоящий дом, которого у меня никогда не было.

— Многие люди настолько озабочены вопросами собственного выживания, что у них нет времени даже думать на такие темы.

— Ты еще расскажи о том, как мне повезло, — отмахнулся Ринальдо. — И вот, знаешь, благодаря тебе я перестал быть шутком, но ощущения, что с той самой секунды началась моя настоящая жизнь, у меня так и не появилось. А знаешь, что самое неприятное? Я смотрю в будущее, и ни черта там не вижу. Вообще. Как будто для меня есть только здесь и сейчас, и завтрашний день никогда не наступит.

— Жизнь такова, что завтра всегда наступает, — сказал Ланс. — Вне зависимости от того, хорошо или плохо тебе сегодня.

— Ты когда-нибудь думал о собственной старости?

— Нет, — сказал Ланс.

— А я думал. Я пытался представить себе, как это будет. Я сижу на тенистой веранде маленького домика, передо мной небольшой сад, из которого доносятся голоса моих внуков. Я раскачиваюсь в кресле-качалке, может быть, пью разбавленное водой вино...

— И в чем проблема? — поинтересовался Ланс.

— У меня богатое воображение, и я могу нарисовать такую картинку, — сказал Ринальдо. — Проблема в том, что не в нее не верю. Я не верю, что все это может произойти со мной.

— Это может произойти с любым из нас, — сказал Ланс. — А может и не произойти.

— Вот этим высказыванием ты мне сейчас здорово помог, — сказал Ринальдо.

— Ты еще о смысле жизни у меня спроси, — сказал Ланс.

— А что там со смыслом?

— Его нет.

— Я так и думал.

Ланс вынул из кармана мелкую серебряную монету и подкинул ее на ладони.

— Вот примерная модель будущего, — сказал он. — Ты никогда заранее не знаешь, какой стороной упадет эта монета.

— Подкинь еще раз, — попросил Ринальдо.

Ланс высоко подбросил монетку, поймал и накрыл ее другой ладонью.

— Орел, — сказал Ринальдо.

Ланс убрал вторую ладонь.

— Решка, — констатировал Ринальдо. — И вот так всегда.

— Ты можешь строить планы на будущее, а можешь жить только сегодняшним днем, — сказал Ланс. — Вне зависимости от твоего выбора, будущее все равно наступит.

— И выбор всегда ограничен только двумя вариантами?

— Есть еще третий, — Ланс выбросил монету в кильватерную струю.

— Зря, — сказал Ринальдо. — Лучше бы ты отдал ее мне.

— Хочешь мое золото? — поинтересовался маркиз Тилсберри, поднимаясь на палубу. — Могу отдать тебе половину. Там, куда я теперь плыву, оно мне вряд ли понадобится, а ты по-прежнему можешь сойти на берег в Лонгхилле, вместе с леди Катрин.

— С чего это ты стал так щедр?

— Мы плывем на войну, — сказал Плачущий. — Если мы победим, Балор позаботится с моим будущем, и золото мне не понадобится. А если мы проиграем, то золото мне тем более не понадобится.

— Ты все еще можешь сбежать, — заметил Ланс.

— Теперь уже не могу, — сказал Плачущий. — Можно бегать от короля, правящего только одной страной, но нельзя бегать от Ложи.

— Мне ты предлагал именно это.

— Ты — другое дело, — сказал Плачущий. — Ты же не член Ложи и не связан клятвами и обетами. По крайней мере, не был ими связан в то время, когда я давал свой совет.

— Мне жаль, что с тобой так получилось, — сказал Ланс.

— Я бы все равно не смог проникнуть на корабль незамеченным. А даже если бы так, то здесь бы был Счетовод, который бы сообщил своему учителю о моем присутствии.

— Ох, — сказал Ринальдо. — И ты даже не обратил внимания на странный факт? Еще

до того, как стало известно, что ты займешь место Счетовода на борту корабля, они уже выгрузили на берег весь свой багаж? За вещами Счетовода на корабль никто не посылал, и едва ли эта куча баулов на берегу принадлежала одному Балору.

— Вчера Балор ни слова не говорил о том, что собирается отправить со мной своего ученика, — подтвердил Ланс.

— Плакса, ты просто случайно попался ему на глаза, и он решил отправить тебя, куда подальше, — сказал Ринальдо.

— Вот дерьмо, — сказал Плачущий.

— Добро пожаловать на борт, — ухмыльнулся Ринальдо.

На второй день плавания у Ринальдо началась морская болезнь, и чаще всего можно было застать карлика на палубе, перевесившимся через борт и приносящим океану сомнительной свежести дары. Все остальное время Ринальдо ныл и жаловался на тяжкую долю карликов всем, кто был готов его выслушивать. А поскольку выяснилось, что переносить Ринальдо в больших количествах способен только Ланс, ему и выпало принять на себя основной удар.

Ближе к вечеру позеленевшее лицо Ринальдо и его бесконечное нытье, перемежаемое визитами на верхнюю палубу, достали и Ланса, и от отправился на поклон к Плачущему. Маркиз Тилсберри пожал плечами заявил, что находит происходящее вполне справедливым, и что карлик заслужил все тяготы, которые на него обрушило море, и, вполне возможно, что заслужил-то он еще больше, но море оказалось к нему милосердно, и лично он, маркиз Тилсберри, будь у него выбор, такого милосердия проявлять бы не стал. Однако, вскоре выяснилось, что леди Катрин столкнулась с той же проблемой, и если ее не решить, то она и вовсе не будет выходить из своей каюты до завершения путешествия. С этим Плачущий смириться уже не смог и отправился на камбуз, дабы найти необходимые для зелья ингредиенты.

Через час он вернулся с заплаканными глазами и вручил Ринальдо небольшой пузырек с жидкостью зеленоватого цвета. Лекарство источало отвратительный аромат. Поначалу Ринальдо отказывался его пить, но только Ланс напомнил, сколь длинным будет путь, в начале которого они сейчас находятся, как Ринальдо тут же передумал и капнул немного жидкости в вино.

Спустя несколько минут лицо его порозовело, и Ринальдо заявил, что чувствует себя лучше. Выждав еще с полчаса и убедившись, что никакими побочными эффектами лекарство не обладает, Плачущий всучил второй пузырек горничной леди Катрин и подробно рассказывал, как именно его надо принимать.

Ланс к этому времени удалился к себе в каюту и благополучно заснул.

— Мне скучно, — пожаловался Ринальдо.

— Найди себе какое-нибудь занятие, — посоветовал Ланс.

— Я не могу столько пить, — сказал Ринальдо. — Даже я не могу столько пить. К тому же, у меня кончилось вино, а то, которое подают на корабле, мне не нравится.

— Я слышал, помимо питья существуют и другие занятия.

— Да ну? — сказал Ринальдо. — Ты предлагаешь мне играть в азартные игры с матросами? Это скучные, ограниченные люди, и я не уверен, что они хорошо относятся к таким, как я.

— Твоя жизнь — одна непрекращающаяся пытка, — сказал Ланс.

— Так и есть, — согласился Ринальдо. — Вообще, я нахожу корабли противоестественными. Если бы боги хотели, чтобы мы плавали по морям, они бы дали нам эти... как их... плавники.

— А корабельный лес растет просто для красоты?

— Возможно, это вовсе и не корабельный лес. Возможно, он растет для чего-то другого, но тупые людишки не смогли оценить этой задумки. Плавать по воде, — фыркнул Ринальдо. — Экая глупость. А что будет дальше? Мы станем летать по воздуху?

— Ты жаловался на лошадей, ты жалуешься на корабли. Я уверен, что если бы Балор в один миг сумел доставить тебя куда угодно одной лишь силой магии, ты заявил бы, что подобный способ путешествовать противоестественен, потому что не позволяют любоваться достопримечательностями.

— Магия — это очень опасно, — сказал Ринальдо. — Я стараюсь держаться от магии, как можно дальше.

— Что не помешало тебе выпить зелье, которое сварил Плачущий.

— Это другое.

— И много лет служить шутом у Алого Ястреба.

— Это тоже другое. Тем более, я не присутствовал на ритуалах и ни разу не видел, как Алый Ястреб творит свое волшебство. В магии тоже есть что-то противоестественное. Плачущий сегодня полночи читал какой-то трактат при свете свечи.

— Что в этом плохого?

— Он шелестел страницами и мешал мне спать.

— Если хочешь, я попрошу капитана, чтобы он выделил тебе гамак в трюме, вместе с матросами, — сказал Ланс. — Пара ночей в их обществе и ты будешь мечтать всего лишь о шелесте страниц.

— Жестокий метод для примирения людей с действительностью.

— Но действенный.

— А теперь серьезно, — сказал Ринальдо. — Я подумываю, а не отправиться ли мне на юг вместе с вами?

— Зачем?

— А почему нет? Я имею в виду, на юге я чужой, в Лонгхилле я чужой. Карлики вообще везде чужие. С распростертыми объятиями нас нигде не ждут, знаешь ли.

— Я все же думаю, что Лонгхилл для тебя куда безопаснее, чем Рияд.

— Но если я буду неподалеку, когда ты убьешь ад-Саббаха, возможно, по возвращении меня тоже отблагодарят, — сказал Ринальдо. — И размер этой награды будет таков, что мне не придется думать о хлебе насущном до конца моих дней. А может быть, мне даже достанется часть твоей славы и люди перестанут видеть во мне только карлика и шута.

— Не советую, — сказал Ланс.

— Почему? Ты думаешь, что не сможешь убить ад-Саббаха?

— Не знаю.

— Но ты убил Смеющегося и Алого Ястреба, — сказал Ринальдо. — Что же заставляет тебя сомневаться? Армия, которая окружает Льва Пустыни? Я уверен, ты сможешь что-нибудь придумать. В прошлый раз же тебе удалось...

— В прошлый раз мне повезло, — сказал Ланс. — Нельзя рассчитывать на то, что везти будет всегда.

— А мне просто больше не на что рассчитывать, — сказал Ринальдо. — Моя жизнь меняется к лучшему только потому, что мне иногда везет. Может быть, мне повезет и на этот раз.

Ланс пожал плечами.

— Ты — взрослый человек, — сказал он. — Я не могу запретить тебе отправиться с нами на юг. Я просто не советую этого делать.

— Я приму твой совет к сведению, — пообещал Ринальдо. — И тщательнейшим образом все обдумаю.

День тянулся за днем. Корабль шел под полными парусами, капитан ругался на матросов, Ланс валялся на кровати в своей каюте, Плачущий либо сидел за книгами, либо прогуливался с леди Катрин по палубе, Ринальдо ныл и продолжал всем надоедать. Вечерами они собрались на ужин в капитанской каюте и Мактиг травил им морские байки, тщательно следя, чтобы они не оскорбили вкуса присутствующей в их компании женщины.

Дни были похожи один на другой. Это и нравилось Лансу в морских путешествиях.

После того, как корабль обогнул континент и взял курс на юг, они всего два раза видели на горизонте чужие паруса, и Ланс заметил, что каждый раз команда напрягается и демонстрирует признаки тревоги. Похоже, что слухи о пиратах, хозяйничающих на восточном торговом пути, не преувеличивали, и опасность столкновения с ними была вполне реальной.

Однажды Ланс поднял эту тему за ужином.

— Я хожу на «Индеворе» уже восемь лет, — сказал капитан Мактиг. — И большую часть времени мы ходим восточным торговым путем. На «Индевор» нападали трижды. Два раза это было на юге, и тамошние оборванцы пытались атаковать нас во время стоянки на мелкой воде, подобравшись на маленьких парусных лодочках. Это и нападением-то нельзя назвать. Мы просто поднимали паруса и их корыта оставались далеко сзади. А вот однажды, как раз в этих водах, нам атаковало быстроходное парусное судно, от которого нам не удалось убежать. Пришлось дать мерзавцам настоящий бой. Я тогда потерял треть команды, но на удалось отбросить ублюдков...о, простите, миледи, негодяев на их судно, и на вторую попытку они не решились. С ними всегда так — стоит только показать, что добыча не дастся в руки легко, как они теряют к ней интерес.

— Почему королевский флот не наведет здесь порядок?

— Это ничейные воды, — сказал капитан. — На военные суда пираты не нападают, а все остальные могут полагаться только на себя. И на удачу.

— Но ведь это затрудняет торговлю, — заметил Плачущий.

— Богатые купцы, как правило, отправляют свой груз несколькими кораблями. Потеряв часть товара, они просто повысят цену на оставшееся, чтобы компенсировать издержки. Торговцы никогда не остаются в накладе. А на моряков, которые гибнут за их шелка и пряности, им плевать.

— Но вы тоже не бесплатно их шелка и пряности возите, — сказал Плачущий.

— Один удачный рейс может окупить текущий ремонт корабля, выплатить команде жалованье на год вперед, и еще кое-что останется, — согласился капитан. — Плавая только по северным водам столько не заработаешь.

— Значит, риск оправдан, — сказал Плачущий.

— По крайней мере, так кажется, пока пиратов нет на горизонте, — вмешался в

разговор Ринальдо. — Все надеются проскочить, но не у всех получается.

— Риск всегда есть, — сказал капитан. — А в последние годы, когда этот ублю... Лев Пустыни начал захватывать города на побережье, ходить на юг становится все опаснее. Его шакалы захватили несколько кораблей, стоявших в портах, и то, как они ведут себя на море... Они ничем не лучше пиратов.

— Когда он захватит все девять городов, торговля и вовсе прекратится, — заметил Плачущий.

— Торговля никогда не прекратится, — сказал капитан Мактиг. — Конечно, только безумец будет иметь дело с этим уб... Львом Пустыни, и я не думаю, что даже если кто-то из торговцев и заключит сделку, он найдет судно, чтобы перевезти свой товар. Зато от этого выиграет каганат. Субэтей не глупец, и у него тоже есть выход к морю, пусть и не столь удобный. С тех пор, как Лев Пустыни впервые напал на побережье и вольные города перестали быть вольными, каганат начал строить собственные порты, в надежде, чем торговые пути сместятся и он сможет получить от этого свою долю.

— Выходит, каганату выгодно то, что Лев Пустыни творит на юге, — сказал Плачущий.

— До тех пор, пока войско ад-Саббаха не появится у его границ, — сказал Ринальдо. — Нельзя чувствовать себя спокойно, когда поблизости ошивается такой безумец.

— Поговаривают, что Лев Пустыни собирается на север, — сказал капитан Мактиг. — Я в это не верю, но если он сунется в Великую Пустыню, Субэтей сможет вздохнуть спокойнее.

— Но тогда торговые пути останутся там, где они есть, купцы снова начнут торговать с вольными городами и Субэтей потеряет прибыль, на которую рассчитывает, — заметил Ланс. — А строительство прибрежных городов наверняка дорого ему обошлось. Выходит, каганату выгоднее, чтобы все оставалось, как есть.

— Это невозможно, — сказал Плачущий. — Лев Пустыни живет ради войны. Когда он захватит все вольные города, у него останется только два пути. Либо напасть на каганат, либо идти на север.

— Или он станет обустривать жизнь на уже захваченных территориях, — сказал Ланс.

— Немыслимо, — отрезал Плачущий. — Кто угодно, но только не Джемаль ад-Саббах. Кто-то воюет ради добычи, кто-то воюет ради новых земель, но он воюет только ради войны. Пока есть, с кем сражаться, сам он не остановится.

— Безумие какое-то, — пробормотал Ринальдо.

— Я тоже не верю в концепцию войны ради войны, — сказал Ланс. — Обычно за этим стоит что-то еще. Пусть даже банальная жажда власти.

— А зачем вы вообще плывете на юг? — поинтересовался капитан.

— А вы не знаете? — изумился Ринальдо.

— Балор Огнерожденный зафрахтовал мое судно и щедро заплатил, чтобы я доставил вас на юг. Сначала я думал, что это обычная торговая операция под патронажем волшебника, но ведь вы не взяли с собой никакого груза...

Ринальдо открыл было рот, но Плачущий весьма ощутимо пнул его под столом.

— Это обычная торговая операция под патронажем волшебника, — отрезал маркиз Тилсберри.

— Где же тогда ваш товар?

— У нас особый товар, — сказал Плачущий. — Ценность которого измеряется не количеством сундуков и рулонов шелка. И больше вам о нашем грузе знать ничего не надо.

— Как скажете, — согласился капитан Мактиг. — Ваши деньги, ваша воля. Но мне все еще неизвестен конечный пункт плавания. В каком из вольных городов вы хотите сойти на берег?

— В Рияде, — сказал Ланс.

— Но ведь Рияд уже под контролем Льва Пустыни. И не просто под контролем, сам ад-Саббах сейчас находится в Рияде!

— Нам это известно, — сказал Плачущий. — Наше торговое предложение распространяется и на Джемаля ад-Саббаха.

Капитан Мактиг покачал головой в полной тишине, которая воцарилась в его каюте.

— Я не поведу свой корабль в Рияд.

— Поведете, — холодно сказал Ланс. — Балор Огнерожденный заплатил вам так щедро именно из-за повышенного риска.

— Любая дорога на юг полна опасностей, — сказал капитан. — Но Рияд — это не просто какое-то опасное место на юге. Это самое опасное его место.

— И тем не менее, вы поведете корабль в Рияд, — сказал Ланс.

— Иначе что? — осведомился Мактиг.

Лансу даже не нужно было быть телепатом, чтобы прочесть мысли капитана. Балор Огнерожденный (кстати, а почему именно Огнерожденный? Это прозвище Ланс услышал впервые) грозен, но он далеко. То, что случается в море, зачастую в море и остается. Балор может никогда и не узнать, что пассажиры «Индевора» не сошли на берегу в точке прибытия, а отправились на корм многочисленным морским гадам.

От самих пассажиров Мактиг подвоха не ждал. Двое мужчин, две женщины и карлик. Что они могут противопоставить нескольким десяткам привычных к тяжелой работе и готовым к абордажным схваткам матросов?

Ланс перестал ковыряться в своей тарелке и посмотрел капитану в глаза.

— Вы поведете корабль в Рияд, — повторил он.

— Я поведу корабль в Рияд, — согласился капитан. — В конце концов, именно за это мне и заплатили.

— Рад, что мы смогли понять друг друга, — сказал Ланс. — Ринальдо, на корабле твоих обязанностей никто не отменял, но мой бокал почему-то пуст. Исправь это, пожалуйста.

Ужин они заканчивали в молчании.

Чуть позже тем же вечером в дверь его каюты постучали, и Ланс впустил Плачущего. В руках у маркиза Тилсберри было несколько свитков.

— Я не помешаю?

— У меня нет привычки ложиться спать так рано, — сказал Ланс.

— Я хотел бы кое-что обсудить, — сказал Плачущий. — Касательно нашего задания.

— Разве мы еще не все обсудили?

— Чем больше я об этом думаю, тем меньше понимаю, — Плачущий бросил взгляд на кресло рядом с небольшим столом. — Ты не против...?

— Чувствуй себя, как дома.

Плачущий уселся в кресло и развернул на столе один из принесенных с собой свитков. Там оказалась карта южной части континента.

— Я не уверен, что идти прямо в порт Рияда — это такая уж хорошая идея, — сказал Плачущий. — Я предпочел бы высадиться где-нибудь на побережье, в паре дней пути от

города, и добираться по суше. Например, вот здесь.

— А что там? — Ланс уставился на указанное волшебником место.

— Ничего, — сказал Плачущий. — Просто берег, тем он мне и нравится.

— Пара дней пути по незнакомой местности, без транспорта и с риском нарваться на патрули, — сказал Ланс.

— Но так у нас будет больше шансов остаться незамеченными.

— Посмотри на себя. Ты слишком бледен для уроженца тех мест, да и я тоже. Неужели ты на самом деле думаешь, что на нас никто не обратит внимания?

— Мне кажется, двое путников все же менее заметны, чем целый корабль.

— Двое чужаков без транспорта и непонятно откуда взявшиеся на берегу вызовут больше вопросов, чем торговое судно, — сказал Ланс.

— Мы не сможем выдать себя за купцов. У нас нет груза.

— У нас есть корабль. Мы могли придти за грузом.

— Золота у нас тоже нет.

— У тебя есть.

— Его недостаточно, чтобы сойти за купцов, — сказал Плачущий. — И ты это прекрасно понимаешь.

Ланс вздохнул.

— Капитан Мактиг говорит, что ад-Саббах реквизирует все корабли, заходящие в порты, которые он контролирует. Допустим, он заберет и «Индевор». Что он сделает с командой и пассажирами?

— Команду, я полагаю, он оставит. Жители пустынь плохо управляют парусами.

— Ну а пассажиры? — не сдавался Плачущий. — В лучшем случае, нас сделают рабами и продадут на невольничьем рынке.

— Если нас поймают на берегу, нас убьют, как лазутчиков.

— Но...

— Послушай, — сказал Ланс. — Оба варианта таят в себе опасности, но мой — менее утомителен. И поскольку главный тут я, а ты сопровождаешь меня для магической поддержки, мы будем делать так, как я говорю.

— А иначе ты сделаешь со мной то же самое, что сделал с капитаном за ужином? — уточнил Плачущий.

Ланс пожал плечами.

— Ты на него воздействовал, — сказал Плачущий. — Все видели, как что-то произошло, но не поняли, что именно.

— А ты, значит, понял?

— Я — волшебник.

— Тогда ты должен понимать, что я просто напомнил капитану, за что ему платят, — сказал Ланс. — С тобой я ничего такого делать не буду.

— А тебе не кажется странным, что Балор оплатил фрахт, но оставил за тобой выбор конечного пути нашего путешествия?

— Нет, — сказал Ланс. — Он знает, что я его не обману. Я намерен твердо придерживаться достигнутых договоренностей. Я дал ему слово, что отправлюсь на юг и сражусь с Джемалем ад-Саббахом, и именно так я и собираюсь поступить.

— Балор вряд ли бы просто поверил на слово незнакомому ему человеку, — заметил Плачущий.

— Ты считаешь, что его репутации недостаточно, чтобы нагнать страха и заставить быть честным кого угодно?

— Вполне достаточно, — согласился Плачущий. — Кого угодно, кроме тебя.

— Ты мне льстишь.

— Вовсе нет. Я считаю тебя человеком, способным на любое безумство.

— Пусть так, — согласился Ланс.

— И это странно, так как во всем остальном ты выглядишь вполне здравомыслящим человеком.

— Продолжай, — Ланс плюхнулся на свою койку и уставился в потолок.

— Так что, наблюдая за твоим поведением, можно сделать лишь два вывода, — сказал Плачущий. — Либо ты страдаешь от временного помешательства, либо я просто не понимаю твоих мотивов.

— Судя по тому, что ты таки решился об этом заговорить, версия о помешательстве тебя не устраивает.

— Мы с тобой направляемся в самое опасное место в мире, — сказал Плачущий. — Чтобы сразиться там с самым опасным человеком в мире. Мне кажется, я имею право знать, почему ты на это согласился.

— Что еще тебе кажется? — поинтересовался Ланс.

— Что это твое согласие на просьбу Балора как-то связано со смертями Смеющегося и Алого Ястреба.

— Ты просто мастер замечать очевидное, — ухмыльнулся Ланс.

— Так ты не объяснишь мне, почему ты ввязался в чужую войну и начал убивать волшебников?

— Потому что я ошибся, — сказал Ланс. — Я переоценил их магию.

— Если ты думаешь, что мне стало понятнее, то ошибаешься.

— Ну что ж, ты волшебник, так постарайся понять то, что я сейчас скажу, — Ланс сел на кровати и посмотрел на Плачущего. — Видишь ли, дело в том, что на мне висит родовое проклятие, и я думал, что Смеющийся или Алый Ястреб смогут его снять. Но они оба меня разочаровали. Сначала твой собрат по учению, а потом и ваш учитель.

— Довольно странный способ обратиться к волшебнику за помощью, — сказал Плачущий. — Если только ты не хотел, чтобы они помогли тебе умереть.

Ланс все еще молчал и смотрел Плачущему в глаза.

— О, — сказал Плачущий. — Стало быть, я угадал верно. В этой войне ты искал не славы, но смерти. И по той же причине ты отправился на юг? Поэтому ты и хочешь высадиться в самом Рияде, да? Чтобы все случилось побыстрее? Ты ищешь смерти, и тебе все равно, что ты больше не один.

— Лучше бы тебе сойти на берег в Лонгхилле, — согласился Ланс.

— Я не могу, — сказал Плачущий.

— Мне жаль, — сказал Ланс. — Но у меня есть план, и я не собираюсь от негс отказываться.

Плачущий побледнел. Он был похож на человека, висящего над бездонной пропастью на конце длинной веревки и только что узнавшего, что второй конец никак не закреплен.

— И что же это за проклятие такое странное? — кисло поинтересовался он после небольшой паузы.

Ланс задрал рукав и положил правую руку на стол. Его запястье украшал то ли давний

шрам, то ли грубая татуировка, напомнившая Плачущему браслет с начертанными на нем рунами. Значения этих рун Плачущему были неизвестны.

— Это родовое проклятие, — сказал Ланс. — Дело в том, что я...э... практически бессмертен. Мой организм не подвержен болезням или старению. Мечом или копьем меня можно только ранить, и то ненадолго. На мне все очень быстро заживает. Существует лишь несколько способов отправить меня на тот свет, и все эти способы весьма специфичны.

— Видимо, я ошибся, и ты все-таки безумен, — сказал Плачущий. — Потому что если ты говоришь правду, только безумец может счесть этот дар проклятием.

— Это суждение лишь выдает твою наивность, — сказал Ланс. — В бессмертии нет ничего хорошего. Вечная жизнь слишком длинна для обычного человека. Да и я не могу сказать, что у меня была очень уж хорошая жизнь. Я продолжаю жить, а все вокруг умирают. Как правило, насильственной смертью. Мой отец, мои приемные родители, все мои друзья... Не говоря уж о тысячах людей, которые считали меня своим сюзереном и которых убили из-за меня. Я устал от чужих смертей и войн.

— Я бы соврал, если бы сказал, что понимаю тебя.

— Мог бы сказать. Я бы все равно не поверил.

— Тут наши чувства взаимны, — сказал Плачущий. — Я тоже не могу поверить в твою историю.

— Разумно, — согласился Ланс.

Прежде, чем Плачущий успел сообразить, что происходит, Ланс перегнулся через стол, вытащил из-за пояса Плачущего короткий кинжал, расстегнул рубаху на груди и, поморщившись, вогнал тонкое лезвие себе в сердце. Маркиз Тилсберри стал еще бледнее, хотя минуту назад Ланс готов был поклясться, что сие невозможно.

— Такое я проделываю походя, — сообщил Ланс. — Надеюсь, ты не собираешься терять сознание?

— Нет, — сказал маркиз Тилсберри после некоторых раздумий. — Тебе не больно?

— Немного неприятно, — сказал Ланс. — Но чего не сделаешь ради эффектного зрелища?

— Э... можешь вытащить?

— Тебя нервирует мой вид? — ухмыльнулся Ланс.

— Немного, — признался Плачущий. — Обычно люди с кинжалами в груди несколько менее разговорчивы.

Ланс обхватил пальцами рукоять кинжала, легко вытащил его наружу и вручил оружие владельцу. Плачущий не заметил ни единой капли крови ни на лезвии кинжала, ни на коже Ланса.

Ланс бросил кинжал на стол и продемонстрировал Плачущему свою грудь, испещренную сеткой старых шрамов. Однако, свежей отметины там не было, и Плачущий взял себе на заметку поинтересоваться, как же так выходит.

Если удобный случай представится.

Ланс застегнул рубашку.

— Еще я не горю в огне, — сообщил Ланс. — А также не тону в воде, но этот факт вряд ли характеризует меня с лучшей стороны.

— И как же это случилось?

Ланс еще раз показал шрам за запястье.

— Когда-то это был браслет, созданный одним из моих предков в качестве объекта

силы, — сказал Ланс. — Он переходил в нашей семье от отца к сыну и в конечном итоге достался и мне. Когда я его надевал, я думал, что это обычное украшение, лишь чуть позже выяснилось, что снять его невозможно. А потом... я носил его слишком долго, гораздо дольше любого из моих предшественников. В конце концов, он просто стал частью меня.

— Погоди-ка. Ты говоришь, что твои предки носили этот браслет. Но их же всех убили...

— О, да, — сказал Ланс. — В тех местах, откуда я родом, убийство моих предков было отдельной спортивной дисциплиной. По преданию, браслет был выкован из металла, упавшего со звезд. Некий кузнец, помогавший моему дальнему предку в работе, сохранил несколько кусочков того металла и сделал семь мечей и один кинжал, которыми можно поразить человека, носящего браслет. Эти мечи были розданы магам и героям из разных королевств, чтобы никто из моих предков не мог чувствовать себя в полной безопасности. Когда я был молод, носил другое имя, и мне очень хотелось жить, я убил всех хранителей, собрал эти мечи и расплавил их в жерле вулкана.

Кинжал я оставил себе. На память. Ну, и на всякий случай. Только вот ведь беда — в одной из последующих заварушек я его потерял.

— Где потерял?

— Не в вашем мире, — сказал Ланс.

— А другие способы?

— Я не горю в обычном огне, но у меня был очень неприятный опыт с пламенем дракона, — сказал Ланс. — В вашем мире есть драконы?

— Нет.

— Вот в том-то и дело, — вздохнул Ланс. — Полагаю, я мог бы попробовать спрыгнуть в вулкан, но действующих вулканов я тоже поблизости не наблюдаю. Значит, остается только третий способ. Когда-то, в самом начале карьеры, мне сказали, что меня также можно уничтожить при помощи магии высшего порядка. Вот почему я выступил против Алого Ястреба в этой вашей войнушке. Но я должен признать, что магией высшего порядка там даже не пахло. При виде меня и Смеющийся и Алый Ястреб хватались за меч. Они умерли, потому что с мечом против меня у них не было ни одного шанса. И поэтому я надеюсь, что Джемаль ад-Саббах так же хорош, как считает Балор и ваша чертова Ложа, и слухи о его могуществе хотя бы отдаленно соответствуют действительности.

— Надеюсь, он тебя не разочарует, — мрачно сказал Плачущий. — А ты не думал, что обманули, когда сказали про магию, которая может тебя убить?

— Вряд ли, — сказал Ланс. — Просто ни Смеющийся, ни твой учитель не были достаточно хороши.

— Алый Ястреб был одним из лучших...

— Не сомневаюсь, — сказал Ланс. — Но дело даже не в нем. Дело в вашей магии вообще. Магия, которой тебя учили, это искусство.

— Разве существует какая-то другая магия?

— Магия превращается в искусство, когда в мире ее становится слишком мало, — сказал Ланс. — Это естественный и неизбежный процесс. Максимум приложенных усилий и минимум результата.

— Я снова перестаю тебя понимать.

— Ты уверен, что был учеником чародея? — поинтересовался Ланс. — Твой учитель не рассказывал тебе истории о великих магах древности, которые могли творить невероятные

вещи? Поворачивать вспять течение рек, двигать горы...

— Эти истории мне рассказывала моя няня, — сказал Плачущий. — И назывались они сказками.

— До того, как превратиться в детские сказки, они наверняка были легендами, а легенды никогда не возникают на пустом месте, — сказал Ланс.

— Но они преувеличивают. С годами каждая история обрастает тысячей подробностей, которые делают ее более красочной, и уже спустя несколько веков никто не может сказать, что есть правда, а что — вымысел тысячи рассказчиков.

— Если легенда гласит о человеке, сдвинувшем гору, стоит допускать вероятность, что на самом деле гора все-таки двигалась.

— Или речь идет всего лишь о крупном обвале.

— Хорошо, пойдем другим путем, — сказал Ланс. — На столе лежит твой кинжал. Сделай с ним что-нибудь при помощи магии.

— Что?

— Что угодно.

— Что вообще можно сделать с кинжалом при помощи магии?

Ланс вздохнул.

— Заставь его пролететь через каюту и воткнуться в дверь. Нет, лучше в деревяшку над дверью, а то вдруг в коридоре кто-то стоит.

— Мне понадобится какое-то время, — сказал Плачущий.

— Сколько угодно, — сказал Ланс. — Действуй.

Следующие пять минут Плачущий бормотал себе под нос и чертил пальцем какие-то невидимые Лансу формулы. Когда из его глаз покатались первые слезинки, он сообщил Лансу, что готов.

Ланс дал отмашку на эксперимент. Плачущий произнес короткое заклинание, воздел руки и кинжал приподнялся на несколько сантиметров над столом. Плачущий повторил заклинание, повел руками, слезы лились из его глаз уже ручьем. Кинжал воспарил на высоте человеческого роста и рывками, со скоростью смертельно больного одноногого инвалида, пересек каюту.

Ткнув острием в указанную Лансом доску над дверью, кинжал упал на пол. Плачущий вытер слезы и выступивший от напряжения пот на лбу.

— Неплохо, — сказал Ланс.

Плачущий вернул кинжал на исходную позицию.

— Магия — это возможность манипуляции окружающим миром, — заявил Ланс. — Кинжал есть часть окружающего мира. Ты только что заставил кинжал полететь, не прикасаясь к нему руками. Как ты это сделал?

— Мне известны вес и форма кинжала, я знаю, из какого металла он выкован, — сказал Плачущий. — Я знаю место, где он лежал, и я видел место, куда он должен был попасть. Я постарался совместить в своем сознании эти два места и придать кинжалу энергию для полета.

— Говоря простым и грубым языком, существуют два вида манипуляции предметами, — сказал Ланс. — Есть способ, который применил ты. Ты попытался уговорить предмет сделать то, что тебе надо. Это искусство.

— Да, — сказал Плачущий.

Ланс, не вставая с кровати, повел пальцем.

Плачущий толком и не понял, что произошло. Мгновение назад кинжал лежал на столе, и вот он уже торчит из стены над дверью, и лезвие его вибрирует после броска.

— А еще можно заставить предмет сделать то, что ты от него хочешь, — сказал Ланс. — Для этого нужна сила. Так оно и в жизни. Те, у кого нет силы, убалтывают других людей. Те, у кого сила есть, принуждают их к повиновению.

— Я мог бы повторить этот фокус, если бы ты дал мне еще немного времени, — сказал Плачущий.

— Не сомневаюсь, — сказал Ланс. — Но дело в том, что мне время не нужно.

Он щелкнул пальцами. Кинжал покраснел, затем побелел и каплями расплавленного металла обрушился на пол. Балор показал Лансу неплохой трюк, грех им не воспользоваться.

Доски начали тлеть. Ланс вылил на них воды из кувшина, предназначенного для умывания. К самому кувшину он, разумеется, не прикасался.

— Когда мир еще молод, в нем много магии, — сказал Ланс. — Люди, которые умеют ею пользоваться, творят вещи, про которые потом слагают легенды. Выступают в одиночку против целого войска, возводят города за одну ночь, двигают горы. Это стадия силы. Но со временем магия начинает покидать мир, и для достижения меньших результатов приходится использовать больше усилий. Ритуалы призваны экономить магическую энергию, которой в стареющем мире становится все меньше и меньше. Использовать по максимуму то, что есть. Это период искусства, и сейчас ваш мир переживает именно такой период. А в мире, откуда я пришел, закат только начался, и магия все еще оставалась силой.

Плачущий мгновенно нашел изъян в этой логике.

— Но теперь-то ты здесь, — сказал он. — Значит, ты должен быть ограничен законами нашего мира.

— И так наверняка было бы, если бы я не носил с собой свой источник силы, — сказал Ланс, хлопнув себя по правому запястью.

— Ты можешь двигать горы? — поинтересовался Плачущий.

— Пожалуй, нет.

— Жаль. А что случается с миром потом? Когда заканчивается период искусства?

— Потом мир живет без магии, — сказал Ланс. — Как правило, к этому времени люди уже придумывают, чем ее заменить.

— Заменить магию?

— Я долгое время жил в мире, где кареты ездили сами по себе, без лошадей, где корабли плавали по морю без гребцов и парусов, а другие корабли летали по воздуху. Люди там могли разговаривать друг с другом, находясь на разных континентах и видеть события, происходящие далеко от них. И во всем этом не было ни капли магии.

— Невероятно, — выдохнул потрясенный маркиз Тилсберри. — И то способен описать, как это устроено, чтобы мы могли повторить их путь?

— Не могу, — сказал Ланс. — Все это устроено очень сложно, и в том мире я не владею умением создавать все эти вещи. Я могу ими только пользоваться. Еще я могу изложить общие принципы, но, во-первых, они вам вряд ли помогут без соответствующего развития технологий, а во-вторых, есть шишки, которые вы должны набить сами, без посторонней помощи.

— Наверное, ты прав, — согласился Плачущий. — От всего этого у меня в горле пересохло.

— Вино и кубки под столом, — сказал Ланс.

Глава восьмая. Совсем не круиз

Плачущий был волшебником, а значит, обладал определенной гибкостью ума. Было видно, что ему трудно до конца поверить в рассказ Ланса, но в итоге он все-таки поверил. К этому времени уже сам Ланс начал задаваться вопросами, а зачем он вообще все это рассказывает. Наверное, у него слишком долго не было собеседника, которому можно рассказать правду и который способен сию правду принять.

Они проговорили до полуночи и осушили бутылку вина, но никто так и не опьянел. Лансу одной бутылки было мало, а Плачущий оказался слишком взволнован, чтобы его организм обращал хоть какое-то внимание на алкоголь.

Ланс рассказал маркизу Тилсберри, что не может контролировать свое путешествие между мирами. Просто иногда перед ним открывается невидимый другим людям проход между измерениями, и в его воле только решить, идти через него или нет. Что находится на другой стороне портала, Лансу обычно неизвестно.

— Я думаю, механизм происходящего с тобой довольно прост, — заявил Плачущий. — Подсознательно ты стремишься домой, ну, или в тот мир, где тебе было лучше всего, и который ты утратил. Браслет видит это твое желание, но поскольку ты точно не знаешь, как туда попасть, он тоже не знает, и подсовывает тебе миры на выбор. Когда ты понимаешь, что этот мир тебе тоже не подходит, браслет открывает новый путь, и так будет продолжаться до тех пор, пока ты не вернешься туда, где тебе было хорошо, или пока не найдешь мир, в котором тебе будет достаточно комфортно жить. Ну, или пока ты не умрешь.

— У меня были такие мысли, — сказал Ланс. — Но я все равно не могу это контролировать. Например, я не могу открыть проход прямо сейчас.

— Где-то измерения соприкасаются друг с другом почти вплотную, а где-то они далеки, — сказал Плачущий. — Твоего подсознательно выраженного желания мало, нужно еще находиться в точке, подходящей для перехода. Ну, это я так думаю, опять же.

— Возможно, — согласился Ланс. — Видимо, я стремлюсь в мир своего детства. Я вырос в мире, очень непохожем на этот, и когда я покидал его — тем же путем через измерения — я точно знал, куда мне надо попасть, потому что направлялся в свой родной мир. Теперь же браслет подсовывает мне те миры, которые находятся близко к моему родному миру и не похожи на то место, куда я действительно хочу вернуться.

— Я хотел бы тебе помочь, — сказал Плачущий. — Но я слишком мало знаю о перемещениях в другие миры. Возможно, тебе следует поговорить об этом с Балором. После того, как ты убьешь Джемалю ад-Саббаха, конечно.

Ланс вздохнул.

— Я понимаю, что ты устал и хочешь покоя, — сказал Плачущий. — Но ад-Саббах — это воплощенное зло, и если ты убьешь его, то окажешь нашему миру большую услугу.

— Вернемся к нашим баранам, — криво ухмыльнулся Ланс. — Как ты не понимаешь, Джеймс, нет такого понятия, как воплощенное зло. Зло — это вообще штука весьма относительная. Когда ты хочешь на кого-то напасть, ты всегда называешь врага злом, рассказываешь про него жуткие истории, чтобы оправдать необходимость войны. И все эти черно-белые цвета зависят лишь от занимаемой тобой стороны. Вы объявили юг филиалом ада, но я не удивлюсь, если на юге то же самое говорят про север. Рассказывают о ваших погрязших в пороке королях и волшебниках, которые пьют человеческую кровь и едят на

завтрак младенцев. И то, что вы называете вторжением через Великую пустыню, для воинов Льва Пустыни является великим освободительным походом. И матери юга пугают своих непослушных детей именем Балора Огнерожденного. Кстати, а почему его называют Огнерожденным?

— Он родился в год великих лесных пожаров, — сказал Плачущий.

— Довольно прозаичное объяснение, — сказал Ланс. — Говоря по правде, я ждал более интересной истории.

— По сравнению с твоей, все истории неинтересные, — сказал Плачущий. — Но, черт побери, я не могу смириться с тем, что ты выбрал Джемалю ад-Саббаху орудием своей смерти.

— Ты его когда-нибудь видел? — поинтересовался Ланс.

— Нет.

— И, тем не менее, когда ты о нем думаешь, в голове возникает образ кровавого маньяка, стремящегося повергнуть мир в хаос, — сказал Ланс. — А на самом деле он может оказаться вполне вменяемым человеком, получившим хорошее образование, ценящим искусство и желающим принести на север дары просвещения.

— Нет, — упрямо сказал Плачущий. — Лев Пустыни — это абсолютное зло.

— Потому что так о нем сказал Балор, который стоит на стороне абсолютного добра? Чуть. Я когда-то был на месте Льва Пустыни, — сказал Ланс. — Меня называли темным лордом, девятым в своем роду, с моим именем были связаны жуткие пророчества, и детей им тоже пугали, как это водится. Я, конечно, не хочу сказать, что бы очень хорошим человеком, и в свое время я творил страшные вещи, но абсолютным злом я все-таки не был. Более того, я не совершил и половины преступлений, которые мне приписывали.

— Но вторую половину все-таки совершил? — уточнил Плачущий.

— По большей части, в порядке самообороны, — сказал Ланс. — А на некоторые шаги я был просто вынужден пойти в силу неблагоприятно сложившихся обстоятельств. Впрочем, я не ищу себе оправданий.

— И теперь ты думаешь, что все злодеи похожи на тебя?

— Теперь я склонен считать, что злодеев в чистом виде не существует, — сказал Ланс. — Для тебя Лев Пустыни — злодей, но ты и сам вполне можешь быть злодеем для кого-то. Лично мне больше нет дела до этих разборок. Я просто хочу обрести покой.

Утром вахтенный матрос заметил на горизонте парус. Корабль шел встречным курсом, на самом пределе видимости, и это событие никого особо не насторожило. Однако, через несколько часов неизвестное судно появилось снова. Корабль совершил разворот, приблизился, увеличившись в размерах, и двигался на сближение с «Индевором».

Ланс поднялся на палубу, чтобы прояснить ситуацию, и тут же столкнулся с капитаном Мактигом, любовавшимся чужими парусами через подзорную трубу. Ринальдо и Плачущий тоже были здесь, но держались поодаль от капитана. Ланс же подошел к нему и встал рядом.

— Что там видно? — поинтересовался Ланс.

— Четырехмачтовый, с высокой осадкой, — процедил сквозь зубы капитан Мактиг, передавая подзорную трубу Лансу. — Это не торговое судно.

— Может быть, военный корабль? — предположил Ланс.

— Что им делать в этих водах? Да и зачем мы могли бы понадобиться военному кораблю? — капитан сплюнул за борт. — Это ублюдские пираты, селезенкой чую.

— И каков ваш прогноз?

— Мы идем под полными парусами, — сказал капитан. — Проблема в том, что у этих ублюдков парусов больше. Если ветер не переменится, они нагонят нас уже к вечеру.

— Когда дойдет до схватки, можете на меня рассчитывать, — сказал Ланс.

Капитан Мактиг кивнул, и Ланс присоединился к своим спутникам.

— Селезенка капитана чувствует, что это пираты, — сказал он.

— Не проскочили, значит, — мрачно констатировал Ринальдо. — А больше селезенка капитана ничего не чувствует?

— Вполне возможно, нас ожидает ночной бой, — сказал Ланс.

— Но почему это не могло произойти позже, уже после того, как я сошел бы на берег с Лонгхилле? — простонал карлик.

— А ты все-таки решил сойти? Правильное решение.

— Теперь-то что толку об этом говорить? — спросил Ринальдо. — К следующему утру все мы будем кормить рыб.

— Зато если мы выживем, ты будешь рассказывать внукам о том, как бился с пиратами, — сказал Ланс. — Абордажная схватка, свистать всех наверх, пятнадцать человек на сундук мертвеца...

— Бред какой-то, — констатировал Ринальдо. — Если у меня когда-нибудь будут внуки, этой истории они точно не услышат.

— Йо-хо-хо, — сказал Ланс. — Впрочем, вы, парни, наверняка не знаете этой песни.

К полудню преследующий «Индевор» корабль увеличился в размерах настолько, что его мачты можно было пересчитать без подзорной трубы. Капитан Мактиг загнал половину матросов заниматься парусами, и «Индевор» немного прибавил в скорости, но пиратское судно все равно было быстрее. Капитан подкорректировал свой первый прогноз и заявил, что их догонят еще до наступления сумерек.

Ланс спустился к себе, завалился на койку и уставился в потолок. Нельзя сказать, чтобы его сильно интересовала текстура досок, но больше в каюте смотреть было не на что.

Перспектива ближайшего боя его нисколько не взволновала, скорее, ему было скучно. В прошлом он защищал одни корабли, захватывал другие и топил третьи. Жизнь уже не могла преподнести ему ничего нового.

Он задремал, поэтому не мог сказать точно, сколько времени прошло, прежде чем в его каюту без стука ввалился Ринальдо.

— Поистине геройское самообладание, — констатировал Ринальдо, глядя на продирающего глаза Ланса. — Селезенка капитана оказалась права. Это точно пираты и они подошли так близко, что можно рассмотреть их флаг.

— Череп и кости? — поинтересовался Ланс.

— Скелет и скрещенные абордажные сабли, — сказал Ринальдо. — «Индевор» ходил этим путем восемь лет, и за это время на него нападали только один раз! Тебе это ни о чем не говорит?

— О том, что согласно статистике, второй раз уже вот-вот должен был наступить?

— О том, что нам чудовищно не везет, — не согласился Ринальдо. — Почему купцы с дорогостоящим грузом проскакивали здесь без проблем, а мы, с которых и взять-то нечего, эти проблемы сразу поймали?

— Не знаю, — сказал Ланс. — Так бывает.

— Должно быть, для пиратов наступили нелегкие времена, если они нападают на

корабль с такой высокой осадкой, как у нас, — сказал Ринальдо. — Ведь видно же, что мы ничего ценного не возедем. То есть, это даже мне видно, а они-то должны быть истинными специалистами в такого рода вещах.

— Если на корабле нет груза, это еще не значит, что на корабле нет ничего ценного, — заметил Ланс. — Например, на борту могут быть знатные пассажиры, за которых можно взять хороший выкуп.

— И кто заплатит хотя бы грош за любого из нас? — поинтересовался Ринальдо. — Разве что за Плаксу. Да, и если нас захватят, то участи леди Катрин и ее горничной я и вовсе не завидую.

— Не паникуй раньше времени, — посоветовал Ланс.

— А, по-моему, сейчас как раз самое время паниковать, — заявил Ринальдо. — Потому что потом нам может быть уже не до паники. Мы ведь будем героически сражаться и умирать и всякое такое.

Как же я устал, подумал Ланс. Почему ничего в этой жизни не достается мне легко? Разве я многого прошу хотя бы на этот раз? Почему мы не можем просто добраться до юга? Кому нужны эти чертовы приключения, которые постоянно сыплются мне на голову? Может быть, это и на самом деле проклятие?

Матросы деловито готовились к схватке. Разбирали абордажные сабли и легкие кожаные доспехи, проверяли натяжку тетивы у арбалетов. Паники среди членов экипажа Ланс не увидел. Встреча с пиратами не была для них катастрофой, чем-то из ряда вон выходящим. Неприятность, да, но не более. Обычный профессиональный риск.

Плачущего он нашел на корме. Ученик чародея обеими руками вцепился в обшивку корабля, да так сильно, что пальцы побелели. Он не сводил глаз с надвигающегося на «Индевор» корабля и из глаз его текли слезы.

— Чем ты занят? — поинтересовался Ланс, облакачиваясь на фальшборт рядом с Плачущим.

Плачущий дернул головой, с видимым усилием оторвал руки от деревянного ограждения и вытер слезы платком.

— Я пытался прожечь дыру в их парусах, — сказал он. — Я читал о таком в старых рукописях о странствующих магах.

— Не получается?

— Как видишь. Похоже, на борту их судна есть какое-то защитный амулет, который блокирует мои попытки.

— Видимо, они тоже читали те рукописи, — заметил Ланс. — Весьма предусмотрительно с их стороны.

— Необязательно, — сказал Плачущий. — Это может быть просто охранный амулет общего действия. Вообще-то, это не поощряется, но старшие члены Ложи иногда продают такие особо настойчивым и не в меру богатым купцам.

— После чего купцы становятся уже не такими богатыми, — сказал Ланс. — И, как мы видим, от пиратов этот амулет их не уберег.

Корабль был уже близко. Лансу не требовалось оптических приспособлений, чтобы увидеть происходящее на его палубе. В носовой части судна выстраивался небольшой отряд стрелков с арбалетами.

— Еще немного, и они подойдут на расстояние выстрела, и тогда оставаться тут будет небезопасно, — сказал Ланс. — Если хочешь что-то сделать, делай сейчас.

— Я пробовал уже трижды за последний час.

— Попробуй еще раз, — сказал Ланс.

Плачущий состроил скептическую гримасу, но вернул руки на фальшборт и устоялся на пиратский корабль. Когда из глаз молодого чародея вытекла первая слезинка, Ланс положил правую руку ему на плечо.

Такелаж пиратского судна вспыхнул, как стог высохшего сена, в который бросили сразу десяток факелов. Пламя охватило все паруса, поднимаясь до вершин мачт. Тут же лопнули тросы, обгоревшие останки такелажа рухнули на палубу. Кто-то истошно завопил.

Мгновение спустя верхняя палуба пиратского судна тоже была охвачена огнем. Криков становилось все больше, объятые пламенем фигурки людей метались по кораблю и прыгали за борт.

Плачущий вскрикнул и оторвал ладони от фальшборта. Там, где они касались ограждения, на деревянном бруске остались выжженные следы, повторяющие форму его ладоней, кожа на руках покрылась многочисленными волдырями от ожогов.

— Ты уверен, что заложил достаточно динамита, Бутч [5]? — криво ухмыльнулся Ланс. — То есть, ты уверен, что целился именно в паруса?

Столпившаяся на корме команда «Индевора» разразилась ликующими выкриками. «Индевор» все еще шел под полными парусами, так что факел, в который превратилось потерявшее ход пиратское судно, стремительно уменьшался в размерах.

— Это не я, — тихо сказал Плачущий. — Ты использовал меня, как линзу, чтобы сфокусировать на их корабле свою энергию. Ты пробил их защиту, как... как таран.

— И пусть это останется нашим маленьким секретом, — сказал Ланс.

— Я чувствовал льющуюся через меня мощь. Ты владеешь такой силой, как же ты можешь быть... — он осекся.

— Никем? — продолжил Ланс. — Потому что быть кем-то очень утомительно.

Плачущий покачал головой.

— Bravo! — воскликнул капитан Мактиг, подходя к ним и хлопая маркиза Тилсберри по плечу. — Я знал, что волшебник на борту — это хорошая примета! Отличная работа, просто отличная! Об этой истории сложат легенды, сэр! Каждому из тех, кто был сегодня на «Индеворе», будет о чем рассказывать своим внукам! Вы поджарили их, как свиней!

— Да, — согласился Плачущий. — Похоже, что поджарил.

— А что с вашими руками, сэр? Хотите, я пришлю к вам в каюту корабельного лекаря?

— Спасибо за столь великодушное предложение, но я и сам справлюсь, — сказал Плачущий. — Хотя... мне могут понадобиться ингредиенты, которых у меня нет. Пусть лекарь подойдет где-нибудь через полчаса.

— Плакса не мог такого сделать, — безапелляционно заявил Ринальдо. — Я долгие годы прослужил шутком у самого могущественного волшебника Эталии, и я точно знаю, на что чародеи способны, а на что нет. Если бы Плакса мог такое сделать, он не ходил бы в учениках Алого Ястреба, он сам был бы Алым Ястребом. Черт побери, я не уверен, что даже сам Алый Ястреб смог бы такое сделать без многочасовых ритуалов, рисования пентаграмм и чтения заклинаний. Да и со всеми этими причиндалами... Тоже не уверен. Я бы еще мог поверить, если бы речь шла о Балоре Огнерожденном, но Плакса... Нет, категорическое нет.

— Уверен, пиратам на том судне стало бы гораздо легче, если бы они узнали про это твое «категорическое нет», — сказал Ланс, вытягиваясь на своей кровати. — Вместо того,

чтобы без толку молотить языком, ты мог бы зайти к Джеймсу и поинтересоваться, не нужна ли ему помощь.

— Когда я уходил из каюты, он прекрасно справлялся и сам, — сказал Ринальдо. — И... эээ... вид его забинтованных конечностей отнюдь не услаждает мой взор, а мазь, которую они сварганили на пару с местным костоправом, вдобавок еще и страшно воняет. Ты не против, если я переночую тут? Я могу лечь на полу и много места не займу.

— А если Джеймсу ночью понадобится твоя помощь?

— Страницы перелистывать я ему точно не буду, — сказал Ринальдо. — И вообще, пусть леди Катрин за ним ухаживает. Или, как положено порядочной леди, пусть отрядит для этого свою горничную.

— Нет в тебе духа боевого товарищества, — заметил Ланс.

— Нет, — согласился Ринальдо. — Карлики не склонны к этой сентиментальной чуши.

— Твой рост — это еще не индульгенция.

— Ты не понимаешь, — сказал Ринальдо. — Дело не в том, что он высокий или волшебник или что-то вроде того. Дело в том, что он маркиз. Он признает тебя, как равного, потому что ты рыцарь, герой войны и у тебя какие-то дела с Балором, который начальник для всех их братии. Меня же он не признает равным никогда. Любую помощь, которую я могу ему оказать, он примет, как нечто само собой разумеющееся, и не будет испытывать благодарности. И по своей воле он никогда не окажет мне ответной услуги. Только если ты его попросишь, или у него будут какие-то свои интересы.

— И что с того? — спросил Ланс. — Ты делаешь добрые дела, только рассчитывая на благодарность?

— А иначе какой в них смысл? Я помог тебе, ты помог мне, в итоге нам обоим стало лучше. Вот так это должно работать.

— Слишком расчетливый подход, — сказал Ланс.

— Сразу видно, что ты никогда не был карликом, — сказал Ринальдо. — Список услуг, которые мы можем оказать, весьма ограничен, так что не стоит разбрасываться ими попусту и одаривать того, кто никогда не ответит тебе такой же любезностью.

— Но в недавней схватке ты здорово его выручил, — заметил Ланс. — Как же этот поступок вписывается в твою систему ценностей?

— Прекрасно вписывается, — заверил его Ринальдо.

— Нельзя ли немного подробнее?

— Бой — это другое, — сказал карлик. — В драке всегда есть четкое разделение на своих и чужих. Чужих ты убиваешь, своим ты прикрываешь спину, и рассчитываешь, что они ответят тебе тем же. В обычной же жизни эта стратегия не срабатывает.

— Джеймс все еще свой.

— Но чужих нет. И это сразу меняет весь расклад. К тому же, в драке у человека обычно нет времени, чтобы задумываться о таких вещах.

— Не хочешь же ты сказать, что если бы у тебя было время задуматься, тогда ты поступил бы иначе?

— Нет, — сказал Ринальдо. — По изложенным выше соображениям.

— Мне непонятно твое стремление выглядеть хуже, чем ты есть, — сказал Ланс.

— А мне непонятно, почему тебе непонятны столь очевидные вещи, — сказал Ринальдо. — Ведь судя по возрасту ты уже не должен быть столь наивен. Впрочем, человек твоих талантов и способностей вполне может позволить себе оказывать услуги даром,

ничего не требуя взамен.

— Ты пользуешься своим ростом, как оправданием для собственного бездействия, — сказал Ланс. — Когда-нибудь ты столкнешься с ситуацией, в которой этот подход перестанет работать.

— Можешь быть уверен, если так произойдет, ты узнаешь об этом первым, — заверил его Ринальдо. — А пока позволь мне остаться при своих, и давай поговорим о вещах, более приятных. Ты что-нибудь слышал про Десять Десятков?

— Десять десятков чего?

— Просто Десять Десятков, — сказал Ринальдо. — Так называют личную гвардию Джемалю ад-Саббаха. Ассасинов, созданных для убийства и впитавших в себя безжалостность пустыни.

— И чем эта тема тебе приятна? — поинтересовался Ланс.

— Тем, что ассасины водятся на юге, ты плывешь на юг, а я таки решил, что эта история обойдется без моего участия.

— Мудрое решение, — согласился Ланс.

— Зрелище людей, поджаривающихся на магическом огне вместе со своим кораблем, заставило меня переменить взгляды на это путешествие в целом, — сказал Ринальдо. — Я имею в виду, хорошо, что поджарились наши враги, но когда ты имеешь дело с волшебниками, у тебя нет никакой гарантии, что завтра не поджарят тебя. Опыт Красного Ястреба научил меня, что ситуация может поменяться очень быстро. Сегодня ты на коне и тебе кажется, что между тобой и твоей целью осталось только мелкое и легко преодолимое препятствие, а завтра ты уже летишь со своей собственной башни головой вниз.

— Так бывает, — согласился Ланс.

— Не пойми меня неправильно, — сказал Ринальдо. — Ты свиреп и могуч, и сражаешься, как герой из нехстати ожившей легенды, и я почти не сомневаюсь в том, что и в этом предприятии ты достигнешь успеха. Но когда Лев Пустыни обрушит на тебя свою магию, я предпочту быть подальше. Я хоть и мелкая мишень, но тоже могу попасть под удар, чего мне категорически не хочется. Конечно, если ты будешь настаивать... Но ты ведь не будешь?

— Не буду, — согласился Ланс. — К тому же, ты — всего лишь мой виночерпий, а я не уверен, что на юге у нас будет время пить вино.

— Еще одна причина, чтобы держаться от юга подальше, — сказал Ринальдо. — А другая причина — это Десять Десятков, о которых я начал тебе рассказывать.

— Почему их не называют просто сотней? — поинтересовался Ланс. — Так было бы короче и удобнее.

— Недостаточно зловеще? — предположил Ринальдо. — Недостаточно напыщенно? Как бы там ни было, говорят, что они всегда действуют отрядами по десять человек, если, конечно, этих исчадий ада можно называть людьми, и у их жертвы нет ни единого шанса.

— Так это оружие нападения, а не защиты?

— Несколько Десятков всегда находятся при Льве Пустыни, — сказал Ринальдо. — Остальные рыщут по континенту, выполняя его задания. Ходят слухи, что их видели даже на севере.

— И откуда тебе о них известно?

— Я подсмотрел в одной из книг, которые Плакса читает по ночам.

— Что еще там было написано?

— Они мастерски владеют всеми видами оружия, они не знают усталости, страха или сомнений. Их очень сложно убить, потому что они вроде бы и так уже частично мертвы, и только магия Джемалы ад-Саббаха поддерживает в них жизнь. Поэтому они послушны только его воле и признают только его приказы. С ними нельзя договориться, их бессмысленно просить о пощаде.

— Полезные ребята, — заметил Ланс.

— Если они на твоей стороне.

— Живые мертвецы... Я бы соврал, если бы сказал, что никогда не сталкивался ни с чем подобным. Знаешь, их эффективность может быть сильно преувеличена, особенно при использовании их в качестве ассасинов.

— С чего бы?

— Мертвый мозг не слишком гибок, — сказал Ланс. — Бесстрашие, неуязвимость и покорность воле хозяина не помогут в случае, когда надо быстро принять верное решение, а при работе ассасина такие случаи могут возникать довольно часто.

— Может быть, поэтому они и ходят по десять человек, — сказал Ринальдо. — А как вы убивали тех живых мертвецов, с которыми тебе пришлось иметь дело?

— Мы их не убивали, — ухмыльнулся Ланс. — Они были на нашей стороне.

— Я говорил тебе, что ты — один из самых странных типов, с которыми мне доводилось сталкиваться?

— Наверняка.

— Беру свои слова назад, — сказал Ринальдо. — Ты — не один из. Ты — самый странный.

— Я таких, как ты, тоже на каждом шагу не встречаю, — сказал Ланс.

— Значит, мы оба уникальны, — сказал Ринальдо. — И из нас бы наверняка получилась хорошая команда, если бы я был чуть более сумасшедшим и таки решил отправиться с тобой на юг.

А на следующий день налетел шторм.

Сначала это было просто небольшое скопление грозовых туч на горизонте, которое заставляло хмуриться капитана Мактига, потом подул порывистый ветер, тучи заволокли вес небо, волнение на море превратилось сначала в качку, а потом и вовсе в болтанку, и хлынул ливень. Поскольку ветер был попутным, капитан Мактиг принял решение не ложиться в дрейф, приказал ставить штормовые паруса, обложил трехэтажной руганью усомнившегося в этом решении рулевого и сам шагнул к штурвалу.

Когда волны стали перехлестывать палубу, вымокший до нитки Ринальдо решил, что он не настолько любопытен, и спустился вниз.

— Это первый шторм, который я застаю на море, и мне он уже не нравится, — сообщил он Лансу. — Вообще, это путешествие слишком насыщено событиями. Пираты, шторма... Жду не дождусь, когда я сойду на берег в Лонгхилле. Может ли быть что-нибудь лучше, чем надежная опора под ногами, не норовящая ускользнуть из-под тебя, когда ты делаешь очередной шаг?

— Ты весь мокрый, — сказал Ланс. — Не мог бы ты капать на пол в своей каюте?

— Я бы с радостью, но там Плакса показывает леди Катрин какие-то рукописи, — хихикнул Ринальдо. — Если теперь это у волшебников именно так называется. Хотя, знаю Плаксу, я не удивлюсь, если выяснится, что именно этим они и занимались. Читали.

— Ты мог бы заняться горничной, пока ее хозяйки нет рядом.

— Не думай, что я не пытался, — сказал Ринальдо. — Как назло, леди Катрин захватила с собой самую несговорчивую из всех служанок, что вообще были в замке.

— Значит, тебе снова не повезло.

— Ага, ты начинаешь понимать, — сказал Ринальдо. — А что это за звук?

— Снасти скрипят.

— Что-то они больно громко скрипят.

— Так бывает при возросших нагрузках, — объяснил Ланс. — Например, в шторм.

— Я уже говорил, что мне не нравится шторм?

— Буквально минуту назад.

— Сколько он может продлиться?

— Понятия не имею. От нескольких часов до нескольких дней, а то и недель.

— Мне очень не нравится шторм, — сказал Ринальдо.

— Капитан Мактиг ходит на «Индеворе» восемь лет, и наверняка это не первый шторм, в который он попадает. Не думаю, что тебе стоит беспокоиться.

— Почему люди так часто пытаются успокоить себя статистикой? — поинтересовался Ринальдо. — Какое им дело до того, что в девяносто девяти случаев из ста корабль благополучно приходит в порт назначения, если они могут плыть на том самом единственном корабле, который в порту больше никогда не увидят? Кто-то ведь должен плыть и на этом корабле.

— Определенный риск есть всегда, — согласился Ланс. — Но я не вижу смысла беспокоиться о ситуации, на которую я все равно не могу повлиять.

— А ты точно не можешь?

— Точно.

— С пиратами у тебя неплохо получилось.

— Тебе Джеймс рассказал?

— Я и сам не дурак, — обиженно заявил Ринальдо. — Впрочем, Плакса не стал отрицать очевидное, когда я пристал к нему с расспросами. Почему ты до сих пор не правишь миром, этим или каким-нибудь другим?

— А зачем?

— Не знаю, — сказал Ринальдо. — Но посмотри на этих колдунов. По крайней мере половина из них точно озабочена идеями о мировом господстве. Ну, или просто о власти. Алый Ястреб был таким, Балор такой, о Льве Пустыни, на встречу с которым ты поплывешь, и упоминать не стоит.

— К власти стремятся не только чародеи.

— Но именно у чародеев это желание ярче всего выражено.

— Среди волшебников много людей с амбициями, — сказал Ланс. — Кроме того, магия позволяет повелевать предметами. Нет ничего удивительного, что после многих лет занятия магией у волшебников возникает желание повелевать и людьми. Сила и власть... Знаешь, в некоторых языках эти понятия обозначаются одним и тем же словом.

— А, вот вспомнил, — сказал Ринальдо. — Еще Десять Десятков называют Безликими.

— Интересно, почему?

— Не знаю. В этот момент как раз вошел Плакса и мне пришлось прекратить чтение.

— Не думаю, что он был бы против.

— С этими волшебниками ничего не известно наверняка. Извини.

— Ерунда, — сказал Ланс. — Я все равно не чувствую себя волшебником.

Шторм не утихал.

Снасти скрипели, ветер рвал паруса, матросы неустанно выкачивали из трюма заливавшуюся туда воду. Снадобье, которое готовил Плачущий, перестало помогать, и леди Катрин больше не выходила из своей каюты. Ринальдо сделался молчалив, съежился и позеленел. Ланс даже начал переживать за его здоровье.

Капитан Мактиг заявил, что это не самый страшный шторм на его памяти, и пока ветер попутный, «Индевор» будет идти под парусами. Ланс не возражал. По большому счету, ему было все равно.

Он целыми днями валялся в своей каюте, читал одолженные у Плачущего книги и пытался представить, что ждет его на юге. Составить общую картину по обрывкам информации, которой обладала Ложа северных волшебников, было практически невозможно.

Глава девятая. Алхимик

В жизни многое зависит от везения.

Если вам тринадцать лет, вы умны, сметливы и имеете склонность к точным наукам, то, скорее всего, вы станете крестьянином, как ваш отец, а до этого его отец, а до этого многие поколения ваших предков. Но если на ежегодной городской ярмарке вам посчастливится встретить единственного городского алхимика и оказать ему незначительную услугу, он может взять вас в подмастерья, и тогда ваша жизнь сложится совсем по-другому.

Терпену повезло.

Конечно, в тринадцать лет он ни о чем таком не думал. Просто он увидел пожилого человека с трясущимися руками и следами ожогов на лице, помог ему собрать высыпавшиеся из корзины овощи и взялся донести покупки до дома. А по дороге они разговорились, и выяснилось, что алхимику нужен помощник, чья рука при смешивании нужных ингредиентов не будет предательски дрожать.

Так отец Терпена получил десять золотых компенсации (на эти деньги он купил себе племенного быка и смог нанять двоих помощников), а Терпен остался жить в городе.

В семнадцать лет Терпену не повезло.

Королевство вступило в войну, городу предъявили требование поставить по поле брани три сотни бойцов. Город был небольшой, искомого количества солдат в нем не обнаружилось, и на войну отправили всех, кто не был особо ценен и не успел вовремя убежать или откупиться от призыва. Разносчики, подмастерья и приказчики, словом, все те, без кого жизнь бы не остановилась, отправились защищать интересы своего сюзерена в места, о которых они раньше даже не слышали.

На войне Терпен провел целых пять лет. Он научился владеть пикой, мечом и щитом, атаковать и защищаться в пешем строю, карабкаться на крепостные стены и биться на узких городских улочках.

Он выжил. Наверное, это тоже можно назвать везением.

Когда он вернулся домой, с кривым шрамом на лице и без двух пальцев на левой руке, у алхимика, конечно же, был новый подмастерье. Терпен отвел его в сторону и предложил денег, ненавязчиво поигрывая кинжалом в сохранившей все свои пальцы руке. Подмастерье оказался понятливым, деньги взял, и уже наутро исчез из города, после чего Терпен с удовольствием вернулся к колбам, ретортам и опасным экспериментам.

Через два года алхимик умер, и Терпен унаследовал его дело. Еще через два года его удостоил визитом сам глава совета Ложи Волшебников Балор Огнерожденный.

Терпен хотел было показать ему свою лабораторию, но Балор предпочел беседовать в небольшом саду, разбитом за домом алхимика. Балор, в целом, Терпену понравился, а вот его ученик с бесстрастным лицом и мертвыми глазами — нет.

Терпен разлил по чашкам чай из маленького чайничка, и Балор сделал глоток, прежде, чем начать разговор.

— До нас дошла информация, что вы создали некую жидкость, — сказал он. — Прозрачную и на вид ничем не отличающуюся от воды. Вода — это источник жизни, но и она может быть источником разрушений. Селевые потоки сносят с лица земли селения,

океанские волны могут затапливать целые города. В отличие от воды, жидкость, которую вы создали, нельзя пить, но она имеет разрушительные свойства, не так ли? И, опять же, в отличие от воды, для того, чтобы вызвать катастрофические последствия, требуется совсем чуть-чуть этой жидкости.

— Да, мессир, — Терпен чуть склонил голову. — Устроить вам демонстрацию?

— Не стоит, — сказал Балор. — Я знаю, как выглядит вода, чтобы просто посмотреть на эту жидкость в спокойной ее ипостаси. И я не хочу тревожить мирных горожан, ради того, чтобы увидеть ее разрушительную сторону. Я верю вам, Терпен, и поэтому я просто спрошу. Сколько этой жидкости нужно, чтобы уничтожить... ну, скажем, этот дом?

— Потребуется объем, примерно равный объему вашей чашки, мессир.

— Хм, — сказал Балор. — И на что это будет похоже?

— На ураган, дующий одновременно во все стороны, — сказал Терпен. — Очень сильно и очень недолго.

— Происходит освобождение большого количества энергии в ограниченном объеме за малый промежуток времени, — бесстрастно сказал Счетовод. — В результате чего образуется сильно нагретый газ с великим давлением, который оказывает механическое воздействие на окружающие тела. Иными словами, разрушает их.

— Вы читали мои отчеты, — просиял Терпен.

— Читал, — согласился Счетовод. — И нашел их весьма познавательными.

— О какой энергии идет речь? — поинтересовался Балор.

— О химической, мессир.

— Значит, это не магия?

— С виду это может быть похоже на магию, мессир. Но на самом деле это не так.

— Крестьяне не поймут разницы, — сказал Счетовод. — Впрочем, благородные господа ее тоже не поймут.

— Если им объяснить... — начал Терпен.

— Как вы назвали ваше открытие? — поинтересовался Балор.

— Пока никак, мессир. Не то, чтобы я не думал о названии, но жидкость сейчас находится на стадии доработки, и мне казалось, что есть и более насущные проблемы...

— Никак, — констатировал Балор. — Как насчет «терпентума»? Нравится вам такое название?

— Это было бы слишком нескромно.

— Я все время забываю разницу между волшебниками и алхимиками, — криво ухмыльнулся Балор. — Волшебники амбициозны и тщеславны, алхимики — скромны. А скажите, Терпен, какое вы видите применение этому своему изобретению? Помимо военного, разумеется.

— Расчищать завалы, мессир. Выкорчевывать деревья.

— Двигать горы, — продолжил за него Балор. — Напомните мне девиз Дома Алхимиков, друг мой.

— Мир познаваем, — сказал Терпен.

— Мир познаваем, но ваша жидкость не помогает познавать мир, — сказал Балор. — Она помогает его разрушать.

— Я уверен, что мы сможем обеспечить необходимые системы контроля...

— Знаете, в чем главная опасность вашего изобретения? — поинтересовался Балор. — Оно создает очень неприятный прецедент. Неприятный в первую очередь для нас,

волшебников. До вчерашнего дня самым опасным оружием в этом мире считалась магия. Самым мощным, самым разрушительным. Меч или копье убивают по одному человеку за раз, каменный блок, запущенный из требюшета, может убить десяток людей, или несколько десятков, если они стоят кучно. Заклятия Огненный Шквал и Цепная Молния могут убить до сотни людей. А ваша жидкость может уничтожать тысячи. Стирать с лица земли целые замки. Да что там замки, целые города.

— Торин Безумный...

— Торин Безумный — это история, — отрезал Балор. — Мы говорим не о вчерашнем дне. Мы говорим и дне сегодняшнем. И, возможно, о завтрашнем. Для того, чтобы разить врагом Огненным Шквалом или Цепной Молнией, человек должен обладать талантом и потратить несколько десятилетий для овладения искусством. А воссоздать эту вашу жидкость может любой человек, овладевший грамотой. Ему достаточно только знать рецепт и раздобыть нужные ингредиенты.

— Производство достаточно сложное...

— Любое механическое производство можно поставить на поток, — сказал Балор. — Это не вопрос талантов или искусства. Это вопрос денег. Купить услуги волшебника стоит очень дорого. Купить пару склянок с терпентумом.... Какую бы цену вы за него ни назначили, это в любом случае обойдется дешевле. И более того, я уверен, что такого секрета не утаить. Как только вы первый раз примените свою жидкость на публике, найдется сотня людей, которая попытается воспроизвести этот эффект. Пусть успеха достигнет только десяток из них, этого будет вполне достаточно, чтобы мир, каким мы его знаем, изменился навсегда.

— Войны станут совсем другими, — заметил Счетовод.

— Все станет другим, — сказал Балор. — Терпен, мы изъяли все упоминания о вашем изобретении из отчетов дома алхимиков. И я хочу, чтобы вы немедленно прекратили всякие работы по усовершенствованию вашей... жидкости. Каков на данный момент общий объем произведенного вами продукта?

— Около трех литров, мессир.

— Хватит, чтобы уничтожить половину этого города, — заметил Счетовод. — Впрочем, это очень небольшой город. Вряд ли о нем будут жалеть. Как и о вас.

— Это угроза? — осведомился Терпен.

— Это просто факт, — сказал Счетовод. — Один из многих.

— Мы не угрожаем, — сказал Балор. — Поверьте, если бы мы были заинтересованы в вашей смерти, вы уже были бы мертвы. Я вижу в вас огромный потенциал, и не люблю разбрасываться подобными талантами. Но о ваших изысканиях придется временно забыть. Занимайтесь тем, чем обычно занимаются алхимики. Варите зелья, смешивайте эликсиры. Придет время, и мы еще вернемся к этому разговору.

Прошло шесть долгих лет. Терпен занимался тем, чем и положено заниматься алхимикам, варил зелья, смешивал эликсиры и даже не подумывал о создании веществ, которые могли бы назвать его именем. И спустя эти шесть лет Балор появился снова. На этот раз он тоже был не один, но сопровождал его не Счетовод.

— Это Меррик, — представил Балор своего спутника. — Должно быть, вы слышали с нем. Меррик стал самым молодым волшебником, вошедшим в Совет Ложи.

— Да, мессир, — Терпен чуть склонил голову в вежливом приветствии.

— Я говорил, что придет время, и мы еще вернемся к тому разговору, — сказал Балор. — Время пришло.

— Я думал, вы забыли обо мне, мессир.

— Как видите, друг мой, я ничего не забыл, — сказал Балор. — Вы еще помните, как создавать терпентум?

— Конечно, мессир.

— На всякий случай я прихватил с собой ваши записи.

— В них нет необходимости.

— Тем лучше, — сказал Балор. — Можете ли вы сказать, какое количество вашей смеси потребуется, чтобы уничтожить целую крепость? Большую, хорошо укрепленную крепость? И не просто разрушить, а растереть ее в песок? В пыль? Чтобы и воспоминаний о ней не осталось?

— При всем моем уважении, воспоминания все равно останутся, — сказал Терпен. — В виде воронки в земле.

— Ничего не имею против таких воспоминаний, — заявил Балор. — Итак, сколько?

— Мне нужно знать приблизительные размеры замка, мессир.

— Например, Штормовой замок в Эталии.

— Вы хотите уничтожить Штормовой замок? — удивился Терпен. — Но это же традиционная резиденция первого министра и сейчас ее занимает Алый Ястреб...

— Я не хочу уничтожать Штормовой замок. Я привел его лишь в качестве примера, чтобы вы лучше могли представить то, чего я от вас хочу.

— Пять литров, — прикинул Терпен. — Может быть, шесть. Но сосуды лучше распределить в разных местах, чтобы усилить эффект. Для этого неплохо было бы видеть схему, по которой построен замок...

— Я так и думал, — кивнул Балор. — Значит, нам потребуется десять-двенадцать литров и человек, разбирающийся в архитектуре. Вы же разбираетесь в архитектуре, Меррик?

— Да, мессир.

— А вы, Терпен, можете создать необходимое нам количество смеси. Не за свой счет, разумеется. Ложа оплатит все расходы и добавит сверху столько, сколько вы скажете.

— Здесь есть одна проблема, мессир, — сказал Терпен.

— Что за проблема?

— Жидкость... терпентум крайне нестабилен. Его опасно переносить даже из комнаты в комнату. Стоит уронить пробирку, и... Перевозить его на большие расстояния невозможно. Лошадь дернется, колесо телеги попадет в яму...

— И будет воронка в земле, — пробормотал Меррик. Было видно, что его такая перспектива совсем не радует.

— Верно, — согласился Терпен. — Будет воронка. Большая.

— С этим можно что-нибудь сделать? — поинтересовался Балор.

— Я наверняка мог бы устранить эту нестабильность, если бы мне было дозволено продолжать работы... Но сейчас мне даже трудно сказать, сколько времени на это потребуется.

Балор досадливо поморщился и манул рукой.

— Время становится для нас решающим фактором, — сказал он. — Решено, вы соберете все оборудование и нужные ингредиенты и отправитесь вместе с Мерриком и его людьми,

чтобы создать терпентум на месте. Это возможно?

— Да, мессир.

— Значит, готовьтесь к большому путешествию.

— А где находится крепость, которую необходимо уничтожить?

— Очень далеко отсюда, — неопределенно сказал Балор. — Сейчас я не могу вам этого сказать.

— Значит, меня не будет здесь очень долго?

— Год, — сказал Балор. — Может, чуть больше, может, чуть меньше, но вам стоит ориентироваться на этот срок. А что, вас что-то держит в этих краях? Кроме вашей лавки, разумеется?

— Нет, мессир. Но лавка... Горожане рассчитывают на меня...

— Я попрошу Дом Алхимиков, чтобы вам подыскали временную замену.

— Насколько я понимаю, вы хотите, чтобы я отправился в далекое путешествие с неизвестным мне пунктом назначения, создал там взрывоопасную смесь и разрушил какую-то большую крепость, — подытожил Терпен. — И выбора у меня нет?

— Все подробности вы узнаете по мере приближения к конечной цели путешествия, — сказал Балор. — И да, вы поняли совершенно правильно, выбора у вас нет. Существуют вещи, которые необходимо делать, существуют пути, который должны быть пройдены. Независимо от вашего или моего желания.

И вот теперь алхимик трясся в седле, а за ним следовало восемь вьючных лошадей, нагруженных всем необходимым для похода. Людей же в экспедиции было всего пятеро. Сам Терпен, Меррик, который возглавлял поход, двое подмастерьев-алхимиков, находящихся на уровне «принеси-подай», но уже связанных печатью молчания, наложенной на них при вступлении в Дом. Пятым был Раймон, угрюмый неразговорчивый маг в длинном плаще с капюшоном, полностью скрывающим лицо. По некоторым косвенным признакам Терпен опознал в нем волшебника, специализировавшегося в боевых искусствах, но проверить свою догадку никак не мог, ибо Меррик не отвечал на вопросы относительно их пятого спутника, сам Раймон за время путешествия вообще проронил только пару слов, а подмастерья, хоть и были словоохотливы в беседах со старшим членом гильдии, ничего полезного на интересующую Терпена тему сообщить все равно не могли. Их и вытащили-то из какой-то глухой провинции и они знали о происходящих в мире событиях и цели их походе еще меньше Терпена.

Да и сам Терпен о конечной цели путешествия еще толком ничего не узнал, за исключением того факта, что находится она где-то на юге.

Глава десятая. Последствия шторма

Ланс и Плачущий склонились над картой, разложенной на большом столе в капитанской каюте. Мактиг почесал бороду и зевнул.

— Вы смыслите в навигации? — поинтересовался он.

— Немного, — сказал Ланс.

— Нет, — сказал Плачущий.

— Тогда я вам объясню, — сказал Мактиг. — Как вы должны были заметить, шторм продолжался две недели, и все это время мы шли, не убирая парусов, потому что ветер был попутным.

— Вы хотите сказать, что поскольку ветер был не только попутным, но еще и сильным, мы прошли куда большее расстояние, чем рассчитывали? — поинтересовался Ланс.

— Именно так, — удовлетворенно кивнул Мактиг.

— И где мы сейчас находимся?

— Здесь, — капитан ткнул пальцем в карту.

— Ого, — сказал Ланс.

— Я не понимаю, — сказал Плачущий.

— Мы проскочили Лонгхилл, — объяснил ему Ланс. — И не просто проскочили, а пронесли мимо со скоростью... э... урагана. По сути, сейчас мы куда ближе к Рияду, чем к Лонгхиллу. Я правильно понимаю, капитан?

— Да, — подтвердил Мактиг. — Более того, ветер по-прежнему попутный, и если он не изменится, мы будем в Рияде уже через неделю.

— А если мы развернемся и пойдем в Лонгхилл, чтобы высадить пассажиров, то мы потеряем... сколько мы потеряем?

— Три-четыре недели в лучшем случае, — сказал Мактиг. — Во-первых, нам придется идти против ветра, во-вторых, начинается сезон штормов, и со следующим штормом нам может не повезти так, как повезло с этим.

— Но мы же должны были высадить леди Катрин... — начал Плачущий.

— Это море, — перебил его капитан. — Мы собирались высадить пассажиров в Лонгхилле, но море решило иначе.

— Вы же смыслите в навигации, — сказал Плачущий. — Вы не могли не знать, что мы пройдем мимо. Почему же вы не спустили паруса и не легли в дрейф?

— И потерять такой ветер? — изумился Мактиг. — Теперь послушайте меня...

— Вы нарушаете договоренности!

— У меня контракт на доставку двоих волшебников на юг. Дополнительные пассажиры в этом договоре не упоминаются. Я был не против высадить их в Лонгхилле, потому что это было по пути, и мы бы не сильно отклонились от курса. Но море рассудило иначе, и сейчас это уже не по пути, и отклонение от курса будет слишком большим. А теперь расскажите мне, какие договоренности я нарушил? Через неделю мы будем в Рияде.

— Если вы не развернете судно, — сказал Плачущий.

— Мне бы очень не хотелось его разворачивать, — с некоторым нажимом в голосе сказал капитан Мактиг. — Это воды опасны не только штормами, и чем меньше мы проведем здесь времени, тем лучше для нас.

— Вы...

— Мы обсудим сложившуюся ситуацию наедине, — сказал Ланс. — И дадим вам знать о нашем решении, капитан.

— Как вам будет угодно, — ухмыльнулся капитан.

— Заставь его развернуть корабль, — прошипел Плачущий, едва они вышли за порог капитанской каюты. — Так же, как заставил его идти в Рияд. Ты же можешь, я знаю.

— Мы потеряем целый месяц, — сказал Ланс.

— И что с того?

— Я не хочу терять еще месяц, — сказал Ланс. — Кроме того, я уверен, Балор бы этого решения тоже не одобрил.

— Плевать на Балора, — сказал Плачущий. — Ты же не хуже меня понимаешь, что путешествие в Рияд скорее всего станет путешествием в один конец для нас обоих. И что случится с леди Катрин? Мы не можем бросить ее в Рияде.

— Это ты не можешь, — заметил Ланс. — Я могу.

— Ты же...

— Кроме того, нам совсем необязательно бросать ее в Рияде. Мы сойдем на берег, «Индевор» уйдет на север и высадит ее в Лонгхилле на обратном пути.

— Я не могу оставить ее наедине с командой. Кто о ней позаботится? Служанка? Карлик? Эти матросы не вызывают у меня доверия. Они и сами наполовину пираты.

— Говори тише, — посоветовал Ланс. — Пока мы хотя бы не добрались до моей каюты.

— Ты заставишь его развернуть корабль?

— Я не вижу в этом смысла.

— Ты спешишь навстречу смерти, — сказал Плачущий. — Но зачем тащить за собой других? Ладно, я, у меня нет выбора, но остальных-то зачем?

— Можно обойтись малой кровью, — сказал Ланс. — Если ты не хочешь, чтобы леди Катрин отплыла на «Индеворе», мы все можем сойти в Рияде, откуда я отправлюсь на встречу с ад-Саббахом, а ты, вместе со своим золотом, позаботишься о судьбе остальных.

— Балор узнает правду.

— Что толку, если он далеко на севере?

— Да и дело даже не в этом, — сказал Плачущий. — Рияд — это змеиное гнездо. Я не думаю, что чужакам там так уж просто выжить, независимо от того, есть у них деньги или нет.

— Деньги очень часто повышают шансы на выживание.

— Но мы же не знаем, что там происходит! — снова повысил голос Плачущий. — Мы вообще ни черта об этом не знаем!

Ланс пожал плечами.

— Вряд ли там отменили золото, — сказал он.

— А если на нас нападут? Если реквизируют корабль?

— Ты слишком много беспокоишься, Джеймс.

— Я беспокоюсь не о себе!

— И я нахожу это похвальным, но... Твой учитель не читал тебе лекции о допустимых жертвах?

— Нет.

— Странно, — заметил Ланс. — Обычно волшебники заранее проговаривают со своими учениками такого рода вопросы.

Они добрались до каюты и Ланс обнаружил, что дверь заперта изнутри. Ланс пнул дверь ногой и поинтересовался у Ринальдо, не слишком ли тот обнаглел.

После непродолжительной серии шорохов и подозрительного звяканья, Ринальдо открыл дверь.

— Так я чувствую себя спокойнее, — объяснил он. — О! Судя по вашим лицам, мы вот-вот вляпаемся в очередные неприятности. Что на этот раз? Опять пираты? Флот Джемалея ад-Саббаха? На нас движется еще один шторм? Или что-то еще более экзотическое?

— Мы не вляпаемся. Для нас с Джеймсом мало что изменилось, — гневный взгляд Плачущего дал понять, что это не совсем так. — А вот вы вляпаетесь.

— И во что? — осведомился Ринальдо, выглядывая в коридор и снова закрывая дверь на щеколду.

— Из-за шторма мы прошли мимо Лонгхилла, — объяснил Плачущий. — И сейчас мы всего в неделе пути от Рияда.

— О, — снова сказал Ринальдо. — Похоже, теперь все мы станем героями.

— А еще сэр Ланселот собирался прочесть мне лекцию о допустимых жертвах.

— Это не совсем лекция, — сказал Ланс. — Скорее, речь идет о некой концепции, согласно которой ради достижения цели можно пренебречь риском для определенного количества людей.

— Я уловил эту мысль еще из названия, — сказал Плачущий. — И она мне не нравится уже потому, что у нас с тобой противоположные цели. Я, знаешь ли, очень хочу жить. А ты стремишься умереть.

— Не понял, — сказал Ринальдо. — Кто это тут стремится умереть?

— Сэр Ланселот и стремится, — сказал Плачущий. — Он слишком стар, слишком могуществен и слишком устал от всего этого, не так ли?

— В общих чертах.

— И...э... как давно это тебе известно, Плакса?

— Едва ли не с самого начала путешествия.

— Тогда почему я об этом узнаю только сейчас? — оскорбился Ринальдо.

— Потому что раньше это не имело для тебя никакого значения, — сказал Ланс. — Ты ведь должен был сойти на берег раньше, чем мы прибудем на юг.

— Прелестно, — сказал Ринальдо. — Но это многое объясняет. В частности, твои эскапады в Штормовом замке и столь легкое согласие на предложение, которое тебе сделал Балор. Значит, ты не собираешься убивать Джемалея ад-Саббаха?

— Там видно будет, — буркнул Ланс.

— И снова прелестно. То есть, мы высадимся в Рияде, занятом целой армией этих чертовых южан, пробьемся сквозь толпу охранников, войдем в дворец правителя, и там тебе станет видно, стоило оно того или нет?

— Я тебя собой не зову. Вообще никого из вас не зову.

— А есть альтернативы? — осведомился Ринальдо. — Мы можем развернуть корабль?

— Теоретически, можем. Но капитан Мактиг и сэр Ланселот против этого, — сказал Плачущий. — Они не хотят терять время и путный ветер, и им плевать, если из-за этого кто-то потеряет свои жизни.

— А давайте не будем паниковать раньше времени? — предложил Ланс. — Доплывем до Рияда...

— И будем паниковать уже там? — уточнил Ринальдо. — Рияд — это осиное гнездо...

— А Джеймс сказал, что змеиное.

— Разница не столь принципиальна, — Ринальдо почесал подбородок. — В любом из этих гнезд человека подстерегает смертельная опасность.

— Сейчас он расскажет тебе про допустимые жертвы, — сказал Плачущий. Опасность на время заставила его забыть о социальных различиях, и он обращался к шуту, как к равному.

— Мы пойдем в Рияд, — сказал Ланс. — Посмотрим, что там к чему. А потом уже будем решать, что делать дальше.

— Если нам любезно предоставят такую возможность, — заметил Плачущий.

— Мне все же кажется, что все эти рассказы об ужасах юга сильно преувеличены, — сказал Ланс. — Вот, например, эта история с реквизированными купеческими кораблями. Если Джемаль отбирает все корабли и никто больше не может выбраться с юга, откуда эта история вообще известна? И почему мы до сих пор не встретили ни одного из них?

— Так это же хорошо, что мы ни одного не встретили, — сказал Ринальдо.

— Но, судя по рассказам, их же десятки, если не сотни, — сказал Ланс.

— Шторм кончился только вчера, — заметил Плачущий. — Возможно, нам пока просто везет.

— Пусть нам везет и дальше, — сказал Ланс. — Потому что я считаю, что капитан Мактиг прав и разворачивать «Индевор» не собираюсь.

— Прелестно, — сказал Ринальдо.

Леди Катрин восприняла новости с поистине стоическим спокойствием. Выслушав Плачущего, она пожала плечами и сказала, что так тому и быть, и она готова верить свою судьбу в руки богов.

Ветер по-прежнему был попутным, и корабль летел под полными парусами. Капитан Мактиг громогласно заявил, что это хороший знак, но команда все равно нервничала, и впередсмотрящий не спускался из своего гнезда, высматривая на горизонте признаки угрозы.

Спустя пять дней после шторма капитан Мактиг в очередной раз уточнил курс и сам встал к штурвалу. К утру на горизонте появилась береговая линия, которую можно было рассмотреть в подзорную трубу. Плачущий сразу смекнул, что люди на берегу тоже могут рассмотреть «Индевор» и занервничал еще больше.

Команда притихла. Никто больше не пел по вечерам залихватских пьяных песен, смешки, временами доносившиеся из трюма, стали совсем невеселыми.

Но, вопреки повисшему над кораблем призраку тревоги, с «Индевором» больше не происходило никаких неприятностей. Они так и не встретили ни одного военного корабля Джемалья ад-Саббаха, равно как не встретили и ни одного торгового судна, и даже ни одной рыбацкой лодочки. Кавалерийские отряды кочевников не скакали на берегу, никто не подавал ночами никаких сигналов, погода стояла прекрасная и ярко светило Солнце.

Утром седьмого дня капитан Мактиг позвал Лансу и Плачущего на верхнюю палубу, вручил им свою подзорную трубу и указал рукой, в каком направлении им следует смотреть.

— Рияд, — объявил капитан. — Отсюда уже можно разглядеть их сторожевые башни.

— Вижу, — сказал Ланс. — Капитан, а вам не кажется странным, что мы так никого и не встретили? Безусловно, я рад, что припортовые воды не кишат разными судами, но хоть какие-то признаки жизни же тут должны быть.

— Кажется, — нахмурился капитан.

— Я вам больше скажу, — заявил Плачущий, утирая слезы. — В их порту не видно ни одного корабля. Ни паруса, ни даже единой мачты.

— Не похоже на порт столичного города молодого и быстро растущего государства, — заметил Ланс.

— Дайте мне трубу, — попросил Плачущий. Ланс передал ученику чародея оптическое приспособление, Плачущий поднес его к лицу и слезы снова хлынули из его глаз. — Город пуст. Никакого движения ни в порту, ни на улицах.

— Может быть, они еще не проснулись? — предположил увязавшийся на Лансом Ринальдо. — Говорят, что жителям этих краев доступна мудрость, неизвестная в северных землях. Возможно, нежелание вставать рано утром и есть часть этой самой мудрости.

— Так не бывает, — сказал Ланс. — Или Джеймс ошибается, или...

— Или что? — осведомился Ринальдо.

— Не знаю, — сказал Ланс. — Может быть, город выкосила чума.

— Тогда на улицах были бы трупы, — возразил Плачущий. — А трупов не видно. Улицы просто пусты. И площади тоже. Такое впечатление, будто Джемаль ад-Саббах уже ушел в свой великий поход через пустыню и заодно всех горожан с собой прихватил.

У Ланса засосало под ложечкой.

Он привык доверять своим предчувствиям, и они редко его подводили. Неприятной стороной этой его особенности был тот факт, что появившееся за долгие годы жизни шестое чувство предвещало исключительно что-то плохое. Возможно, это тоже было частью родового проклятия.

Глава одиннадцатая. В Рияде все спокойно

«Индевор» бросил якорь в порту Рияда. Капитан Мактиг приказал спустить оставшиеся паруса, матросы попрыгали вниз, поймали швартовы, притянули корабль к причалу и намотали тросы на кнехты. В порту не были видно ни одного человека, и «Индевор» был единственным кораблем, зашедшим на стоянку.

— Сейчас полдень, — сказал Ланс капитану. — Если мы не вернемся до вечера, отплывайте без нас.

— Именно так я и поступлю, сэр, — кивнул Мактиг.

Ланс нацепил на себя перевязь с оружием. Плачущий тоже вооружился мечом и кинжалом. Несмотря на жару, под легкую куртку ученик чародея надел кольчужную рубашку.

— Вы уж лучше возвращайтесь, — сказал Ринальдо. — Я буду скучать по вам обоим. Конечно, по тебе куда меньше, Плакса, но все же...

— Желая вам удачи, храбрые рыцари, — напутствовала их леди Катрин. На этот раз Плачущий не стал ее поправлять.

Они спустились на причал. Скрипели доски, ветер свистел в натянутых тросах «Индевора», а больше никаких звуков до них и не доносилось. Город погрузился в безмолвие.

Нехорошие предчувствия нахлынули на Ланса с новой силой. Такую вот тишину он особенно не любил.

Доки выглядели покинутыми. Не брошенными в спешке, не вымершими от какой-то неожиданной напасти, а именно покинутыми. Ланс не увидел ни одного тюка, свертка, сундука или баула, оброненного или выкинутого за ненадобностью. Словно по территории порта прошла армия термитов и вынесла оттуда все, кроме зданий.

Впрочем, и сам город производил такое же впечатление. Дома стояли целые и невредимые, на улицах не валялся мусор, лавки были аккуратно закрыты, торговые лотки стояли без товара.

Город-призрак, двое людей и дующий с моря ветер.

Ланс поневоле начал чувствовать себя персонажем из вестерна. А персонаж из вестерна непременно должен... Да и какого черта уж теперь, подумал Ланс и наколдовал себе зажженную сигарету.

— Что это? — немедленно поинтересовался Плачущий.

— Мне это не повредит, — сказал Ланс. — А тебе это не нужно.

— Вот теперь ты заговорил, как настоящий волшебник, — сказал Плачущий. — Ты даешь ответы, которые на самом деле ни на что не отвечают.

Ланс с удовольствием затаился.

— Город как будто вымели метлой, — сказал Плачущий. — Это не чума. Последствия эпидемий выглядят совсем не так.

— Или же мы имеем дело с какой-то новой разновидностью чумы, — сказал Ланс.

— Ты на самом деле так думаешь?

— Нет. Я просто стараюсь не строить версий, пока у меня нет достаточного количества фактов.

— Болезни оставляют после себя трупы, — сказал Плачущий. — Особенно эпидемии,

выкашивающие целые города. А трупы обычно видно.

— Если их не сжигают.

— Если их сжигают, то обычно видно погасшие костры, прах и пепел.

— Мы еще слишком мало видели, — Ланс свернул на небольшую улочку. Плачущий последовал за ним.

— Возвращаясь к разговору о допустимых жертвах, — сказал он. — Я могу принять эту логику, когда речь идет о достижении какой-то цели. Но ведь ты, как я понимаю, все еще не собираешься убивать Джемалю ад-Саббаху. Значит, эти жертвы будут принесены зря. Или же ты считаешь, что твоя смерть этого стоит?

— Мне самому не нравится эта концепция, Джеймс, но я слишком устал ждать, — сказал Ланс. — Задержка в пути на целый месяц, риск угодить в очередной шторм...

— Это звучит слишком эгоистично.

— А я никогда и не выставлял себя радетелем за общее благо, — сказал Ланс. — Город пуст. Очевидно, что ад-Саббаху здесь нет. Что мешает тебе сесть на корабль и отплыть с леди Катрин в Лонгхилл?

— Сущие пустяки, — сказал Плачущий. — Данное мной слово, Совет Ложи, Балор.

— Есть также теория, и я не говорю, что я эту теорию разделяю, но все же она есть, что если история на определенном своем этапе требует человеческих жертв, то стоит ей эти жертвы принести, — Ланс остановился на пороге небольшой лачуги и выбил хлипкую дверь ногой. — Потому что, как ни крути, история все равно свое возьмет.

— Эта теория мне тоже не нравится.

— Да она никому не нравится, — Ланс заглянул в лачугу. Чистенько, бедненько, пусто. Минимум дешевой мебели — стол, пара табуретов, кровать. На столе горстка вымытой посуды. На стене висела одежда, похожая на выходной костюм докера. Ни беспорядка, ни остатков еды, ничего, что говорило бы о недавнем человеческом присутствии.словно хозяин прибрался в доме и просто ушел из него в чем был. Ушел, чтобы никогда не возвращаться. — Особенно она не нравится тем, кого заранее причисляют к жертвам.

— И я могу их понять, — сказал Плачущий, пока Ланс вламывался в соседний дом. — Что там?

— То же самое, — сказал Ланс. — То есть, ничего.

— Ну, ладно еще жертвы... — сказал Плачущий. — Жертвой быть плохо в любом случае. А как насчет палачей? Ведь история не сама кого-то убивает, убивают другие люди. Я не хотел бы никого убивать только потому, что этого, дескать, требуют исторические процессы.

— Тогда ты родился слишком рано.

— В каком смысле?

— В том смысле, что ты опережаешь свое время, — сказал Ланс. — На данной стадии развития цивилизации не принято задаваться вопросами о ценности человеческой жизни и забивать себе голову прочим гуманизмом.

— Человеческая жизнь кажется мне довольно ценной, — сказал Плачущий. — По крайней мере, свою я ценю очень дорого.

— Ну а чужую? — поинтересовался Ланс. — Жизнь Ринальдо? Неизвестного тебе крестьянина? Жизни всех жителей Рияда, которые неизвестно куда пропали?

— Все это зависит от ситуации.

— А жизнь Джемалю ад-Саббаху? — спросил Ланс. — Ты же готов принести ее и

жертву?

— Это не жертва, — возразил Плачущий. — Джемаль ад-Саббах представляет опасность. Он — угроза, которую необходимо устранить, чтобы жили другие.

— Ах, если бы все было так просто, — сказал Ланс.

— И в чем тут сложность?

— Когда ты убьешь ад-Саббаха, ты отведешь угрозу от своих границ, — сказал Ланс. — Но что будет здесь? Его генералы вцепятся друг другу в глотки в борьбе за власть, племена кочевников, которые он объединил, снова начнут междоусобные войны. Уничтожив ад-Саббаха, ты погрузишь южную часть континента в хаос, и пострадают тысячи неизвестных тебе обычных людей, которые никакой угрозы вашим королевствам не представляют. Это и есть допустимые жертвы, друг мой. И раз ты здесь, значит, ты тоже их допускаешь.

— Какой же выбор ты считаешь правильным?

— Нет никакого правильного выбора, — сказал Ланс. — Эра Милосердия еще не наступила, и до нее очень далеко. Иногда я вообще думаю, что это миф, придуманный сентиментальными романтиками. Всегда кто-то будет страдать, такова уж жизнь. Правильный выбор может быть для тебя, для меня, для ад-Саббаха. Но он не может быть правильным для всех.

— Если руководствоваться этой теорией, то как же следует поступать?

— Просто делай, что должен, — сказал Ланс. — И будь, что будет. Учись принимать последствия и все такое. В каждом конкретном случае.

— Фатализм, — сказал Плачущий.

— Называй это, как хочешь, — они снова выбрались на широкую улицу. — Знаешь, что мне кажется странным в этом городе?

— А что, тут есть что-то еще более странное, помимо того, что все его жители куда-то делись?

— Здесь нет зверья, — сказал Ланс. — Люди уходят из городов, но какая-то живность все равно остается. Бродячие собаки, крысы... А здесь их нет. Тут и птиц-то практически нет, за все время, что мы разговариваем, я видел всего двух.

— Это на две больше, чем видел я, — согласился Плачущий. — Но что в этом странного? Учитывая местную обстановку, я имею в виду.

— Обычно у людей и животных несколько разные причины для того, чтобы покинуть привычные места обитания, — сказал Ланс. — Даже не представляю, что могло бы заставить крыс оставить город, кроме наводнения или пожара, а в Рияде не было ни того, ни другого.

— Быть может, на город надвигается какое-то стихийное бедствие? — предположил маркиз Гилсберри, взглянув в безоблачное небо.

— Ага, надвигается, — сказал Ланс. — Например, я.

— Давай заглянем в этот дом, — предложил Плачущий, указывая на довольно богатое двухэтажное строение, рядом с которым он остановился.

— Почему именно в этот?

— У него дверь открыта.

Внутри все было по-другому. Разбитая в щепы мебель, разорванная одежда, осколки дорогой посуды на полу. Одна из внутренних дверей была выбита и висела, перекосившись, на нижней петле. Но людей, как и в первых двух домах, тут тоже не было. Равно, как и их мертвых тел.

Зато именно здесь Ланс впервые почувствовал запах. Тошнотворный, сладковатый запах мертвечины. Гниения. Он был едва различим, но все же Ланс был уверен, что ничего не перепутал. Он слишком часто бывал в местах, где пахло так же.

— Мародеры? — предположил Плачущий.

— Возможно, — согласился Ланс. — Или же хозяева дома просто не хотели никуда уходить.

— Крови на полу нет.

— Запах чувствуешь?

— Совсем слабый. Разве что он идет из подвала.

— Пойдем, поищем подвал, — сказал Ланс.

Через пятнадцать минут поисков маркиз Тилсберри сдался и признал, что подвала тут и вовсе нет. Обнаружить источник запаха ему тоже не удалось.

— Осмотрим еще пару домов или сразу пойдем к дворцу правителя? — поинтересовался он.

— Не думаю, что там мы найдем что-то принципиально новое, — сказал Ланс. — Впрочем, почему бы и нет. До вечера времени еще много.

Улица, другая. Все то же самое. Пустые дома, образцовый порядок на улицах и никаких признаков жизни.

— Жутковатое место, — сказал Плачущий. — Меня в дрожь бросает.

Ланс пожал плечами.

— Ты не чувствуешь здесь признаков какой-нибудь магии?

— А ты?

— Я больше практик, — сказал Ланс. — Искать остаточные следы — не моя специализация.

— Не думаю, что все эти люди исчезли из города благодаря магии, — сказал Плачущий. — Если это была магия, то настолько мощная, что и ты бы почувствовал остаточный фон.

— Может быть, — Ланс остановился около уличного колодца и заглянул внутрь. — Вода есть. Они ушли отсюда и не из-за засухи.

— Надо бы осмотреть городские ворота, — предложил Плачущий. — Возможно, хотя бы там остались какие-то указания на то, что тут произошло.

— Сначала зайдем во дворец, — сказал Ланс. — Неужели тебе не любопытно осмотреть место, где жил сам Джемаль ад-Саббах, Лев Пустыни? Посмотреть, на чем он спал, из какой посуды ел? Ты ж волшебник, тебя должны интересовать любые подробности.

— А что толку? Убивать ад-Саббаха поручено тебе. Я здесь лишь для поддержки.

— Вот и поддерживай меня, — сказал Ланс. — А я иду во дворец.

Ринальдо стоял на палубе, смотрел на Рияд и на душе у него скребли кошки. С одной стороны, его, конечно, радовало, что Джемаль ад-Саббах увел из города свою армию и им не придется иметь с ней дело прямо сейчас. Но куда подевались все горожане? Почему в порту нет ни одного корабля, почему никто не встречает вновь прибывших хотя бы для того, чтобы всучить им ненужные сувениры или содрать таможенные пошлины и портовый сбор?

Юг — это само по себе место, не прибавляющее уроженцу севера душевного спокойствия, но юг, на котором происходит что-то странное, может быть опасен вдвойне.

Ринальдо спустился в свою каюту, нашел арбалет и сумку с болтами, привесил себе на

пояс кинжал. Прислушался к своим ощущениям, пытаясь понять, стало ли ему хотя бы чуточку спокойнее.

Не стало.

Сидеть в каюте было невыносимо, потому что отсюда он не мог видеть город. Ринальдо почему-то казалось, что пока он смотрит на город, он хоть как-то контролирует события, а потому он поднялся на палубу. Матросы занимались своими обычными делами и не обратили на карлика с арбалетом никакого внимания. Он уже готов был выслушивать их смешки, но, присмотревшись, заметил, что многие из них сегодня повесили на пояса кривые абордажные сабли. Видимо, им тоже было не по себе.

Ринальдо уселся на юте и положил арбалет на колени. С этой позиции просматривался причал, часть доков и даже кусок улицы, ведущей от порта в город. На мгновение Ринальдо показалось, что он видит на улочке какое-то движение, и он было обрадовался, что это уже возвращаются Ланс и Плакса, но потом понял, что ошибся.

Скорее всего, ему просто померещилось.

— Вон там! Видел?

— Нет, — сказал Ланс. — А что, по-твоему, я должен был видеть?

— Какая-то тень.

— Здесь полно теней.

— Но она двигалась.

Ланс еще раз посмотрел в указанном направлении. Переулок, как переулок, они прошли уже мимо десятка таких. Дома, стоящие близко друг к другу, нависающие и почти соприкасающиеся друг с другом вторые этажи, пыльная брусчатка...

— А может быть, мне уже просто чудится, — сказал Плачущий. — В таких местах, как это...

— В таких местах, как это, лучше быть уверенным на сто процентов, — сказал Ланс, сворачивая с широкой дороги.

Тень бросилась на них с крыши дома. Плачущий еще не успел сообразить, что случилось, как Ланс скользнул в сторону, разворачиваясь и одновременно с этим вытаскивая меч. Одно быстрое, почти неуловимое для глаза движение, и лезвие меча доказало, что у атакующей их тени есть плоть. И что эту плоть можно разрубить.

— Не почудилось, — констатировал Ланс, глядя на капаящую с его клинка темную кровь.

Напавшее на них существо было похоже на человека примерно в той же степени, что и человекообразная обезьяна. Короткие, мощные ноги, длинный торс, длинные руки с толстыми пальцами. Голова чуть приплюснута и по форме напоминает вывалившийся из крепостной стены камень, вместо волос на черепе красуются три костяных гребня. Два глаза, огромный, полный длинных зубов рот, две дырка на том месте, где у обычного человека был бы нос. Дырки чуть большего размера — вместо ушей.

И еще от этого существа пахло. Это был тот самый сладковатый запах гниения, запах разлагающейся плоти, который они почуяли в одном из домов ниже по улице.

— Забавно, — сказал Ланс. — Похоже, это какой-то пожиратель падали. Я имею в виду, от него пахнет трупом, но умер он совсем недавно, чтобы это был его собственный запах.

— Это гуль, — сказал Плачущий. — И он действительно пожирает мертвую плоть.

Удар Ланса пришелся гулю выше пояса и раскрыл грудную клетку. Анатомически гули

не слишком отличались от людей. По крайней мере, сердце у этого гуля оказалось именно там, где оно и должно было быть, и лезвие Ланса разрубило его на две неравные части.

Чтобы перебить исходящий от гуля запах, Ланс наколдовал себе еще одну сигарету. Раньше он воздерживался от использования магии, тем более в бытовых целях, но здесь и сейчас можно было уже пренебречь маскировкой.

— И как часто они встречаются в городах?

— Ну, они пожирают мертвую плоть, в городах обычно есть кладбища... Полагаю, довольно часто, — сказал Плачущий. — Зато теперь мы знаем, куда подевались люди.

— Не будь дураком, — сказал Ланс. — Если бы людей сожрали гули, мы бы уже наверняка увидели следы их пиршеств. К тому же мне сложно представить, сколько нужно гулей, чтобы выкосить переварить целый город.

— Много, — согласился Плачущий. — Но, допустим, было так. Основная часть людей ушла отсюда... Неважно, по каким причинам. После этого гули вошли в город и убили тех, кто остался. А заодно и подъели тела.

— Насколько типично в поведении гулей нападение на тех, кто еще не умер?

— Я не самый большой специалист по бестиарию южной части материка, но на нас-то они напали, — напомнил Плачущий. — Полагаю, они могут нападать и на живых людей, когда заканчиваются мертвые. Голод — не тетка.

— Гули, значит, — подытожил Ланс. — Их появление не отвечает на вопросы о судьбе города, а только задает новые. И, кстати, с крыши на нас смотрит еще трое.

Маркиз Тилсберри обнажил меч.

— Лучше просто уйти, — предложил Ланс. — Пусть они сожрут того, которого мы уже уложили.

— Думаешь, они станут есть плоть своего собрата?

— Они же трупоеды, — сказал Ланс. — Почему бы им не быть еще и каннибалами?

Пятясь и не убирая мечи в ножны, они вернулись на широкую улицу. Спустя несколько минут из переулка донеслись звуки, обычно сопровождающие пожирание добычи. Треск, хруст, чавканье... Плачущий побледнел, по его лицу было видно, что ему приходится прикладывать определенные усилия, чтобы удержать завтрак внутри.

— Гули, — повторил Ланс. — Гули-гули-гули...

Нет, не померещилось. Ринальдо определенно видел в мертвом городе какое-то движение, и это совершенно точно были не Ланс с Плаксой. Те бы не стали пробираться в порт, крадясь вдоль стен.

И их не могло быть так много.

За последние десять минут Ринальдо насчитал уже пятерых незваных гостей. Они все шли из города и неуклонно приближались к кораблю. На таком расстоянии Ринальдо не мог определить, что это были за люди, и он уже подумывал, не выпросить ли у капитана подзорную трубу, когда на происходящее обратил внимание кто-то из команды.

— Вон! — заорал бравый моряк. — Там кто-то есть!

Матросы столпились у борта, стараясь разглядеть неведомое. Ринальдо сразу же потерял часть обзора и в который раз подумал о том, что коротышкой быть плохо и совсем невесело.

Привлеченный шумом, на палубу вышел капитан. Подзорной трубы у него с собой не было, но, как человек, наделенный властью над другими людьми, он мигом нашел решение

этой проблемы.

— Том, Боб, сходите туда и узнайте, что им от нас надо, — приказал он. — А заодно спросите, куда ушел этот ублюдский Джемаль ад-Саббах и какого дьявола вообще случилось в этом городе.

Ринальдо посчитал это решение не самым мудрым из всех возможных, но у него хватило ума помолчать. И поблагодарить судьбу за то, что в разведку послали не его.

Место, где они встретили гулей, осталось тремя кварталами позади, и ничего подозрительного Ланс больше не замечал. Если не считать подозрительным сам опустевший город, но к этой картине он уже привык.

— Могу я задать... э... возможно, несколько нетактичный вопрос? — осведомился Плачущий.

— Валяй, — сказал Ланс.

— Я все еще не вполне понимаю, почему ты так стремишься умереть, но я готов принять это, как факт, — сказал ученик волшебника. — Но как ты это видишь чисто технически? Вот найдешь ты Джемалья ад-Саббаха, подберешься к нему на расстояние меча, а дальше-то что? Бросишь ему вызов на поединок и просто позволишь себя убить, даже не сопротивляясь?

— Увы, все не так просто, — сказал Ланс. — Когда я ввязываюсь в драку, на первый выходят первобытные инстинкты.

— В бою у тебя нет времени думать о своей усталости или высоких материях, о несовершенстве мира или чем-то еще столь же отвлеченном, — уточнил Плачущий. — Тебя учили драться с самого детства, и все происходит на уровне рефлексов, над которыми ты, по счастью, не властен. Так что твоя стратегия в данном вопросе представляется мне очень простой. Ты выбираешь противника, начинаешь бой, а дальше — куда вывезет.

— Так было со Смеющимся и твоим учителем, — нехотя подтвердил Ланс.

— Поэтому ты ввязываешься в драку на явно невыгодных тебе условиях? — уточнил Плачущий. — Золотой Луг, Штормовой Замок... Стремление обрести покой вызвано разумом. В бою разум уступает место навыкам и рефлексам. Поэтому ты всегда побеждаешь, хотя впоследствии, когда боевая горячка проходит, можешь и пожалеть об этом.

— Но дело еще и в том, что противники измельчали, — сказал Ланс. — Очень трудно найти достойного и по-настоящему опасного врага.

— О, — воспрянул духом Плачущий. — То есть, существует ненулевая вероятность, что ты Джемалья все-таки прикончишь?

— Возможно, — неохотно сказал Ланс.

— А может быть, это и не инстинкты вовсе, — предположил Плачущий. — Может быть, просто где-то в глубине души ты просто не хочешь умирать, и все твоё естество противится этому.

— Возможно, и так, — снова согласился Ланс. — Но, знаешь, я предпочел бы поговорить на какую-нибудь другую тему. Какую угодно. Лучше расскажи мне о гулях. Есть какая-нибудь древняя легенда об их происхождении?

— На самом деле, это не совсем легенда, и северные волшебники предпочитают не распространяться об этом, — сказал Плачущий.

— Полагаю, в данной ситуации ты вполне можешь нарушить кодекс молчания, — заметил Ланс.

— Конечно, — сказал Плачущий. — Я просто обдумываю, с чего лучше начать рассказ. Ты ведь очень многого не знаешь о нашем мире.

— Я быстро схватываю, — сказал Ланс.

— Детям рассказывают сказки, что гули — это древние существа, истинные хозяева этих мест, который нападают на людей, стремясь отомстить им за построенные города, но на самом деле это просто невежественные выдумки, которые Совет Ложи всячески поддерживает, — сказал Плачущий. — Гули — вовсе не древние существа и появились значительно позже людей, всего около трех веков назад.

— Гули появились в результате магических экспериментов?

— Ты уже слышал эту историю?

— Это просто логика, — Ланс покачал головой. — Когда кто-то поддерживает ложь, это значит, что правда ему особенно не выгодна.

— Да, так оно и есть. Если эта история всплывет, она может бросить тень на всех волшебников.

— Удивительно, что она до сих пор не всплыла.

— Ложа хранит молчание, а те, кто в нее не входит, ничего не знают. А если бы и знали... Триста лет прошло. Кто им поверит?

— Так что там было-то? Чему верить? — поинтересовался Ланс. — Я ведь не из праздного любопытства спрашиваю.

— Чуть меньше трехсот лет назад в Ложе произошел раскол, — сказал Плачущий. — Волшебник, которого сейчас помнят под именем Торина Безумного, был недоволен тем местом, которое мы занимаем в этом мире. Он считал, что волшебникам пора выйти из тени королей и герцогов и взять власть над судьбами мира в свои руки. Не направлять историю, а творить ее.

— Обычная история, — сказал Ланс. — Всегда находится тот, кому всего мало.

— Ложа не поддержала Торина, и он в гневе покинул заседание Совета, заявив, что отныне не остановится ни перед чем и приложит все усилия, чтобы уничтожить чародеев севера. Всерьез этим тогда никто не обеспокоился, потому что, хоть Торин был и великим волшебником, сил, чтобы привести угрозу в жизнь, ему бы явно не хватило. Десять лет о нем никто не слышал, а потом Торин объявился в небольшом оазисе в центре пустыни и воздвиг там свою цитадель.

— На песке? — уточнил Ланс.

— Единственно силой магии, — сказал Плачущий. — Это был весьма тревожный знак, говорящий о том, что сила Торина значительно выросла, и теперь его угрозы стоит воспринимать всерьез.

— И Ложа, по своему обыкновению, послала к нему убийц?

— Мне не очень нравится твоя формулировка, но, по сути, так оно и было. Однако, еще до того, как убийцы добрались по оазиса, произошла катастрофа, — сказал Плачущий. — Торин Безумный призвал к жизни силы, которые не смог контролировать. Внутри оазиса зародилась песчаная буря, обрушившаяся на близлежащие земли, и длилась она почти год. Так обычная пустыня в центре континента превратилась в Великую Пустыню, Торин Безумный закончил свой жизненный путь, цитадель стала Цитаделью, многие земли были уничтожены, пали целые города, а люди, те, которым посчастливилось выжить, обратились в гулей.

— То есть, сама крепость выстояла?

— Да. И крепость, и оазис, вокруг которого она была построена.

— И какую версию вы скормили людям? — поинтересовался Ланс. — Они ведь наверняка задавали вопросы и вам надо было что-то им рассказать. Так что это было? Гнев богов?

— Буйство стихий.

— Вот за это вас, волшебников, и не любят.

— Кто не любит?

— Да никто.

Глава двенадцатая. Ветер меняется

Это не человек, подумал Ринальдо.

Человек не мог бы прыгнуть разом на пять метров и одним взмахом руки оторвать Бобу (или Тому) голову. И тот, второй, который бросился за убегающим Томом (или Бобом) вдогонку, прыгнул на спину, повалил, ударив лицом о доски причала, и сразу же впился зубами в плечо, вырвав солидный клок мяса, тоже не человек. Это какие-то исчадия ада, но, в отличие от Ланса, эти исчадия ада готовы убивать всех подряд.

Еще пятеро тварей вышли из тени доков и присоединились к пиршеству. Матросы что-то кричали, и Ринальдо не удавалось разобрать, чего в этих криках было больше, негодования или ужаса.

По улице, ведущей к порту, двигались все новые и новые тени.

А ведь двух трупов им не хватит, осознал вдруг Ринальдо. Кто бы ни были эти твари, они выглядят очень прожорливыми и очень голодными. И их уже несколько десятков...

— К оружию! — рявкнул капитан Мактиг.

Команда ощерилась мечами, абордажными саблями и топорами. Хорошие они все-таки ребята, с теплотой подумал Ринальдо. Моряки — это соль земли. Особенно когда их много, они вооружены и стоят между тобой и вон тем ужасом на берегу.

Впрочем, жизненный опыт подсказывал Ринальдо, что не стоит думать о ком-то слишком хорошо слишком долго. Рано или поздно люди все равно найдут способ испортить сложившееся о них хорошее впечатление. Капитану Мактигу для этого потребовалось всего полторы минуты. Он еще раз оценил ситуацию и отдал новый приказ.

— Рубите канаты! — гаркнул он. — Поднять якорь. Паруса к ветру.

Матросы тут же бросились исполнять распоряжения капитана. Первая вахта полезла на мачты, кто-то бросился поднимать якорь, кто-то принялся рубить швартовы, удерживающие корабль на месте. Никто не хотел оставаться на стоянке в порту, внезапно ставшим настолько недружелюбным, и в любой другой ситуации Ринальдо понял бы и разделил их чувства. Но сейчас, и он сам удивился этому своему порыву, естественный ход событий его не устраивал.

— Капитан! — позвал он.

Мактиг резко развернулся на каблуках и направил на Ринальдо свой гневный взор.

— Я понимаю ваше желание убраться от этих берегов, но, по-моему, вы кое о чем забываете, — сказал Ринальдо.

— О чем же, малыш? — почти ласково спросил капитан и только тут Ринальдо вспомнил, что он все еще держит в руках заряженный и готовый к стрельбе арбалет.

— Ну, хорошо, — сказал Ланс. — Допустим, гули и Великая пустыня появились в результате магических манипуляций Торина, оставшегося в истории под именем Торина Безумного. А чего он этими своими манипуляциями хотел добиться?

— Мы не знаем, — сказал Плачущий. — Известно лишь то, что силы, которые он призвал, уничтожили его самого, и его планам так и не суждено было сбыться.

— Обычная история, — сказал Ланс.

— Обычная?

— Ты удивишься, когда узнаешь, сколько похожих историй мне довелось выслушать.

Цитадель исследовали?

— Да, — Ланс не мог не заметить, что Плачущий чуть замялся перед ответом.

— Нашли что-нибудь интересное?

— Нет.

— Совсем ничего?

— Вход в подземелья был запечатан заклятием такой силы, что никому из побывавших в Цитадели волшебников не удалось его снять, — неохотно сказал Плачущий.

— И много волшебников там побывало?

— В те времена — много. Сейчас путь через пустыню стал слишком опасным.

— Относительно содержимого этого подземелья выдвигались какие-нибудь версии?

— Нет.

— Но выходит, что Торин запечатал подземелье еще до того, как попытался призвать сюда силы, которые не смог контролировать?

— Да.

— Знаешь, в чем твоя проблема, Джеймс?

— В чем?

— Ты совершенно не умеешь лгать. Я понимаю, что корпоративная этика запрещает тебе обсуждать некоторые темы с посторонними людьми, но ты выбрал чертовски неподходящий случай для того, чтобы продемонстрировать свою лояльность.

— Это история, — сказал Плачущий. — Она не имеет никакого отношения к тому, с чем мы имеем дело сейчас.

— А как же гули? — поинтересовался Ланс.

— Гули — это просто чудовища, — сказал Плачущий. — Какая сейчас разница, откуда они взялись?

— Может, и никакой, — согласился Ланс. — Но ты мне лжешь, и мне это не нравится. Может быть, Балор отправил тебя со мной именно для того, чтобы ты мне лгал, но меня этот вариант не устраивает.

— Я не лгу.

— Напрямую — возможно, — сказал Ланс. — Но мне кажется, что ты многого недоговариваешь.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты рассказал мне очень странную историю, — сказал Ланс. — Была катастрофа, которая превратила цветущие земли в пустыню и унесла жизни многих людей. С лица земли были стерты целые города, но крепость, находящаяся в эпицентре этого кошмара, не пострадала. Ее владелец был уничтожен неведомой силой, но перед смертью сумел наложить на часть крепости заклятие, которое не может снять никто из ныне живущих волшебников. И никто не знает, что находится в подземельях, и ты даже версии озвучить не можешь. Как-то это все не похоже на действия Ложи, пытающейся направлять судьбы мира. У меня в голове это все не стыкуется.

— Мы на самом деле не знаем, что находится в подземельях Цитадели, — сказал Плачущий.

— Ты там бывал?

— Нет. Балор Огнерожденный объявил Цитадель и прилегающие к ней пески запретной территорией, как только возглавил Совет.

— Как он обосновал свое решение?

— Была озвучена версия, что в подземельях Цитадели может находиться... доступ к тем силам, которыми пытался манипулировать Торин. Когда Балор пришел к власти, он сделал эту версию официальной.

— Тогда не кажется ли тебе странным тот факт, что Торин погиб во время попытки обуздания этих сил, а дверь в подвал закрыта снаружи?

— Этому может быть множество объяснений.

— Разве не лучше знать наверняка?

— Если поиск знаний смертельно опасен, и опасность эта грозит не только тому, кто ищет, то, пожалуй, нет.

— А рассматривалась ли Советом версия, в которой Торин остался жив? Кто-нибудь видел его тело?

— Когда волшебники добрались до Цитадели, там не было ничего живого.

— Это не ответ.

— Насколько я знаю, Торуна искали и после катастрофы, — Плачущий буквально выдавливал из себя слова. — Как магическими средствами, так и вполне обычными. Не удалось обнаружить никаких следов.

— Но это же еще не означает, что он мертв, — заметил Ланс. — Допустим, он просто умеет прятаться лучше, чем вы — искать.

— Если бы он был жив, он дал бы о себе знать тем или иным способом, — сказал Плачущий. — И сейчас, по прошествии веков, он в любом случае мертв, так что этот разговор бессмыслен.

— Сколько тебе лет, Джеймс?

— Двадцать шесть.

— А Балору?

— Шестьдесят... не знаю точно.

— А мне...

— Несколько сотен, я в курсе. Но Торин — не ты. В нашем мире люди не живут на протяжении веков. К счастью или к сожалению.

— Даже волшебники?

— Даже волшебники.

— Ты знаешь, мне это все равно кажется странным, — сказал Ланс. — Вот есть у вас враг номер один, могущественный волшебник, злоумышляющий против всей вашей организации. Он силен и опасен, его действия напоминают буйство стихий и уносят тысячи жизней, оказывают влияние даже на чертову географию вашего мира. И когда этот парень исчез при весьма загадочных обстоятельствах, вы как-то слишком легко поверили в то, что он мертв. Что это? Излишняя самоуверенность или обычная близорукость?

— Его искали десятки лет! — выкрикнул Плачущий. — Что ты вообще знаешь о нашем мире, чужак?

— Вы никогда не думали, что нынешняя угроза может исходить из прошлого? — поинтересовался Ланс. — Что этот Лев Пустыни — это и есть Торин Безумный, нашедший таки свое могущество? И что его необъяснимая ненависть к северным землям в рамках этой гипотезы вполне объяснима?

— Нет! — сказал Плачущий. — Этого просто не может быть.

— Почему?

— Даже если не обращать внимания на тот факт, что Торин Безумный жил и

злоумышлял против нашей организации триста лет тому назад, масштабы их дарований несравнимы, — сказал Плачущий. — Джемаль ад-Саббах — это селевой поток, сметающий все на своем пути. Селевые потоки могут быть опасны, селевые потоки могут быть смертельны, они несут хаос и разрушение. Но Торин Безумный — это не селевой поток. Это разбушевавшийся океан, с которым невозможно бороться, которому невозможно противостоять. Великая пустыня простирается на тысячи километров и разрастается с каждым годом. Мы видели, что может Джемаль ад-Саббах. Он может многое, но на такое он точно не способен.

— Помнится, однажды я спрашивал тебя о волшебниках, которые выходили за пределы ныне возможного, — заметил Ланс. — И ты мне солгал, сказав, что это лишь детские сказки. А теперь вдруг выясняется, что был такой Торин...

— Это не имеет отношения к нашему заданию, — решительно сказал Плачущий. — Тогда не имело и сейчас не имеет. Ты впервые услышал эту историю и тут же выдумал версию, которая тебе очень нравится, потому что ты ищешь драки с врагом заведомо сильнее тебя. И теперь тебе кажется, что ты разбираешься в том, что у нас происходит, гораздо лучше, чем мы сами. Что ты единственный зрячий в стране слепых. Но можешь ли ты быть уверен, что сейчас в тебе говорит разум, а не твоя тяга к смерти?

Ланс не нашел, что ответить. Плачущий был тверд и убедителен, а Ланс и так частенько сомневался в своих мотивах. Возможно, стремление к покою уже лишило его критичного взгляда на вещи, и он на самом деле выдает желаемое за действительное.

Интересно, был ли Торин на самом деле безумным, или же его просто не поняли? В любом случае, могущества парню явно было не занимать, раз он умудрился превратить в пустыню четверть континента, а люди, на которых пало его проклятие, до сих пор бегают по миру в виде гулей. Поединок с таким противником мог бы стать весьма захватывающим... Жаль, что Ланс не пришел в этот мир на триста лет раньше.

Последним парнем, который действительно мог представлять для него угрозу, был некий Гаррис Черный Ураган, Сметающий Всех Своих Врагов, или что-то вроде того. Точное прозвище Ланс не помнил, но за обилие в нем заглавных букв мог бы поручиться и сейчас. Гаррис был чародеем и строил империю, стремясь объединить земли под своей властью во имя процветания, мира и справедливого налогообложения.

Вот он действительно был хорош, Ланс прекрасно помнил исходящую от него силу. Но тогда, много лет и миров тому назад, Ланс не попытался убить Гарриса, а Гаррис не попытался убить Ланса. Просто однажды их пути пересеклись и они узнали о существовании друг друга, а потом каждый пошел своей дорогой, и Ланс даже не особо интересовался, чем закончилась попытка построения империи величиной с целый континент. Наверное, как обычно. Ничем хорошим^[6].

Зато теперь судьба подбрасывает Лансу совсем никудышных врагов. Смеющийся, Алый Ястреб... Они были магами, но пытались противостоять ему с мечом в руках. Ему, с детства учившемуся фехтованию и отточившему свои навыки в поединках с лучшими бойцами его родного мира. Это были схватки не на жизнь, а на смерть, и Ланс не проиграл ни одной из них.

В своем родном мире Ланс был чудовищем. Он бился с героями и волшебниками, с эльфами и гномами, он убивал демонов и драконов, а орки и зомби сражались на его стороне. Он проиграл одну войну, в которой потерял всех своих друзей, потом развязал другую, которую ему удалось выиграть, но счастья это ему тоже не принесло. Бывшие

соратники в одночасье стали врагами, его снова предали, он вырвался из ловушки и сбежал, отправившись в добровольное изгнание, в ссылку, из которой нет возврата.

Сначала чужие земли, потом чужие миры. И бесконечная война, и лица тех, кого приходилось убивать, лица, которые он даже не пытался запомнить.

Магия предков хранила его, спутники менялись, а верный меч был единственным его другом, но дорога не может быть бесконечной, и для всего в этой вселенной должен быть свой финал. Фродо отправляется в Серую Гавань, король Артур выходит на поле битвы под Камланном. Даже Гарри Поттер когда-нибудь умрет, хотя детям этого, конечно, и не расскажут.

Джемаль ад-Саббах, Лев Пустыни и сэр Ланселот, когда-то известный под именем лорда Кевина, девятого в своем роду. Когда они сойдутся в смертельной схватке, а Ланс даже не сомневался, что они сойдутся, кому улыбнется фортуна, на чьей стороне будет судьба?

Будет ли это конец, или их схватка станет очередным эпизодом на его и так слишком уж затянувшемся пути?

Эх, Торин, Торин... я тебя не знал, но мне тебя уже не хватает. Ты превратил часть своего мира в пустыню и принес много других бед, и я когда-то сотворил со своим миром нечто похожее. Может быть, мы даже смогли бы понять друг друга, ведь единственная разница между нами заключается в том, что ты уже умер, а я еще нет, и поэтому даже немного тебе завидую. Интересно, а там, откуда я пришел, меня сейчас тоже называют Безумным? Или уже забыли о том, что я когда-либо существовал?

Маркиз Тилсберри прервал его не слишком веселые размышления, осторожно положив руку ему на плечо.

— Прости, сэр Ланселот, — сказал он. — Я был слишком резок.

— Ерунда, — отозвался Ланс. — Возможно, ты был прав.

— Ты затронул болезненную тему. Память о преступлении Торина всегда будет отбрасывать тень на историю Ложи. Он бросил вызов Совету, он нарушил все правила, он нанес непоправимый вред нашему миру...

— Едва ли непоправимый, — заметил Ланс. — Мир выстоял и вы все еще живы. Солнце светит, птички поют... Не здесь, конечно, но где-то же они наверняка поют.

— Как сказал бы Ринальдо, в этом мире всегда есть место, где сейчас поют птички, — ухмыльнулся маркиз Тилсберри. — И обязательно бы добавил, что место это находится далеко отсюда и нам туда ни за что не попасть. С нашим-то везением нам всегда будут попадаться места вроде этого. Без птичек, так сказать.

— Без птичек, но с упырями, — уточнил Ланс. — В любом мире всегда найдется место, где нет птичек, но зато полным-полно упырей.

— Ты, видимо, часто попадаешь в такие места.

— Время от времени, — сказал Ланс. — Только время от времени...

И в этот момент переменялся ветер.

Не дождавшись ответа, капитан Мактиг презрительно хмыкнул и повернулся к Ринальдо спиной. Никто не принимает карликов всерьез, с горечью подумал шут. Даже карликов с арбалетами в руках.

Между кораблем и берегом уже пролегла полоска воды больше десяти метров шириной, когда первые твари добрались до причала. Глядя на них, Ринальдо согласился, что капитан, видимо, все же принял правильное решение. Лучше спасти корабль, пожертвовав

высадившимися на берег людьми, чем вступить в бой с этими адскими отродьями и рисковать жизнями всех членов команды. Как это ни прискорбно, теперь Ланс и Плачущий, если они все еще живы, могут полагаться только на себя.

И они должны понять, что один Ринальдо в любом случае ничего не мог бы для них сделать. Даже если бы он был человеком нормального роста.

На палубе появилась встревоженная леди Катрин.

— Мы уже отплываем? — обратилась она к Ринальдо, как к единственному, кто не был занят каким-либо делом. — А разве сэр Ланселот и Джеймс уже вернулись?

Вместо ответа Ринальдо молча указал рукой на причал. Леди Катрин ахнула и схватилась руками за фальшборт.

— Это...

— Это гули, — мрачно сказал Ринальдо.

Пока Альый Ястреб занимался в столице делами немагического свойства, Ринальдо захаживал в библиотеку Штормового Замка и видел их изображения на картинках старых книгах, и вот теперь название само всплыло в его голове.

— Значит, сэр Ланселот и Джеймс...

— Все еще в городе, миледи, — подтвердил Ринальдо.

— И мы не собираемся за ними вернуться?

— Об этом вам лучше спросить у капитана, — сказал Ринальдо. — Но я полагаю, что его ответ будет отрицательным.

— Это же...

— Разумно, — сказал Ринальдо. — Оправдано.

Словно в подтверждение его слов, снова раздался вой и одна из тварей прыгнула с причала на корабль. Расстояние не стало для гуля преградой, и уже мгновением позже он оказался среди команды, повалил на палубу одного из матросов и вырвал солидный клочок мяса из его плеча. Арбалетная сабля опустилась на его голову, расплескивая черную жижу.

Но это послужило сигналом для атаки. Завывая, как вырвавшиеся из ада демоны, которыми они по мнению Ринальдо и являлись, гули бросились на слишком медленно удирающий от них корабль. Не всем удалось перепрыгнуть расширяющуюся полоску воды, кто-то упал в море, кто-то ударился о борт, не долетев до палубы считанные сантиметры, но добрая дюжина тварей таки оказалась на корабле.

Один из них, с капающей с клыков мутной слюной, приземлился в считанных шагах от Ринальдо, и карлик, замирая от страха, разрядил в него свой арбалет. Болт попал гулю в грудь и опрокинул его на доски, топорик кого-то из матросов закончил дело.

Ринальдо бросил в желоб новый болт и принялся крутить ворот, натягивая тетиву, ожидая, что в любой момент зубы очередной твари могут впиться ему в глотку.

Если раньше легкий бриз дул с моря, принося в город свежий морской воздух, то теперь над Риядом властвовал горячий ветер, идущий со стороны пустыни, и свежести в нем было меньше, чем порочных стремлений в голове юной монашки. Запах гниения, ставший несоизмеримо сильнее, буквально выворачивал наизнанку, и Плачущего стошнило.

Одновременно с этим в уши путников ворвался дикий вой, берущий начало в разных концах Рияда и разносящийся над всем городом.

— Судя по звуку, их тут не десятки, а сотни, — мрачно констатировал Ланс. — А может быть, даже тысячи.

— Будь они прокляты, — пробормотал маркиз Тилсберри.

— Так они вроде бы уже прокляты, — заметил Ланс. — Если я правильно понимаю суть истории, которую ты мне недавно рассказывал.

— И они голодны, — сказал Плачущий. — Черт побери, как они могут быть голодны? Судя по запаху, где-то неподалеку должны быть свалены тысячи мертвых тел.

— Хороший вопрос, — сказал Ланс. — Полагаю, нам стоит озаботиться поисками ответа.

— Я предпочел бы убраться отсюда куда подальше, — сказал Плачущий.

— Понимаю твои чувства, — сказал Ланс. — Но мы тут вроде бы не за этим.

— Очевидно же, что Джемалю ад-Саббаху нет в городе.

— Но что-то же тут есть, — сказал Ланс. — Куда подевалось твое природное любопытство?

— Мне кажется, я только что выbleвал его на мостовую.

— По крайней мере, это честный ответ, — согласился Ланс. — Ты уже готов идти?

— Куда?

— Туда, — Ланс махнул рукой.

— Порт в другой стороне.

— Я знаю. Но порт нам не нужен.

— Как же тогда ты собираешься попасть на корабль?

Ланс покачал головой.

— Ты, видимо, еще не понял, — сказал он. — Но, похоже, что нам уже никак не попасть на этот корабль. Если они слышат и обоняют то же самое, что и мы, а я не вижу никаких причин, чтобы это было не так, капитан Мактиг уже распорядился поставить паруса и «Индевор» вот-вот покинет уютную местную гавань.

— И ты так спокойно об этом говоришь? — изумился Плачущий. — А, ну да... Тебе-то это как раз на руку.

Ланс вздохнул.

— Ладно, я не буду больше ныть, — сказал маркиз Тилсберри. — И каков план?

— Я думаю, нам стоит посмотреть на источник этой вони.

— Зачем? — скривился Плачущий. — Я тебе и так, не сходя с этого места, могу сказать, что это за источник. Там куча мертвых тел. Подозреваю, что человеческих.

— Это объясняет наличие в городе большого числа падальщиков, — согласился Ланс. — Но не дает ответа на вопрос, почему они до сих пор голодны.

Вой, ненадолго прекратившийся, раздался снова. Первому гулю ответили другие, и на этот раз несколько источников шума оказались гораздо ближе, нежели раньше. Ланс обнажил меч. Маркиз Тилсберри последовал его примеру.

— Ты понимаешь, что их слишком много для нас двоих? — поинтересовался он. — Если сюда заявится хотя бы половина нынешних обитателей города, нам конец.

— Ага, — сказал Ланс. — Может быть.

— То есть, мне конец, — поправился Плачущий. — Тебе-то что, ты же бессмертный.

— Ага, — повторил Ланс. — Может быть.

— Хотя... а вот допустим, если тебя разорвут на мелкие клочки, которые в итоге окажутся пережеванными и перевариваемыми десятком разных желудков, как это скажется на твоем бессмертии?

— Не знаю, — сказал Ланс. — У меня еще не было шансов проверить такой вариант на

практике.

— Сейчас будет, — мрачно пообещал Плачущий.

Гуль вывернул из-за угла. Он передвигался на четырех конечностях — так было быстрее — и когда до Ланса с Плачущим оставалось бежать еще около пяти метров, он прыгнул.

Ланс сделал шаг вперед и встретил его ударом меча. Рычание гуля перешло в булькающий хрип, который, впрочем, был недолгим.

— Хороший удар, — оценил маркиз Тилсберри. — Если они будут нападать на нас по одному, то мы обязательно победим.

— Тебе никогда не говорили, что чувство юмора у тебя проявляется в самые неподходящие для этого моменты? — осведомился Ланс.

— А кто тебе сказал, что я шучу?

Следующий гуль прыгнул с крыши. Ланс, услышавший шорох за мгновение до этого, легким движением ушел влево и пропорол твари бок. Гуль взвыл от боли. Обратным движением меча Ланс перерезал ему глотку.

— Ты как будто всю жизнь этим занимаешься, — восхитился Плачущий.

— По крайней мере, большую ее часть, — сказал Ланс. — Но получать удовольствие от процесса я так и не научился.

— Досадно.

Сразу трое гулей приближались по улице со стороны порта. Эти двигались на двух ногах, медленно, периодически останавливаясь и запрокидывая голову в призывном вое, на который отвечало все больше особей. Очевидно, хоть какой-то инстинкт самосохранения у тварей присутствовал и в данный момент он оказался таки сильнее голода.

Еще несколько шагов, и они подойдут на расстояние прыжка, подумал Плачущий и крепче сжал меч. Но сэр Ланселот не стал ждать, пока гули подойдут поближе. Он произнес короткую команду, Плачущий не расслышал отдельных слов, но ему показалось, что на ругательство эта композиция походила больше, чем на заклинание, и с меча Ланселота сорвалось три молнии, ударившие в гулей. Тех отбросило на добрый десяток метров, и их тела рухнули на брусчатку. Плачущему почудился запах горелого мяса, но он не стал бы за это ручаться. Царящий в городе аромат был слишком силен и слишком отвратителен, чтобы у маркиза Тилсберри возникало желание разбираться в его оттенках. Но, по идее, от тел должно было пахнуть горелым, потому что поднимающийся от них дым он видел довольно отчетливо.

— Проклятие! — выругался Ланс. Он отшвырнул в сторону клинок, с лезвия которого капал расплавленный металл. — Все время забываю, что с обычными мечами этот аттракцион показывать не стоит.

Мгновением позже Ланс уже держал в руках Призрак Ночи. Тогда Плачущий впервые подумал о том, что, возможно, им еще удастся выбраться из этой истории живыми. Целыми и невредимыми, конечно, вряд ли, но хотя бы живыми.

Ринальдо промахнулся.

В последний момент гуль дернул головой, болт просвистел мимо и улетел в море. Гуль надвигался. Времени перезарядить арбалет уже не было, Ринальдо уронил его на палубу и вытащил из ножен кинжал. Леди Катрин, стоявшая за его спиной, издала протяжный то ли вздох, то ли стон. С обнаженных клыков гуля капала мутная слюна.

Шансы, что кинжал поможет против этой твари, были очень невелики, и Ринальдо это

прекрасно осознавал. За какое-то короткое мгновение перед его глазами пронеслась вся его жизнь. Тоже довольно короткая, чего уж там говорить. Думал ли он когда-нибудь, что умрет вот так, на далеком юге, от зубов твари, которая видит в нем даже не карлика, а просто небольшой кусок мяса, который можно сожрать за неимением ничего другого? Конечно, нет. Кто в здравом уме вообще о таком подумает?

За спиной гуля возник матрос с абордажной саблей. Короткий удар, плохой, практически без замаха, явно не смертельный... Гуль подался вперед и рухнул на Ринальдо, аккурат на выставленный карликом кинжал. Ринальдо почувствовал, как северная сталь входит в тело южного падальщика, услышал неприятный хлюпающий звук, и в следующий миг гуль упал на него всем своим весом, навалился, сбил с ног, и его лицо оказалось прямо напротив лица Ринальдо, и карлик ощутил зловонное дыхание твари... Лежа все одного роста, подумал он, отчаянно орудуя кинжалом. Правда, обычно эту поговорку принято вспоминать совсем не в таких случаях...

Гуль открыл свою пасть, в нескольких сантиметрах от своего лица Ринальдо увидел крупные тупые зубы, желтые с коричневым налетом, и принялся дергать кинжалом туда-сюда, стремясь нанести твари как можно больше повреждений, и в голове его осталась только одна отчаянная мысль.

Сдохни, сдохни, сдохни...

Плачущий уже давно, почти с первой минуты знакомства, подозревал, что у сэра Ланселота не все в порядке с головой, и чем дальше, тем сильнее крепло в нем это убеждение, и вот теперь, в заброшенном южном городе, когда адские питающиеся трупами твари лезли на них со всех сторон, он убедился в этом окончательно.

Сэр Ланселот смеялся. Он шел вверх по улице и смеялся, а иногда он прекращал смеяться и орал что-то вроде: «Авада кедавра, сукины дети!», или что-то очень похожее и такое же бессмысленное, и тогда с кончика его черного меча срывались серебристые молнии, и новые гули падали на брусчатку, дымясь и более не двигаясь. Пытаясь подсчитать, сколько же тварей прикончил его спутник, Плачущий сбился со счета уже на третьем десятке.

Сам он убил только двоих, тех, кого Ланселот просто не заметил. Гули были сильны и быстры, но меч все же длиннее зубов, и это преимущество в схватке с ними становилось решающим. Ну, по крайней мере, когда помимо меча у тебя еще есть сэр Ланселот, разящий молниями направо и налево.

Как же глупо, подумал Плачущий. Такая мощь, и ради чего? В северных землях человек, обладающий такой силой, уже был бы главой Ложи и диктовал бы свою волю королям, а сэр Ланселот — по сути всего лишь бродяга, который позволяет другим помыкать собой. Еще со времен плавания и расправы над пиратским кораблем в душе маркиза Тилсберри поселилось смутное беспокойство, и с каждым шагом, который они делали по улицам Рияда, они все крепло и росло. Знал ли Балор, какие силы он пытается использовать? И если знал, что представлялось Плачущему весьма вероятным, стоило ли оно того?

Тушить лесной пожар при помощи наводнения — возможно, это далеко не самая удачная мысль.

Они прошли еще два квартала. Шаг, удар молнии, смех, еще два шага.

Воздух был наполнен смрадом, в котором запах гниющих тех перемешивался с вонью горелой плоти. Плачущего тошнило, у него кружилась голова, глаза слезились, хотя он даже

не пытался творить волшебство.

Если я выберусь из всего этого живым, если я выберусь из всего этого живым... Я даже не знаю, что пообещать себе на этот случай. Потому что, несмотря на чудеса, которые демонстрирует мой спутник, я ведь все равно в это не верю. Он пробьется сквозь ряды гулей, это уже почти не вызывает сомнений, но дальше-то что? Корабль уже наверняка уплыл, дураки бы они были, если бы не уплыли, едва почуяв местные ароматы, Джемаль ад-Саббах ушел в пустыню, где мы никогда его не найдем, а если найдем, то скорее всего, сразу же об этом пожалеем, сэр Ланселот сумасшедший, но бросить его я не могу... Черт побери, что же должно случиться, чтобы я вернулся на север, и какого бога мне следует об этом молить?

Глава тринадцатая. Дворец тысячи трупов

Что-то изменилось.

Мир изменился.

Он почувствовал это уже давно, но до сегодняшнего дня не мог найти причину этих изменений. Это было похоже на какую-то дымку, расплывчатый силуэт на самой границе периферийного зрения, вроде бы ты что-то видишь, а стоит повернуть голову и сфокусировать взгляд, как оно тут же пропадает. Это было новое ощущение, сродни которому он еще никогда не испытывал, и это было странно. Более того, это было тревожно.

Мир был похож на уравнение, все схемы были выстроены, все силы должны были придти в движение в нужный момент, и до этого момента он мог предсказать любое событие, любой вариант, по которому будет развиваться история, и, если надо, он мог бы подтолкнуть историю в то русло, которое было ему выгодно, но сейчас он уже ни в чем не был уверен. В великом уравнении мироздания вот-вот должна была появиться новая переменная, и это грозило тем, что все уравнение надо будет переписывать. Правда, для этого следовало сначала найти эту переменную и понять, что она из себя представляет.

Однако, он не чувствовал угрозы до тех пор, пока не услышал крики.

Его маленькие голодные друзья, плоть от плоти пустыни, умирали в далеком Рияде, гибли в неравном бою, и причиной их смерти была не вторгшаяся в город армия, причиной был всего один человек. И едва он обратил взор на этого человека, как сразу опознал в нем ту самую новую переменную, которой ему недоставало.

Человек с черной сталью в руке. Человек ли?

Кем бы он ни был, к нему следовало присмотреться. Он прибыл на корабле, судя по всему, из северных земель, но был ли север настоящей его родиной?

И черная сталь... Глядя на черную сталь глазами гуля, он понимал, что это не просто меч. Это объект силы, но, судя по всему, не единственный объект силы, который использует этот незванный гость.

Или же он сам является еще одним объектом.

В любом случае, маленькие голодные друзья из пустыни гибли зря. Они могли противопоставить этому человеку лишь свой голод и вызванную им ярость, чего явно оказывалось недостаточно. Что ж, на этот случай в запасе были и другие варианты...

Крепкие руки матросов сняли с него мертвое тело гуля, избавив грудь от невыносимой тяжести. Ринальдо сразу стало легче дышать, но на него навалилась ужасная тяжесть. Осознав, что больше помогать ему никто не будет, и вот так сразу встать на ноги он не сможет, карлик перевалился на бок, потом на живот, выпустил из рук ставшим скользким от крови кинжал и кое-как поднялся на четвереньки.

Его вырвало.

Ринальдо помотал головой, разгоняя темные круги перед глазами.

— Ты ранен, малыш? — спросил кто-то.

— Э... — Ринальдо прислушался к своим ощущениям. — Вроде бы, нет.

— Тогда вставай и помоги отмыть палубу от крови.

— Да, — сказал Ринальдо. — Конечно. Сейчас.

Что бы ни произошло, пока он валялся, придавленный телом гуля, команда корабля явно одержала победу над выходцами из пустыни. Или же Ринальдо уже умер и попал в специальный ад для карликов, где ему вечно придется отмывать от корабельную палубу? Что ж, в любом случае, все могло быть еще хуже.

Уж это Ринальдо знал наверняка. Что бы ни случилось с тобой, какой бы ужас с тобой ни произошел, в жизни всегда есть возможность для чего-то более отвратительного.

Собравшись с силами, он поднялся на ноги, опираясь на фальшборт. Трупов на палубе поубавилось: матросы стаскивали тела своих павших товарищей в одну кучу на корме, а трупы гулей просто и без затей выбрасывали за борт. Линия берега была значительно дальше, чем в начале боя, на взгляд Ринальдо определил бы это расстояние в несколько сотен метров, а то и больше.

Он схватил проходящего мимо матроса за рукав.

— Что произошло? Мы убили их всех?

— Черта с два, коротышка. Ты так грозно размахивал арбалетом, что распугал их всех.

— Смешно, — оценил Ринальдо. — Ну а на самом деле?

— Они бежали, — сказал капитан Мактиг, внезапно выросший за спиной карлика. — Как будто в какой-то момент им всем одновременно надоело с нами драться и они попрыгали в воду. Или как будто кто-то отдал им такой приказ. Но я, черт побери, не слышал никакого приказа. А ты, малыш?

— Я тоже не слышал, — сказал Ринальдо.

— Так тому и быть, — сказал капитан. — Мы остались в живых, и это главное.

— И вы, разумеется, не собираетесь возвращаться в город, — сказал Ринальдо.

— Разумеется, нет. После того, с каким трудом мы оттуда вырвались? Да и, по правде говоря, я не вижу в этом смысла. Не думаю, что им удалось выжить там, на берегу.

Ланс потряс головой, словно ему в уши попала вода. Окинул глазами улицу, заваленную трупами адских созданий. На какой-то короткий миг его взгляд пересекся с взглядом Плачущего, и маркиз Тилсберри содрогнулся. В глазах Ланса жило безумие. Оно медленно отступало, скрываясь где-то глубоко за глазными яблоками, но его отблеск был виден до сих пор. Плачущий в очередной раз задумался о том, кого же именно судьба послала ему в союзники.

— Мы все еще живы, — сказал Ланс.

— Это твоя заслуга, не моя.

— Да, — рассеянно сказал Ланс. — А куда подевались эти твари?

— Они отступили.

— Жаль, — Ланс снова покачал головой. — Я надеялся, что убил их всех.

— Возможно, тебе еще представится такая возможность.

— Сомневаюсь, — сказал Ланс. — Если они отступили, значит, инстинкт самосохранения у них все-таки есть, и второй раз связываться с нами они не станут.

Словно в подтверждение его слов, из портовой части города донесся вой гуля. Никто из сородичей ему не ответил.

— Возможно, они снова осмелеют с наступлением темноты, — продемонстрировал свой оптимизм маркиз Тилсберри.

— Да, — сказал Ланс. — Или не осмелеют.

Он машинально попытался засунуть Призрак Ночи в ножны от старого меча и с досадой обнаружил, что темный клинок в них не помещается. Он был длиннее на добрую четверть и настолько же шире. Ланс махнул рукой и зажатый в ней клинок исчез, словно растворился в воздухе. Ножны пришлось отстегнуть и бросить на мостовую, все равно от них теперь не было никакого толка.

— Что дальше? — спросил Плачущий.

— План тот же, — сказал Ланс. — Мы идем во дворец правителя.

— Зачем? Очевидно же, что в городе нет людей.

— Разве тебе не интересно, как жили правители свободных городов и ты не хочешь посмотреть на временное пристанище Льва Пустыни?

— Не особо.

— Сия экскурсия наверняка обогатит тебя новым культурным опытом, — сказал Ланс.

— Что толку, если я унесу его с собой в могилу? Причем, если мне повезет, то это будет безымянная могила в пустыне. А если не повезет, то я найду свой покой в желудке одной из этих тварей.

— Твоя проблема в том, что ты слишком много беспокоишься, — сказал Ланс.

— Может быть, это потому что, в отличие от тебя, я еще не успел пресытиться этой жизнью.

— А может быть, это оттого, что у тебя неправильно расставлены приоритеты, — сказал Ланс.

— Ну вот, началось, — простонал маркиз Тилсберри.

— Не хочешь стоять и разговаривать?

— По правде говоря, не очень.

— Тогда иди за мной.

Чем ближе они подходили к дворцу правителя Рияда, тем отвратительней становилась вонь, хотя еще полчаса назад Плачущий готов был бы поклясться, что такое попросту невозможно. Но это было так. Если раньше было трудно дышать, теперь смрад стал таким плотным, что казалось, будто его можно резать ножом.

Наброшенный на нижнюю часть лица платок помогал весьма слабо. У Плачущего кружилась голова, он чувствовал слабость и еле переставлял ноги. Этот чертов поход... Он знал, что будет плохо, знал, что его шансы вернуться на север живым ничтожно малы, но к такому он был все-таки не готов. Если бы прямо сейчас ему предоставили выбор — остаться в Рияде или сойтись в схватке с Львом Пустыни один на один, он не колеблясь выбрал бы последнее. Даже в аду не должно вонять так, как здесь.

— Один философ сказал, все то, что тебя не убивает, делает тебя сильнее, — заявил Ланс. — Что ж, этот запах тебя не убьет, так что ты можешь утешиться сей нехитрой философией.

Маркиз Тилсберри пробурчал в ответ нечто невразумительное.

Дворец правителя был обнесен трехметровой стеной. Дверца для прислуги попала им раньше, чем главные ворота, и Ланс решил пренебречь помпезным прибытием ради экономии времени. Калитка оказалась заперта, но хорошего удара ногой не выдержала и от соприкосновения с сапогом Ланса не только открылась, но и повисла на одной петле.

Перед глазами путников предстал засохший сад. Когда-то здесь было полно зелени, но теперь высохшие деревья обращали к небу свои голые ветви, словно застыв в безмолвной мольбе. Рукотворные ручьи пересохли, фонтаны были пусты, ветер из пустыни успел

нанести поверх плодородной почвы слой песка.

— Пустыня поглотит этот город всего за пару лет, — констатировал Ланс.

— Туда ему и дорога, — сказал Плачущий. — И слезинки по этому поводу не пролью.

Они миновали пару беседок и здание для прислуги. Люди на пути им не попадались, ни живые, ни мертвые. По мере того, как громада дворца выростала посреди запущенного парка, росли и тревожные предчувствия маркиза Тилсберри.

Запах мертвых тел говорил о том, что где-то здесь есть мертвые тела. Плачущему не очень хотелось на них смотреть.

Лансу же, казалось, все было нипочем. Он шагал с таким видом, словно прогуливался в окрестностях своего замка, чтобы нагулять аппетит перед обедом, и Плачущий поймал себя на мысли, что его это раздражает.

Парадные двери во дворец были закрыты, но не заперты. Ланс потянул тяжелую створку, и в нос им ударил тот же смрад, только усиленный десятикратно.

Теперь не оставалось сомнения, что источник запаха был где-то внутри, совсем рядом.

— Это ужасно, — пожаловался маркиз Тилсберри. — Каждый раз, как я начинаю думать, что хуже эта вонь не станет, как она тут же открывает передо мной новые горизонты.

— У бездны нет дна, — сообщил ему Ланс.

Войдя во дворец, они почти сразу же попали в огромный зал для приемов. Сложно было сказать, как это помещение выглядело раньше. Паркет зиял дырами, стены были ободраны до камня и разрисованы рунами от пола до потолка, впрочем, и сам потолок не избежал той же участи. Кое-где под слоем новомодного магического граффити угадывались очертания фресок, но Ланс не взялся бы определить, что на них было изображено. Похоже, никакого уважения к культурному наследию свободных городов Лев Пустыни не выказывал.

В центре зала, посреди начертанного на полу круга, стоял трон. Раньше его украшала позолота и драгоценные камни, теперь же он был похож на грубо сколоченное большое деревянное кресло, зияющее отверстиями в тех местах, откуда была безжалостно выдрана вся инкрустация. Трон тоже покрывали руны, начертанные бурой краской. Ланс предположил, что это кровь, но озвучивать свое предположение не стал. Плачущий и так выглядел хуже некуда, не хватало, чтоб он еще в обморок хлопнулся.

— Ты можешь прочитать эти надписи?

— Некоторые могу, — сказал Плачущий. — Как ни странно, здесь много древних северных рун. Не думал, что южане их тоже используют.

— Магия — штука универсальная, — сказал Ланс. — И что же тут написано?

— Тут что-то про смерть, — мрачно сказал Плачущий. — Я не могу уловить общей системы заклинания, если она вообще есть. Но то, что я способен понять, говорит о смерти.

— Не так уж неожиданно, — заметил Ланс.

— И еще о математике.

— А что тут с математикой?

— Вот этот символ, — Плачущий указал, какой именно. — Это знак суммы.

— Может, это и не магия? — предположил Ланс. — Может, это они так бухгалтерские расчеты ведут?

Плачущий тем временем вошел в центральный круг и постучал по трону кончиком сапога.

— Странное место для кресла правителя. Обычно трон ставят ближе к стене, чтобы

никто не мог зайти за спину.

— Тут вообще много чего странного.

— Не могу не согласиться.

Маркиз Тилсберри уселся на трон и немного поерзал, устраиваясь поудобнее.

— Это место дурно пахнет, — заявил он. — И я не только трупный аромат имею в виду.

— А ты уже не такой бледный, — сказал Ланс. — Принюхался?

— Черт его знает, — сказал Плачущий. — В любом случае, я хочу убраться отсюда, как можно быстрее.

— Я тоже, — согласился Ланс. — Но сначала нам нужно осмотреть подвал.

— Зачем?

— Трупы, — сказал Ланс. — Я думаю, что трупы именно там. В подземельях.

— Даже если так, то какой прок смотреть на трупы?

— Я пока не знаю, но мне кажется, что это важно.

Плачущий горестно вздохнул и слез с трона.

— Хорошо, давай быстренько глянем на подземелья и уберемся отсюда подальше.

Хотя... — он уселся обратно. — А как мы вообще отсюда уберемся?

Ланс не ответил.

— погоди минутку, — сказал Плачущий. — Кажется, я вспомнил заклинание, которое поможет мне не чувствовать запахи, и если мы таки собираемся в подвал, я хотел бы им воспользоваться.

— Моя помощь нужна?

— Э... Спасибо, обойдусь, — сказал Плачущий.

— Как знаешь.

Маркиз Тилсберри погрузился в размышления, что-то бормоча себе под нос и пальцем выводя формулы на подлокотнике трона. Ланс задрал голову и снова уставился на потолок.

Магические руны этого мира ни о чем ему не говорили, но интуиция подсказывала, что ничего хорошего они в себе не несут. Руны аккумулировали энергию, но вот откуда эта энергия бралась?

У Ланса были очень нехорошие предчувствия, и дело было даже не в количестве мертвых тел, которые он рассчитывал найти где-то поблизости. Магия — это инструмент, и инструмент весьма мощный, а Лев Пустыни явно не из тех, кто будет использовать попавший ему в руки молоток исключительно для забивания гвоздей.

Алый Ястреб был посредственным колдуном, Лансу не составило никакого труда уронить его с башни. Балор был могущественнее, чем хотел казаться ему при первой встрече, и если бы ему предложили сделать ставку на исход их прямого столкновения, Ланс расценил бы свои шансы, как один к двум. Но Лев Пустыни, которого Балор считал очень опасным человеком, доселе оставался величиной неизвестной, и эта неизвестность начинала Ланса раздражать.

— Я закончил, — заявил маркиз Тилсберри, промокая одинокую слезинку, выкатившуюся из правого глаза. — Прочитать это же заклинание и для тебя?

— Не стоит, — сказал Ланс.

— Ты, видимо, бывал в местах, где пахнет и похуже, чем тут?

— Действительно ли ты желаешь услышать ответ?

— Пожалуй, нет, — решил Плачущий после короткого раздумья. — Ну, мы идем?

— Идем.

Они выбрались из зала через главные двери, и Ланс повернул направо. Когда-то шикарный, но ныне обшарпанный в лучших традициях постапокалиптических декораций коридор привел их в разграбленные личные покои правителя. Из прежней обстановки в апартаментах остались только огромная кровать, на которой последние месяцы явно никто не спал, и громоздкий шкаф для одежды. Шкаф был пуст, а его массивные украшенные резьбой дверцы валялись на полу.

— Нам не помешал бы план здания, — заметил Плачущий.

— Или проводник, — согласился Ланс. — Однако, я сильно сомневаюсь, что мы найдем здесь и то и другое.

Развернувшись, они проследовали обратно к залу для приемов, после чего повернули уже налево, заглядывая в каждую дверь, попадающуюся им на пути. Декор в стиле «после варварского нашествия» не менялся от помещения к помещению. Дворец был разграблен подчистую, из него вывезли все, что только можно было вывезти, не разрушая внутреннюю архитектуру здания.

«Индевор» шел под всеми парусами.

Линия берега еще виднелась, но различить на ней Рияд было уже невозможно. Ринальдо стоял на корме, смотрел на возникающие в кильватерной струе буруны и думал о будущем, которое представляло перед ним отнюдь не в радужных цветах.

Один, без покровителей, без друзей, далеко от любого места, которое он мог бы назвать своим домом. Корабль возвращался на север, но самому Ринальдо возвращаться было некуда, и он несколько минут всерьез раздумывал над возможностью напротиться в команду корабля юнгой или помощником кока, или корабельным шутком, или кем там его согласятся взять. Он снова оказался сам по себе, один-одинешенек, он снова был никому не нужен. Однажды он уже пребывал в подобном состоянии, но это было в далекой юности, когда будущее воспринимается с куда большим оптимизмом. По крайней мере, оставшийся отрезок жизни кажется куда длиннее. Даже если ты карлик.

Ринальдо потер заросший щетиной подбородок.

Забавно. Меньше часа назад ему хотелось просто выжить, выбраться из всего этого живым, и по возможности целым и невредимым, а потом уж будь что будет. Но вот это потом наступило, Ринальдо выжил, а зачем? Что ему делать дальше? Вернуться на улицы столицы и начать все заново? Влиться в жизнь городских банд, искать протекции очередного главаря... За последние годы Ринальдо слишком привык к сытой жизни и наверняка утратил чутье, необходимое для выживания на дне, да и воровские навыки уже ушли. И кому он теперь нужен? Карлики — не слишком ходовой товар.

Возможно, леди Катрин захочет ему помочь, но это на севере она леди, а здесь она — одна из двух женщин на корабле, полном мужчин с не самыми приятными манерами, и больше нет рядом Ланса и Плачущего, которые могли бы встать на ее защиту, если вдруг такая необходимость возникнет.

Надо было высаживаться на берег вместе с ними, подумал Ринальдо. Да, к этому моменту я уже наверняка был бы мертв, но в этом есть хоть какая-то определенность.

Глаза карлика стали влажными, и даже если бы он оторвал затуманенный слезами взор от удаляющегося берега, то парусов, возникших на горизонте, он бы все равно не заметил.

Еще через час блужданий по дворцу они таки отыскали широкую лестницу, ведущую в

подвал. Она пряталась за большими, окованными железом дверями, и Лансу пришлось доставать свой черный меч, чтобы освободить проход. Плачущему эта идея нравилась все меньше и меньше, но он решил, что молчание сейчас принесет ему больше пользы, и придерживался именно такой стратегии.

В подвале наверняка было темно, а факелы соорудить было решительно не из чего. Плачущий уже начал сочинять разгоняющее мрак заклинание, как вдруг выяснилось, что в этом нет никакой необходимости. Как только они преодолели первый же лестничный пролет и смогли посмотреть за угол, стало ясно, что дальше уже можно не идти.

Подвал был завален телами. Гора трупов — это не просто такое выражение, подумал маркиз Тилсберри. Гора трупов — она вот, прямо передо мной. Тела не просто устилали пол, они были навалены грудями почти до самого потолка, а пол, в тех редких местах, где его можно было рассмотреть, оказался покрыт толстым слоем засохшей крови.

Мужчины, женщины, дети, старики... Часть тел была обнажена, часть прикрыта какими-то тряпицами, когда-то служившими этим людям одеждой. Тысячи тел, подумал Плачущий. И это только то, что мы видим, а сколько их скрывается во мраке...

— Эти, у входа, относительно свежие, — сказал Ланс. — Но сейчас жарко, и процесс разложения идет достаточно быстро.

Плачущего снова вывернуло наизнанку. На этот раз одним только воздухом, ибо его желудок был пуст.

— Уйдем отсюда, — попросил он.

— Сейчас, — Ланс спустился на пару ступенек и наклонился над телами, лежавшими у самого выхода. — Им перерезали глотки.

— Тут, наверное, весь город.

— Не думаю, — сказал Ланс. — Конечно, это очень большой дворец, и мы не знаем, как далеко простираются эти подземелья, да и тела уложены достаточно компактно, но все же в Рияде жило под сотню тысяч человек. Все бы они здесь не поместились.

— Я почему-то не хочу искать другие места, где они могли бы поместиться, — заявил Плачущий.

— И вот еще что странно, — сказал Ланс, пропуская реплику колдуна мимо ушей. — Тела лежат на жаре и разлагаются, однако, здесь нет ни мух, ни крыс, и даже наши милые друзья из города сюда не суются. Почему бы так?

— Не знаю, — сказал Плачущий. — И, по правде говоря, мне все равно.

— Запах приманил гулей из пустыни, — сказал Ланс. — Но они шастают по городу и остаются голодными, несмотря на то, что здесь их ждет настоящий пир.

— Дверь была закрыта.

— Никто их них даже не предпринимал попытки ее открыть.

— Странные вещи происходят, — сказал Плачущий. — Вот они просто происходят и все. И ничего с этим не сделать.

Ланс покачал головой и спустился еще ниже. Некоторое время он молча всматривался во тьму.

— Сначала тела складывали штабелями, — сказал он. — Сохраняли какое-то подобие порядка. А потом стали бросать просто так. Видимо, уже перед самым уходом. Некоторые заколоты в грудь, но большинству все-таки перерезали горло. И таки да, это очень большой подвал.

Давай же уйдем отсюда, мысленно взмолился Плачущий. В городе остались сотни

голодных гулей, но перспектива схватки с ними пугала маркиза Тилсберри куда меньше, чем еще несколько минут у этого порога в один из филиалов ада.

— И ты знаешь, — медленно сказал Ланс. — Пожалуй, я был не прав. Этого Джемал ад-Саббаха действительно необходимо убить. Может быть, он и не зло в чистом его виде, но у него неплохие шансы им стать, и он движется к этой цели семимильными шагами.

— Наверное, я должен возликовать, что на тебя снизошло это откровение, — сказал Плачущий. — Но что-то не хочется.

— Зачем убивать людей там же, где ты живешь? Зачем складывать их трупы под собственной спальней? Кто гадит там, где живет?

— Маньяки, — мрачно сказал Плачущий. — И Львы Пустыни, очевидно.

— Точнее, не под спальней, — сказал Ланс. — Готов биться об заклад, что мы сейчас находимся прямехонько перед залом для приемов, и где то там, — он ткнул пальцем в потолок. — Стоит его чертово кресло. Тебя это ни на какие мысли не наводит?

— Наводит на мысль, что он маньяк.

— Кресло в центре зала, стены и потолок расписаны рунами, тела прямо под ними, причем, убивали их тут же, — сказал Ланс. — Не думаешь ли ты, что эти смерти каким-то образом придавали Льву Пустыни сил?

— Магия смерти? — поинтересовался Плачущий.

— Ты учился у волшебника, ты мне и скажи.

— Некромагия запрещена.

— Думаю, что Лев Пустыни не состоит в Ложе и плевать хотел на ее запреты.

— А мы можем поговорить об этом в каком-нибудь другом месте?

— Вполне, — сказал Ланс, продолжая вглядываться во тьму. — Ты знаешь, там что-то шевелится.

— Что там может шевелиться?

— Не знаю, — сказал Ланс. — Но что-то очень большое.

Глава четырнадцатая. Танец на острие меча

Политика — это танец на острие меча, постоянный поиск равновесия. Как только ты упускаешь ситуацию и теряешь равновесие, ты падаешь, и меч, на острие которого ты только что балансировал, разрубает тебя надвое.

Алый Ястреб мог бы многое рассказать об этом, но его танец уже закончился.

Танец Балора все еще продолжался.

Нельзя казаться слишком слабым, но и опасно становиться слишком сильным, пока в мире есть враги, с которыми ты не можешь справиться в одиночку. Нельзя поддаваться сиюминутным искушениям и преследовать сегодняшнюю выгоду, забывая о перспективе. Нельзя упускать ситуацию из-под контроля, нельзя терять информационные потоки.

С тех пор, как Замок Заката стал временной резиденцией главы Ложи Чародеев, поток гонцов со всех концов страны не ослабевал. В редкий день прибывало меньше полудюжины человек. Некоторых принимал Счетовод, и тут же отправлял обратно, вручив им новые задания, некоторые отправлялись в апартаменты Балора и проводили там долгие часы.

Никто из них не оставался в замке после того, как время его аудиенции подходило к концу. Дать отдых себе и своей лошади можно и в придорожном трактире, а от Балора Огнерожденного стоит держаться подальше, даже если ты находишься на одной с ним стороне. О волшебниках Севера ходили разные слухи, а Балор был самым могущественным из них.

Все ученики покидали Балора, как только срок их учебы подходил к концу. Трое или четверо так и не дожили до этого самого конца, и о их судьбе тоже ходили разные слухи, но уже в среде самих волшебников. Счетовод был единственным, кто остался.

Впрочем, если бы у него было воображение и хотя бы капелька свободы выбора, возможно, он тоже предпочел бы уйти. Но воображения у него не было от самого рождения, а свободы выбора ему не оставил Балор.

Одна из сплетен, ходящих в Совете Ложи, говорила о том, что Счетовод вовсе и не человек, а гомункулус, созданный Балором и являющийся продолжением железной воли Огнерожденного. Счетовод об этих слухах знал и не пытался их опровергнуть. Так было выгоднее. Когда ты говоришь, все слышат голос Балора, а не твой собственный. И, соответственно, слушают тебя куда внимательнее.

Счетовод не был честолюбив. Его не интересовали женщины, деньги или власть. Он был человеком-функцией, живущим в мире цифр, и цифры были его единственной страстью. Целыми днями он сидел за своими книгами, изучал, сравнивал, прикидывал, искал зависимости, рассчитывал шансы, и если бы Балор не отвлекал его поручениями и предоставил самому себе, скорее всего, он очень быстро стал бы отшельником и отвык от звука человеческой речи.

После завтрака он обычно отправлялся в свой кабинет, и если учитель не посылал за ним, сидел там до самого вечера, пока свечи не прогорали до конца и цифры не сливались в единое полотно.

Но этим утром засесть за бумаги не удалось, ибо сразу после завтрака Балор вызвал его к себе.

Счетовод застал учителя на небольшом балконе в апартаментах старого лорда Риттера. Балор смотрел на беспокойное осеннее море и, услышав приветствие Счетовода, даже не

повернул в его сторону головы, ограничившись легким кивком. Плохой знак, отметил Счетовод.

— Я только что получил свежее донесение с юга, — сказал Балор.

Счетовод промолчал. Он знал, что этим утром в замке не было ни одного гонца, но если ты служишь главе Совета Ложи, ты быстро узнаешь, что люди — не единственный способ передавать информацию на расстояние. И зачастую даже не самый надежный.

— Джемаль ад-Саббах покинул Рияд, — продолжил Балор. — Судя по всему, сэр Ланселот опоздал.

— Или он уже мертв.

— Нет, — Балор покачал головой. — Я бы узнал об этом.

— Известно ли, куда отправился ад-Саббах?

— Еще бы, — фыркнул Балор. — Он уже идет маршем через пустыню.

— Значит, сэр Ланселот уже вне игры, — сказал Счетовод. — Льва Пустыни можно было застать врасплох в городе. Но охотиться на него на его же территории... Это безумие.

— Ты видел его глаза? Этот человек достаточно безумен.

— Чтобы сунуться в пустыню? — уточнил Счетовод. — Может быть. Но, в любом случае, у него нет шансов. Вдвоем с Плачущим против Джемалья ад-Саббаха и всей его армии?

— Думаешь, я ошибся с ним? — спросил Балор.

— Нет, мессир. Вы сделали то, что должны были сделать. И то, что могли. Проблема в том, что наш выбор вариантов слишком мал.

— Когда ты не можешь повлиять на расклад, то приходится играть только с теми картами, что у тебя уже на руках, — сказал Балор.

— Нам нужна армия, мессир.

— Конечно, нам нужна армия, — согласился Балор. — И у нас была бы армия, если бы чертов Алый Ястреб не был слишком властолюбив, а я не предоставил ему слишком много свободы. Я не думал, что он восстанет...

— Вероятность этого события была довольно велика, мессир. Я предупреждал об этом...

— А я тебя не послушал, — согласился Балор. — Это моя ошибка, за которую придется заплатить не только мне. Боюсь, у нее может оказаться очень высокая цена.

— Но еще не все потеряно. Источники в дипломатических кругах говорят, что...

— Потеряно время, — сказал Балор. — Переход через пустыню ослабит армию ад-Саббаха, и лучшим решением было бы встретить ее сразу на выходе, не дав углубиться в наши земли. Но этот момент уже потерян. Даже если мы получим нашу армию уже на следующей неделе, мы просто не успеем перебросить туда столько людей, оружия и провианта. Армия — это прежде всего организация, а организация требует времени. Того самого времени, которого у нас нет.

— От Меррика по-прежнему никаких известий? — поинтересовался Счетовод. Впрочем, этот вопрос он задал только для того, чтобы что-нибудь сказать. Меррик и его отряд с девяностопятипроцентной вероятностью были уже мертвы, иначе бы они дали о себе знать.

— Эта идея была еще хуже, чем вариант с Ланселотом и Плачущим, — сказал Балор. — Шаг, сделанный от безысходности, и тебе прекрасно известно, что на его успех рассчитывать не стоило.

— Да, мессир.

Балор сцепил руки в замок за спиной, и Счетовод видел, что пальцы его побелели от напряжения.

— Ложа допустила много ошибок, — сказал Балор. — Мы дали им слишком длинный поводок, и теперь существует вероятность, что они на этом поводке и повесятся.

— После Торину Безумного у нас не было другого выбора, — сказал Счетовод. — Ложа должна была уйти в тень, иначе мы бы получили войну.

— Мы бы ее выиграли.

— Ценой тысячи жертв.

— Зато теперь у нас был бы единый север, — сказал Балор. — Если бы тогда Ложей управлял я...

— Удержание единого севера требовало бы постоянной подпитки кровью, — заметил Счетовод.

— Нет, если бы мы вовремя вырезали всех этих фигляров-корольков и цвет их так называемого рыцарства, — сказал Балор. — Мы занимались дипломатией и забыли, что миром правят сталь и огонь.

Счетовод давно не видел учителя в таком настроении. Если Балор становится таким откровенным, это значит, что дела обстоят не так плохо, как тебе кажется.

А намного хуже.

— Джемаль ад-Саббах хорошо выучил этот урок, — сказал Балор. — И посмотри, он идет на нас, оставив за своей спиной каганат. И он прав, потому что каганат — это стальной кулак. А мы только начинаем ковать латную перчатку, и далеко не факт, что наши пальцы успеют договориться между собой.

— Возможно, нам следует принять предложение магистра Гиммеля.

— Вывести всю Ложу на бой? — Счетовод не мог этого видеть, но знал, что сейчас губы Огнерожденного изогнулись в презрительной усмешке. — Встретить их на границе? Вывести сотню волшебников и три сотни их учеников? Против Льва пустыни и всей его армии? Не спорю, это было бы красиво, благородно и доблестно. В этом поступке было бы много чести, но еще больше в нем было бы глупости. Миром правят огонь и сталь, а не один только огонь.

— Шансы на успех невелики, — признал Счетовод.

— Каковы они?

— Один против десяти.

— И тем не менее, ты сейчас вспомнил об этом предложении и решился его озвучить?

— Если ад-Саббах беспрепятственно выведет свою армию из пустыни, шансы остановить его будут еще меньше.

— Насколько меньше?

— На порядок, мессир.

Балор с видимым усилием расцепил руки и сложил их на груди.

— Дела, должно быть, очень плохи, если даже ты всерьез рассматриваешь предложение магистра Гиммеля.

— Я лишь указываю возможности, мессир.

— Я вижу только возможность умереть в песках.

— Наша смерть не будет бесполезной. Даже если мы не сумеем остановить армию Льва Пустыни, битва с Ложей ослабит ее. Это даст дополнительный шанс королевствам севера.

— Это только продлит их агонию.

— Если Ложа сумеет выбить хотя бы третью часть армии ад-Саббаха...

— И что? — Балор резко развернулся и лицо его исказилось от ярости. — Ты готов пожертвовать своей жизнью ради них? Жизнями всех твоих братьев по Ложе? И ради чего? Чтобы эти игрушечные корольки просидели на своих игрушечных тронах лишнюю пару недель?

Счетовод промолчал.

— Победы в войнах достигаются не так, — сказал Балор уже чуть спокойнее. — Когда ты бросаешь сталь против стали, ты уже наполовину проиграл. Как мы могли довести ситуацию до такого, что даже сталью на сталь ответить толком не можем?

— Политика Ложи...

— Не отвечай, — сказал Балор. — Это был риторический вопрос.

— Мы упустили юг после...

— После Торина, будь он проклят. Надеюсь, что ад существует, и старина Торин будет жариться в нем вечно.

— Предложение магистра Гиммеля позволит смягчить удар.

— Предложение магистра Гиммеля — полная чушь, — сказал Балор. — Как ты расцениваешь шансы, что Ложа сможет убить Льва Пустыни в открытом столкновении с его армией?

— Один к ста. Вряд ли он выйдет против нас сам.

— И в чем тогда смысл?

— Смысл в том, чтобы убить как можно больше его людей.

— А что потом? Пока ад-Саббах жив, Северу будет грозить опасность, а кто сможет ее устранить, если вся Ложа будет мертва? Закованные в железо рыцари? Ты сам знаешь, что этого не будет.

— Мы можем оставить небольшой резерв, — сказал Счетовод. — Не бросать в бой всех чародеев Ложи. Только часть.

— Половину, — сказал Балор. — Всех этих горлопанов, которые утверждали, что мы не должны вмешиваться в политику северных королевств. Всех этих глупцов, твердящих о свободе выбора. Всех этих лишних идиотов. И самого магистра Гиммеля, разумеется, который стал слишком многое себе позволять. Сложить все тухлые яйца в одну корзину и показательно ее уронить. Мне начинает нравиться эта идея.

— Тем самым мы добьемся сразу нескольких целей, — заметил Счетовод. — Нанесем удар Льву Пустыни и улучшим репутацию Ложи в глазах населения королевств.

— А также избавимся от разногласий в Совете, — сказал Балор. — Хотя бы ради этого стоит попробовать.

— Кроме того, после этой битвы нам будет куда проще договариваться с королями.

— Договариваться, — повторил Балор таким голосом, будто само это слово было ему отвратительно. — Мы — сила. Мы не должны договариваться. Мы должны диктовать им свои условия.

— Придет время, и мы будем диктовать им свои условия.

— Непременно, — сказал Балор. — Если у нас получится уладить нашу проблему с южным вторжением.

— Кстати, о договорах, мессир, — Счетовод замялся.

— Продолжай, — сказал Балор.

— Знаю, что вам не нравится эта идея, но я по-прежнему считаю, что мы должны объединить усилия с Великим Каганатом. Если нам удастся сдержать Льва Пустыни на подступах к внутренним королевствам и связать его армию боями на приграничных территориях...

— То если Каганат в свою очередь перейдет пустыню и ударит ему в тыл, то войну по двум направлениям Льву Пустыни не выдержать. Я помню эти твои доводы, Счетовод.

— И они не изменились, мессир.

— Мои возражения тоже не изменились, — сказал Балор. — Допустим, все будет так, как ты предлагаешь. Не решим ли мы одну проблему, создав другую? Армия Каганата сильна, и если она придет на северные земли, то как мы сможем заставить ее уйти обратно?

— Это лучше, чем...

— Это всего лишь чуточку лучше, чем ничего, — сказал Балор. — Мне очень не нравится то, что происходит в Каганате, Счетовод. Мы ведь почти ничего не знаем о том, что там происходит. Мы знаем, что у Субэтея есть могучая армия, что он строит флот, что его народ не голодает и беззаветно любит своего правителя, так, как на севере не любят ни одного короля, но нам неизвестны подробности тамошней жизни. А политика — это искусство подробностей. Все эти мелкие нюансы, из которых складывается общая картина. Не получится ли так, что пытаясь излечить холеру, мы призовем на свои земли чуму?

— Но все-таки, это возможность...

— Кроме того, Субэтей мне не ответил, — сказал Балор.

Должно быть, изумление отразилось на лице Счетовода слишком явно.

— Да, я просил о помощи, — подтвердил Балор. — Обращался к человеку, о котором ровным счетом ничего не знаю. И чего я добился ценой этого унижения? Ничего! Он даже не снизошел до ответа!

— Он должен понимать, что когда... если ад-Саббах завоюет север, единственным непокоренным государством останется Каганат.

— Возможно, Субэтей слишком рассчитывает на мощь своей армии и на высокие стены своих городов, — сказал Балор. — Или он безумен. Как бы там ни было, для нас это ничего не меняет. Нам придется драться в одиночку.

— Или не драться, — заметил Счетовод. — У Ложи есть корабли, мы можем сесть на них и покинуть Север. Отправиться на острова.

— И что ждет нас на островах?

— Жизнь.

— Райская, спокойная жизнь дикарей, — сказал Балор. — Жизнь скота. Если Север выстоит без нас, мы никогда не сможем вернуться.

— Без нас Север не выстоит.

— Тогда нам просто некуда будет возвращаться. Сила ад-Саббаха растет. Если мы не остановим его сейчас, то потом его уже никто не остановит.

— Вероятность этого исхода весьма велика, — признал Счетовод.

— Мы в отчаянном положении, — сказал Балор. — Мы потеряли контроль над югом, слишком долго не придавали значения тому, что там творится, пытаюсь навести порядок у себя дома. Мы позволили Льву Пустыни стать тем, кем он стал, и теперь я готов принять любую помощь, заключить любые союзы... Но после того, как Субэтей ответил отказом, нам больше некого попросить о помощи.

— Значит, Ложа вступит в войну?

— Ложя всегда воюет, пусть и не столь явно, — сказал Балор. — Но нынешняя война — это хаос и смерть, это железо и кровь на улицах наших городов. Мир, каким мы его знали, сильно изменится. А мир, каким мы хотели его видеть, может никогда и не наступить.

Глава пятнадцатая. К сердцу пустыни

За те долгие минуты, что они вглядывались во тьму, в голове Плачущего промелькнуло много мыслей, и каждая следующая была мрачнее предыдущей. Он читал много древних магических гримуаров и сейчас в спешном порядке вспоминал всех описанных там чудовищ, прикидывая, кто из них мог оказаться в подвалах под дворцом правителя Рияда. А в том, что в подвале кто-то был, не осталось никаких сомнений. Плачущий не обладал ночным зрением Ланса, но слышал он хорошо.

И характерное шуршание, доносящееся откуда-то из темноты, не слышать просто не мог.

— Там что-то довольно большое и ползающее, — заметил Ланс. — У тебя есть какие-то идеи?

— Думаю, это трупный червь, — сказал Плачущий.

— Э...?

— Гигантский трупный червь. По сведениям магистра Иллурра такие обитают на юге в местах массовых захоронений. Питается разлагающейся плотью, но не брезгует и свежим мясом, если таковое к нему попадает. Живет преимущественно по землей, потому зрения у него нет, но запахи и вибрации чувствует очень хорошо. Отдельные экземпляры могут достигать до тридцати метров в длину и до трех метров в обхвате. Ротовое отверстие снабжено четырьмя рядами зубов, которыми он может перегрызть любую кость. Последнее упоминание этой твари датируется чуть ли не столетие назад, однако, я не вижу, что же это еще может быть. И кстати, гули, для которых он является прямым конкурентом в пищевой нише, боятся его, как огня.

— Понятно, — сказал Ланс. — Что ж, пожалуй, я видел достаточно. Уходим.

— Как? — изумился Плачущий. — Разве мы не должны его убить?

— А мы должны? — в свою очередь удивился Ланс. — А зачем?

— Ну, это же чудовище, питающееся человеческой плотью...

— Думаю, этим людям уже все равно, — сказал Ланс. — И потом, если мы его убьем, даже если он там один, то их плотью придут полакомиться гули. Впрочем, если ты хочешь его убивать, валяй, действуй. Я подожду тебя снаружи.

— Ну...

— Я так и думал, — сказал Ланс, поворачиваясь к подвалу с обитавшим в нем червем спиной и начиная подниматься по лестнице. — Наша задача — ликвидировать Джемалю ад-Саббаха, а не всех тварей, которых он призвал к жизни или которым он жизнь здорово облегчает. Если в городе когда-нибудь появятся новые жители, это будет их проблема. А если не появятся, то кто-нибудь из вашей Ложи напишет новый путеводитель по заброшенным местам, в которых обитают разные чудовища.

— Возможно, ты прав.

— Конечно же, я прав, — они уже добрались до выбитых Лансом дверей. — Лучше расскажи мне про всю эту некромантию, с которой нам придется иметь дело.

— Некротику, — поправил его Плачущий. — Или некромагию. Но уж никак не некромантию.

— А есть какая-то разница?

— Да, и принципиальная, — сказал Плачущий. — Некротика — это есть магия смерти,

изучающая некромир и его проявления, а также поясняющая, как именно с ними можно взаимодействовать. Некромагия применяет энергию смерти для уничтожения жизненных связей. Многие путают это с некромантией, особенно люди, далекие от волшебства и не дающие себе труда хотя бы немного разобраться в терминологии. А на самом деле там нет ничего общего.

— Занятно, — сказал Ланс. — Я всегда считал, что это синонимы. Не считая «некротики», ибо это слово я вообще слышу в первый раз.

— Строго говоря, некромантия — это предсказание грядущих событий при помощи мертвых. Путем вскрытия мертвых тел, внутренностей умерших животных, сжигания праха и костей и суждение по думы от погребальных костров. Некоторые шаманы метают кости и видят будущее в зависимости от того, как они упали. И я, конечно, сейчас вовсе не игральные кости имею в виду. Иными словами, некромантия — это гадания и предсказания, а иногда — способ получения информации при помощи мертвых, подающих сигналы с того света. Это вообще не искусство, это примитивное шаманство, а чаще всего, обычное жульничество. Поэтому в обществе волшебников тебе не стоит демонстрировать свое невежество, путая эти понятия.

— Хорошо, я запомню, — пообещал Ланс. — И теперь, после лекции о том, что к делу не относится, мне хотелось бы услышать рассказ о вещах, более насущных. Например о том, с чем мы можем столкнуться, если продолжим свою охоту на Джемалю ад-Саббаху.

— Магия смерти — это наука, работающая не с мертвыми, но с самой смертью, как со стихией, питающей тебя энергией. Умение вызывать смерть и причинять страдания, работа с негативной энергией на фатальном уровне.

— А ты не мог бы изъясняться более человеческим языком? — поинтересовался Ланс. Они как раз вышли из дворца и Ланс замер на месте, определяя направление. Затем он решительным шагом двинулся в сторону, противоположную той, откуда они явились. Не к морю, отметил Плачущий. Возвращаться мы не собираемся.

— Некротика — это набор ритуалов, энвольтирование и нанесение негатива с использованием энергии смерти, — сказал он. — Сама же некромагия использует смерть, как стихийный набор векторов. Смерть для некромага — это стихия, доминанта, еще одна сила, подчиняющая себе все остальные элементы. Магия крови и все такое прочее. В отличие от некротики, тут не нужны ни катализаторы, ни особые ритуалы. Смерть, как источник энергии.

— И что это означает в практическом плане?

— Человеческим языком? — уточнил Плачущий.

— Именно.

— Главная практическая проблема некромагии — это невозможность энергетического ресурса, — сказал Плачущий. — То есть, ты убиваешь человека и в момент его смерти получаешь несколько единиц энергии. Потом ты тратишь эту энергию на какие-то магические действия и новой порции тебе взять просто неоткуда. До следующего убийства, я имею в виду. Поэтому тот, кто решает стать некромагом, вынужден идти по дороге, полной трупов.

— Как мы видим, Джемалю ад-Саббаху это обстоятельство не смутило.

— Кроме того, одна смерть дает слишком мало магической энергии, — продолжал Плачущий. — Поэтому активно действующему магу убивать приходится много и часто, что сразу привлекает к его персоне повышенное внимание.

— Эту проблему ему тоже удалось разрешить.

— Э... да. Судя по тому, что мы видели во дворце, он использует сочетание некротики и некромагии, — сказал Плачущий. — Черпает энергию из смерти, при этом убивает уже не собственноручно. Думаю, что место для его трона было выбрано не случайно, а руны на стенах служат чем-то вроде катализатора.

— Ну и насколько он силен?

— Сложно оценивать чей-то потенциал, не видя результатов его работы, — сказал Плачущий. — Однако, судя по количеству мертвых тел и исходя из того факта, что это были далеко не единственные смерти в этой войне, он должен быть очень силен. По меньшей мере, не слабее тебя. Но...

— Скорее всего, он намного сильнее меня, да?

— Скорее всего.

— Ложа знала об источниках его силы?

— Не могу говорить за всю Ложу. Я не знал. Балор, вероятно, что-то знает, но он редко делится информацией с теми, кого считает ниже себя и кого это напрямую не касается.

— То есть, он практически ни с кем ей не делится, — сказал Ланс. — Мне знаком этот стиль руководства, но я никогда не считал его удачным. К тому же, он не рассказал об этом мне, а меня это как раз очень даже касается.

— Видимо, он не посчитал, что это важно.

— Ага, — сказал Ланс. — Знаешь, мне тут в голову пришла одна мысль. Джемаль ад-Саббах черпает энергию в смерти, так? При этом убивать людей собственноручно ему вроде бы необязательно.

— Похоже на то.

— Он идет на север войной, а война — это очень много смертей, — сказал Ланс. — И если все так, как мы думаем, то от битвы к битве он будет становиться все сильнее.

— Если сможет направить всю энергию в одно русло... Да, такое возможно.

— Интересная перспектива, — сказал Ланс. — Ну почему я узнаю обо всем в самый последний момент?

Все произошло очень быстро.

Две белые точки, появившиеся на горизонте, стремительно увеличивались в размерах, и уже через час команда «Индегора» опознала в этих громадинах корабли военного флота Каганата. Даже не особо сведущий в морских делах Ринальдо сразу понял, что уйти от них не удастся — на судах было вдвое больше парусов, и казалось, что они не плывут, а летят над волнами.

На драку тоже рассчитывать не стоило — каждый корабль был вдвое больше «Индегора» и их команды не были потрепаны недавней схваткой с гулями. Капитан Мактиг решил не демонстрировать лишнего геройства и приказал спустить паруса, а оружие сложить на палубе. При таком соотношении сил ему оставалось надеяться только на милость подданных Субэтея.

Ринальдо оценил мудрость этой идеи, когда один из кораблей подошел ближе. Воины в легких кожаных доспехах стояли на его палубе так плотно, что между ними и карлику было не проскользнуть. Этот десант мог бы изрубить всю команду «Индегора» в фарш минут за десять, из которых девять бы заняло сближение кораблей и возня с мостками и абордажными крючьями.

Когда корабль подошел еще ближе, Ринальдо отметил, что его борт возвышается над палубой «Индевора» метра на три. Пожалуй, это был самый большой из кораблей, которые Ринальдо видел когда-либо в своей жизни. Его корпус по длине вдвое превосходил корпус «Индевора», на нем крепились четыре мачты, каждая из которых была в полтора раза выше мачт «Индевора» и несла в полтора раза больше парусов.

Хорошо, что я так и не решил, что мне делать с моим будущим, подумал Ринальдо. Потому что если бы мне удалось придумать хоть какой-нибудь план, сейчас бы он полетел к чертям.

Капитан Мактиг затейливо выругался, по рядам матросов пронесся испуганный шепот. Ринальдо поискал глазами леди Катрин, но она, по всей видимости, больше не выходила из своей каюты.

Абордажные крючья все-таки пошли в ход. Они впились в борта железными когтями, и десяток тросов подтянул «Индевор» почти вплотную к борту захватчика.

Видимо, сейчас начнется резня, подумал карлик. По идее, сейчас мне должно стать очень страшно, но, почему-то, не становится. Неужели именно так чувствуют себя люди, которым уже нечего терять?

А потом на палубу «Индевора» прыгнул человек. Не было ни мостка, ни веревочной лестницы, он просто прыгнул с трехметровой высоты, в момент соприкосновения с палубой его ноги слегка спружинили и он взмахнул руками, восстанавливая равновесие. Матросы, не делая резких движений, постарались отодвинуться от него, как можно дальше.

Выглядел этот человек вполне обычно. В легкой кожаной броне, надетой на алую тунику, в сандалиях, с коротким мечом на поясе. У человека было гладкое лицо, орлиный нос, темные волосы и смуглая кожа. Словом, он был обычным южанином, если бы не одна странность. На его лбу красовалась татуировка. То ли древняя руна, то ли буква какого-то местного языка, выполненная ярким синим цветом. Тем не менее, на заклеяменного раба он похож не был. Скорее, он был похож на того, кто такими рабами торгует.

Причем не поштучно, а крупным оптом.

— Кто тут капитан? — на общем языке Севера он говорил почти без акцента.

— Я, — Мактиг сделал шаг вперед.

— Ваш корабль — больше не ваш корабль, — заявил заклеяменный. — Он захвачен военный флотом великого Субэтея, да продлится его правление на века.

— По какому праву? — спокойно поинтересовался Мактиг.

— По праву сильного, — осклабился заклеяменный. — Кроме того, я подозреваю, что ваше судно перевозит контрабанду.

— Наши трюмы пусты, — возразил Мактиг.

— Так это еще подозрительнее. Значит, вы не контрабандисты, а шпионы. Куда вы направлялись?

— В Лонгхилл.

— Который находится значительно севернее, — заклеяменный издал короткий смешок. — Давайте? расскажите мне, что вы оказались в эти водах совершенно случайно.

— Шторм сбил нас с курса.

— И вы думаете, я поверю, что вы настолько не разбираетесь в навигации?

— Мы думали зайти в Рияд, чтобы пополнить запасы воды.

— Вы лжете довольно неумело. Ни один северный капитан, находящийся в своем уме, не пошел бы в Рияд, зная, что город контролирует Джемаль ад-Саббах.

— Уже не контролирует.

— Но вы-то не могли этого знать, — заметил заклеянный. — Последние отряды его армии покинули город всего неделю назад.

— У нас не было выбора...

— Достаточно лжи, — сказал заклеянный. — Ваш корабль отныне принадлежит Великому Каганату, а вы сами являетесь нашими пленниками и будете доставлены в столицу, где и решится ваша дальнейшая судьба. Вы можете принять это, как данность, или можете начать сопротивляться, и в таком случае ваша дальнейшая судьба решится прямо сейчас.

На ночлег они устроились в небольшом домике на самой окраине города, откуда открывался прекрасный вид на крепостную стену. Главным критерием, благодаря которому выбор Ланса пал именно на это жилище, была массивная деревянная дверь. И хотя для надежности Ланс подпер ее тяжелой скамьей, Плачущий все равно не чувствовал себя в безопасности. Тем более, что на улице стремительно темнело, и гули снова завели свои невеселые песни.

Убедившись, что жилище относительно безопасно, и какой-нибудь одинокий гуль не коротает время в соседней комнате, Ланс скинул сапоги и улегся на хозяйскую постель и слушал, как Плачущий гремит ящиками и скрипит дверцами шкафов.

— Еды нет, — доложил маркиз Тилсберри, появляясь в дверях спальни. В правой руке он держал глиняный кувшин. — Фрукты сгнили, мясо протухло. Есть немного масла и муки, но я не представляю, что из этого можно приготовить.

— Я не голоден, — сказал Ланс.

— Я тоже, — сказал Плачущий. — Но я думаю о будущем. Например о том, что утром нам захочется позавтракать. Ну, если мы доживем до утра и все такое.

— В кувшине масло? — осведомился Ланс.

— Нет, я нашел немного вина и теперь думаю, можно ли его пить, — Плачущий понюхал горлышко кувшина. — Пахнет нормально.

— А воды нет?

— Нет. К тому же, я слышал, что местная вода может быть небезопасна. Опытные путешественники рекомендуют воздерживаться от питья воды в чужих краях.

— Тогда выпей вина.

Плачущий с сомнением посмотрел на кувшин в своей руке.

— Я не уверен, что и это безопасно.

Ланс сел на кровати, забрал кувшин у маркиза Тилсберри, тоже понюхал содержимое, а потом сделал большой глоток.

— Вполне сносное, — вынес он вердикт. — Слабое, но чтобы утолить жажду, вполне пойдет.

— Угу, — Плачущий подождал, пока Ланс напьется, потом вернул себе кувшин и тоже основательно к нему приложился. — Ну, хорошо. Давай подведем промежуточные итоги нашей миссии. Корабль отчалил без нас. Ряд полон гулей, дворец его правителя полон трупов и кое-чего похуже. Джемаль ад-Саббах ушел из города вместе со своей армией и сейчас пересекает пустыню, дабы обрушиться своей яростью на северные королевства. А мы остались тут, без транспорта, без запаса еды и воды, и ничего не можем сделать. По-моему, все очень здорово получилось. То есть, оно, конечно, могло быть и хуже, и, по крайней мере,

мы оба все еще живы, но...

— Рано подводить итоги, — сказал Ланс. — Да, мы опоздали, но это не наша вина. Должно быть, его армия отправилась в поход еще до того, как мы угодили в чертов шторм.

— Судя по тому, что гули сюда набежали чуть ли не со всей южной части континента, ты прав, — согласился Плачущий. — Ну, а дальше-то что? Мы проиграли.

— Разве что первый раунд, — сказал Ланс. — Но не весь бой.

— То есть, ты на самом деле собираешься продолжить? — удивился маркиз Тилсберри.

— Да, конечно, — сказал Ланс.

— Но как? Как ты собираешься его хотя бы найти, не говоря уже об остальном? Достать его в городе — это уже было бы трудно, но достать его, когда он окружен своей армией... Это невозможно.

— Не глупи, — сказал Ланс. — Армия Джемалю ад-Саббаху совершает переход через пустыню, и ты явно путаешь боевые порядки с походными. Армия на марше — это, как правило, бардак. Достать его вечером в походном шатре — дело куда менее опасное, чем пробираться в его риядский дворец... Особенно если вспомнить, чем он в этом самом дворце занимался.

— Но ведь пустыня огромна и у Джемалю, как минимум, пара недель форы.

— Он идет маршем через пустыню, — сказал Ланс. — Он может выбрать сотню разных маршрутов, но у нас нет никакой необходимости выслеживать его в бескрайних песках, потому что мы точно знаем место, мимо которого он не сможет пройти.

— Э... я не знаю, — сказал Плачущий.

— Что находится в самом сердце пустыни? — поинтересовался Ланс.

Маркиз Тилсберри почесал затылок.

— Цитадель, — сообразил он. — Но откуда мы знаем, что он там будет? Что не пройдет мимо?

— Он чародей, — сказал Ланс. — Я не верю, что его не заинтересует сила, находящаяся в подземелье. Впрочем, даже если я ошибаюсь и она его таки не заинтересует, есть более прозаическая причина для посещения древней крепости — оазис, вокруг которого она построена. Он идет маршем через пустыню, и я не думаю, что запасы воды могут быть лишними. Неважно, ползет он ли он в саму Цитадель или нет, но мимо оазиса он точно не пройдет.

— Может быть, ты и прав, — сказал Плачущий. — И тогда нас осталось решить только одну маленькую проблемку. Как нам попасть в эту чертову Цитадель? Я знаю, что армии на марше неспешны, но, черт побери, как мы вообще можем пересечь пустыню, не говоря уже о том, чтобы догнать ад-Саббаху? У нас нет ни лошадей, ни верблюдов, ни даже ослов, и никакой возможности их раздобыть.

— Ты же волшебник, — с безмятежным спокойствием сказал Ланс. — Придумай что-нибудь.

— Я — ученик волшебника, — сказал Плачущий. — И я понятия не имею, что тут можно придумать. Хотя... Кажется, я придумал. Наколдуй нам пару лошадей. А еще лучше — верблюдов.

— Я не могу, — сказал Ланс.

— Почему? Это намного сложнее, чем разить молниями?

— Это другое, — сказал Ланс. — А как вообще в вашем мире путешествуют волшебники?

— Верхом на лошадях, — мрачно сказал Плачущий.

— А волшебники, которые куда-то сильно опаздывают и при этом не прочь произвести впечатление на необразованные слои населения? — поинтересовался Ланс. — Никто не пробовал оседлать грозу или что-то вроде того?

— Корд Яростный однажды попробовал оседлать демона, — сообщил Плачущий. — Он опаздывал на судилище, вдобавок по пути еще и река вышла из берегов или что-то вроде того, в общем, обычные пути для Корда были перекрыты. Тогда он вызвал демона, оседлал его и тот доставил его в пункт назначения по воздуху.

— Значит, для Корда все хорошо закончилось?

— Ну, там, куда его доставил демон, Корда убили, — сказал Плачущий. — Однако, убил его не демон, и вообще способ доставки к факту смерти никакого отношения не имеет.

— И как давно это было?

— Достаточно давно, чтобы история превратилась в сказку, — сказал Плачущий.

— Должен признаться, мне не особенно нравится эта идея, но другого выхода я не вижу, — сказал Ланс. — Валяй, призывай своего демона. То есть, не прямо сейчас, конечно, а утром.

— Я? — изумился Плачущий.

— Ты видишь здесь какого-то другого ученика чародея? — осведомился Ланс.

— Я не умею призывать демонов.

— Но тебе наверняка известны основы, — сказал Ланс. — Иначе чему вас тут вообще учат?

— Мне известны основы, — гордо сказал маркиз Тилсберри. — Я умею рисовать пентаграммы и знаю несколько формул вызова. Однако, я должен тебя предупредить, что это уже давно не работает. Похоже, наш мир слишком далек от населенного демонами измерения, и они просто перестали нас слышать.

— Ты, главное, все подготовь, — сказал Ланс. — А я сделаю так, что они нас услышат. Обязательно услышат.

— Этого я и боюсь, — пробормотал ученик чародея.

Оккупировавший единственную в доме постель Ланс безмятежно храпел всю ночь, а Плачущий ворочался на полу, слушал далекие завывания гулей и долго не мог заснуть. День оказался перенасыщен событиями, а все будущие дни тоже не обещали быть спокойными.

Заснуть ему удалось только под утро, и уже через несколько часов Ланс разбудил его дружеским тычком в бок.

— Вставайте, маркиз, вас ждут великие дела.

— И это меня совершенно не радует.

Плачущему хотелось пить, а вино кончилось еще вчера. В голове у него шумело, во рту было погано, а тело плохо слушалось своего хозяина. То ли это похмелье, то ли накопившаяся усталость, то ли и то и другое вместе. А может быть, он банально не выспался.

Не испытывая никакого энтузиазма и не особо веря в успех предприятия, Плачущий расчистил место в небольшом дворике перед домом, начертал пентаграмму, нарисовал руны и водрузил импровизированные факелы на надлежащие места. Он никогда не вызывал демонов и не слышал, чтобы кто-то вызывал демонов в последние хотя бы лет сто. По крайней мере, не слышал об удавшихся попытках.

С другой стороны, может оно и к лучшему.

На всякий случай проверив, хорошо ли меч вынимается из ножен, Плачущий встал над пентаграммой, воздел руки в потолок и начал читать заклинание. На второй фразе Ланс провел над пентаграммой правой рукой, и линии вспыхнули ярким фиолетовым светом. Нестерпимо ярким. Плачущий зажмурился, но продолжил читать.

Воздух был пронизан электричеством, как перед грозой, в центре пентаграммы клубился туман. Плачущий удивился, но вида не подал.

Ланс повторил пасс рукой, внутри пентаграммы что-то негромко хлопнуло, туман стал более плотным и начал приобретать конкретные очертания.

А ведь у меня и вправду получается, подумал Плачущий. Конечно, не столько у меня, сколько у Ланса, но я же могу стать первым за последние десятилетия чародеем, которому на самом деле удалось провести процедуру вызова.

А если мне еще и удастся остаться в живых...

У демона была голова козла, тело медведя и перепончатые крылья гигантской летучей мыши. Едва появившись в этом мире, он сразу же попытался вырваться за пределы пентаграммы. Линии, начертанные Плачущим на песке, на мгновение вспыхнули ярким фиолетовым пламенем, демон издал вопль, в котором ярость смешивалась с болью, ветер унес в пустыню сноп искр.

— Смертные! — возопил демон. — Зачем вы потревожили мой покой?

С губ Плачущего все еще срывались монотонные литания сдерживающих команд, а слезы заливали лицо. Ланс положил руку ему на плечо.

— Теперь можешь отдохнуть, — сказал он. — Я сам с ним поговорю.

Плачущий помотал головой.

— Одна только пентаграмма без заклинаний не сможет его удержать... если я прекращу читать команды, он вырвется и...

— Обязательно вырвусь, — пообещал демон. — Впрочем, я все равно вырвусь, прекратишь ты бубнить или не прекратишь. Вырвусь и головы вам обоим оторву, чтоб неповадно было.

— Назови свое истинное имя, — потребовал Ланс.

— Думаешь, это что-то тебе даст? — поинтересовался демон. — Власть? Контроль? Это всего лишь иллюзии, когда ты имеешь дело с Ульфом аз-Каддаи. Вы совершили огромную ошибку, призвав меня сюда, смертные, и теперь вы оба умрете.

— Пока ты находишься внутри пентаграммы, твои угрозы звучат особенно смешно, — сказал Ланс. — И, знаешь, я сыт по горло всеми этими разговорами. Давай-ка пропустим ту часть, в которой мы грозим друг другу страшными карами, и сразу перейдем к делу.

— Что ж, давай попробуем, — согласился Ульф. — И чего ты от меня хочешь, смертный?

— Чтобы ты доставил нас в сердце пустыни, — сказал Ланс. — В Цитадель. Найдешь дорогу?

— Я знаю это место, — сказал Ульф. — Но пара верблюдов обошлась бы вам дешевле. Демоны оказывают услуги смертным, но никогда не делают этого бесплатно.

— О, я готов заплатить тебе самую высокую цену, которую ты только можешь вообразить, — беззаботно сказал Ланс.

— Да ну? — изумился демон. — Не слишком ли много ты о себе возомнил, смертный?

В руке Ланса возник Призрак Ночи. Клинок беспрепятственно пересек границы пентаграммы и замер в нескольких сантиметрах от глотки Ульфа.

— Эта черная сталь есть конечная смерть в любом измерении, — сказал Ланс. — И ты понял верно. Самая высокая цена, которую я готов тебе заплатить — это твоя жизнь, и я действительно могу ее у тебя отнять.

— Кто ты такой, смертный? — изумился пришелец из другого мира.

— Если ты на самом деле такой могущественный демон, как о себе говоришь, то ты можешь посмотреть на мое внутреннее пламя, — сказал Ланс. — И тогда в вопросах больше не будет нужды.

Ульф осторожно повел руками, под его короткой шерстью перекачивались бугры мышц.

— Убери меч, — попросил он.

Ланс отвел меч в сторону. Ульф встал прямо против него и их взгляды пересеклись.

— Я знаю тебя, — сказал Ульф спустя три удара сердца. — Однажды ты открыл нам путь, а потом преградил его. Ты принял нашу корону, а потом бросил ее к нашим ногам. Ты обещал нам целый мир, и легионы проклятых дрались за тебя, но когда твоя жажда мести была утолена, ты встал против нас. Наши владыки верят, что ты заслуживаешь страшной участи, и агония твоя будет вечной.

— Похоже, ты меня действительно узнал, — заметил Ланс.

— Мы искали тебя, — сказал Ульф. — Все это время мы тебя искали.

— Что ж, и вот вы меня нашли, — сказал Ланс. — Хотя в этом и нет вашей заслуги.

Плачущий наконец-то замолчал. Похоже, он понял, что теперь от его усилий действительно мало толку, и решил предоставить Лансу договариваться с Ульфом самостоятельно. Если, конечно, им еще есть о чем договариваться, и они не вцепятся друг другу в глотки прямо сейчас.

— Ты, должно быть, попал в отчаянное положение, раз обратился за услугой к одному из нас, — констатировал Ульф.

— Ситуация непростая, — согласился Ланс.

— И ты не думал, что на призыв ответит кто-то, имеющий отношение к легионам.

— Я допускал и такую возможность.

— Теперь мы знаем, где тебя искать.

— Значит ли это, что ты окажешь нужную мне услугу? — поинтересовался Ланс. — Ведь в противном случае ты никому не сможешь рассказать о нашей встрече, и твои друзья так и не узнают, где меня можно найти.

— А где гарантии, что ты не убьешь меня после того, как я доставлю тебя в сердце пустыни?

— Ты все еще смотришь на мое внутреннее пламя, — сказал Ланс. — Ты должен видеть, что я не лгу.

— О, да, — сказал Ульф. — Сейчас ты не лжешь, но кто помешает тебе передумать? Слово клятвопреступника недорого стоит, а ты уже однажды нарушал свою клятву.

— Разве?

— Ты принял корону, — напомнил Ульф. — Это равносильно принесению обетов.

— Позволь мне иметь собственную точку зрения на этот вопрос.

— Как пожелаешь, — сказал Ульф. — Даже не знаю, как я бы поступил на твоем месте. Я имею в виду не тогда, а сейчас.

— А мне что до этого? — Ланс пожал плечами. — Я поступлю, как сказал. Вы все равно не можете придти в этот мир, кроме как по вызову.

— Да, — согласился Ульф. — Но зато теперь мы будем пристально следить за всеми

вызовами с этой стороны.

Плачущий нашел, что демон ведет себя нелогично. Угрожать Лансу, находясь внутри пентаграммы и наблюдая черный клинок в опасной близости от своих жизненно важных органов... Плачущий так бы делать не стал. Для того, чтобы так себя вести, нужно быть по крайней мере... демоном.

Возможно, не самым умным демоном из всех, которые проходили в этот мир с той стороны.

— Это пустые угрозы, — сказал Ланс. — Я вас не боюсь. Если ты помнишь, однажды я уже разбил вас в бою.

— Тогда у тебя была армия, — сказал Ульф. — А что есть у тебя сейчас?

Ланс демонстративно покрутил головой, оглядываясь по сторонам.

— Ты верно заметил, Ульф, — сказал он. — Нынче у меня нет армии. Но и вашей я что-то тоже не вижу.

Демон ослабился, явив миру длинные кривые зубы.

— Ты посеял уже достаточно ветра, лорд Кевин. Буря не заставит себя ждать.

— Сейчас меня интересуют лишь те ветры, которые дуют к сердцу пустыни.

— И что же ты хочешь найти там, кроме кучи раскаленного песка?

— Цитадель, — напомнил Ланс. — Ты сказал, что тебе известно это место.

— Груда раскаленных камней, — согласился Ульф. — Или ты рассчитываешь обнаружить там что-то еще?

— По правде говоря, не могу представить, зачем тебе нужно это знать, — сказал Ланс. — От тебя требуется только доставить нас в Цитадель. Что мы там будем делать, это уже не твоя забота.

— Это место когда-то было средоточием силы, — сообщил Ульф. — Но сейчас силы там нет. Чего бы ты ни желал там обрести, твой поход будет напрасным.

— Я больше не ищу силу.

— Напрасно. В ближайшем будущем она бы тебе очень пригодилась.

— Кто сейчас командует Легионами? — поинтересовался Ланс.

— Лорд Арфарот.

— Не помню такого, — сказал Ланс. — Должно быть, он возвысился после той битвы, в которой я изрядно проредил ряды ваших владык.

Ульф кивнул.

— Значит, он у меня в долгу.

— Мы все у тебя в долгу, — сказал Ульф. — И будь уверен, что мы свои долги платим.

— Отлично, — сказал Ланс. — А сейчас давай обсудим, как ты собираешься доставить нас в Цитадель.

Глава шестнадцатая. Цитадель

Двое неразговорчивых солдат Каганата выволокли Ринальдо из трюма, где он коротал время с остальной командой «Индевора» и доставили его в капитанскую каюту, которую ныне занимал человек с татуировкой на лбу. Во время следования Ринальдо попытался оценить численность призовой команды, высаженной на «Индевор», но не особо в этом занятии преуспел. На палубе он был слишком недолго, и подсчитать количество супостатов просто не успел.

Впрочем, боевые корабли Каганата все равно никуда не делись. Один из них шел слева и чуть впереди, другой держался в кильватерной струе «Индевора». Похоже, этот конвой будет сопровождать их до самого конца путешествия. Ринальдо оставалось только надеяться, что конец путешествия не станет концом его жизни.

Человек с татуировкой на лбу сидел за столом капитана Мактига, смотрел морские карты, а его руки небрежно играли с изогнутым кинжалом. Конвоиры остались охранять двери, а Ринальдо уселся на один из двух стульев, стоящих с противоположной стороны стола. Это было не очень вежливо, но похоже, что нынешний хозяин каюты (и всего корабля тоже) не возражал.

— Я — Адаль, — представился сидящий за столом человек с синим клеймом на лбу. — А ты — Ринальдо, и я знаю, что в тех местах, откуда ты прибыл, ты был шутком. Говоря по правде, ты не кажешься мне смешным.

— А каким я тебе кажусь?

— Жалким и бесполезным.

Забавно, но именно таким Ринальдо себя и чувствовал. Если не всю жизнь, то последнее время уж точно.

— Но я также знаю, что из людей, кого мы захватили на корабле, ты дольше всех знаком с лазутчиками, которых вы оставили на берегу, — продолжал Адаль. — Расскажи мне о них.

— А то что? — поинтересовался Ринальдо с храбростью, которой не чувствовал.

— А то я отрежу тебе пальцы, пожарю их в масле и накормлю тебя этим блюдом, — пообещал Адаль. — И, поверь мне, это будет только начало долгого пира, во время которого ты отведаешь и куда более экзотические блюда.

Сказано это было совершенно бесстрастным тоном, но Ринальдо почему-то не сомневался, что Адаль обязательно выполнит свое обещание. Что ж, карлики никогда не подходили для роли героев.

— Я не большой любитель экзотической кухни, — признался Ринальдо. — Что ты хочешь знать?

— Все, что ты можешь мне сообщить, — сказал Адаль. — Их двое. Я знаю, что они оба колдуна.

— Только один из них, — сказал Ринальдо. — Второй — убийца колдунов.

— Это он носит с собой черный меч?

— Да. И я понятия не имею, где он его прячет все то время, что не выпускает им кишки очередному чародею.

— Опасный человек, да? — Адаль улыбнулся, демонстрируя крупные белые зубы. — Кто он? Откуда он пришел?

— Я не знаю.

— Если ты отведаешь свое левое ухо, запеченное на углях, это не освежит тебе память?

— Но я на самом деле не знаю! — возопил Ринальдо. — Он называет себя сэром Ланселотом и говорит, что прибыл очень издалека. И я склонен ему верить. Он не принадлежит ни одному из северных королевств.

— Но он и не южанин.

— Я думаю, что он вообще не из нашего мира, — сказал Ринальдо. — Когда мы с ним познакомились, он в буквальном смысле вылез из-под земли. И я не шучу, и даже если ты пообещаешь скормить мне еще какую-нибудь часть моего тела, от этих своих слов не откажусь.

— Сын Хаоса, Предвестник Тьмы, — сказал Адаль. — Меч его черен, глаза его полны ярости, путь его устлан телами врагов.

— Похоже, ты знаешь его куда лучше, чем я, — Ринальдо решил, что он ничему больше не будет удивляться. Описание, которое Адаль дал Лансу, было довольно точным, хотя и излишне поэтичным, но вот насчет глаз Ринальдо бы поспорил. Тоски и усталости в них было куда больше, чем ярости. По крайней мере, в те моменты, когда он не вытаскивал свой страшный меч и не бросался крушить очередную порцию неприятелей.

— Зачем он пришел на юг?

— Его послали убить Джемаля ад-Саббаха, — эта информация вряд ли могла кому-то сильно навредить. В конце концов, Адаль служит Великому Кагану, а не Льву Пустыни.

— Кто послал?

— Балор Огнерожденный. Это...

— Глава Ложи Чародеев Севера, — кивнул Адаль. — Но Сын Хаоса не похож на человека, который с легкостью берется выполнять чужие поручения.

— Я понятия не имею, чей он там сын, но за это поручение он взялся с удовольствием, — сказал Ринальдо.

— Сын Хаоса живет в битвах.

— Пап, ты с кем сейчас разговаривал?

Адаль нахмурился.

— Это такая северная шутка, — спешно пояснил Ринальдо. — Я же шут и ничего не могу с собой поделаться. Иногда прорывается.

— Кто его спутник?

— Это местный, — сказал Ринальдо. — Плакса... То есть, маркиз Тилсберри, ученик чародея. Правда, того чародея уже убили, как раз сэр Ланселот и убил, так что он теперь вроде сам по себе.

С Адалем вдруг что-то случилось. Взгляд его сделался бессмысленным и уставился в точку над правым плечом Ринальдо, тело обмякло в кресле, правая рука осталась на столе, левая безвольно повисла.

— Ого, — сказал Ринальдо. — С тобой все нормально?

Адаль не ответил.

— Похоже, что нет.

Ринальдо удобнее устроился на стуле и стал ждать. За дверью все равно стоят стражники, корабль кишит солдатами Каганата, а боевые суда идут конвоем, так что, даже попытайся он что-нибудь предпринять, ничего не выйдет. Да и что он может? Пробраться в трюм и освободить команду? Даже если его не прирежут на самой ранней стаи этого плана, дальше-то что? «Индевору» не уйти от более быстроходных судов, даже если экипаж

капитана Мактига сможет справиться с людьми Адаля, размещенными на его борту.

Где-то через полчаса заклеянный пришел в себя и уставился на Ринальдо, как ни в чем не бывало.

— Что ты знаешь о черном мече?

— Он меч и он черный, — сказал Ринальдо.

— Кто его выковал?

— Понятия не имею.

— Это объект силы?

— Я — всего лишь шут, — взмолился Ринальдо. — Я в принципе не понимаю, о чем ты говоришь.

— Пусть так, — сказал Адаль. — Теперь ад-Саббах ушел из Рияда. Последует ли за ним Сын Хаоса?

— О, да, — сказал Ринальдо. — Я не знаю, чей он там сын, но этот парень очень настойчивый. Если уж он что-то вобьет себе в голову, то никогда от этого не отступит.

— Почему он взял тебя с собой? Ведь в бою ты совершенно бесполезен.

— Я оказал ему пару услуг, и мы вроде как стали друзьями, — сказал Ринальдо.

— Почему же ты не высадился вместе с ним на берег?

— Потому что от меня там было бы мало пользы.

Следующий вопрос Адаля оказался неожиданным и застал Ринальдо врасплох.

— Насколько высоко он тебя ценит?

— Ну, он Сын Хаоса, — сказал Ринальдо после короткого раздумья. — А я — всего лишь карлик и шут.

— А высокородная леди, которую мы захватили на вашем корабле?

— Не такая уж она высокородная, если по правде, — сказал Ринальдо. — Думаю, что она ему безразлична.

— Зачем же тогда он взял ее с собой?

— Мы должны были высадить ее по дороге, но шторм спутал все наши планы, — о том, что Ринальдо намеревался сойти с корабля там же, он умолчал. Теперь это не имело никакого значения.

— Ты рассказываешь мне очень странную историю, карлик.

— Ну, а что я могу сделать, если вот такая она и есть? Жизнь — вообще довольно странная штука.

— То есть, если эта высокородная леди умрет жуткой смертью, он не придет за нее мстить?

— Не знаю, — честно признался Ринальдо. — Я бы на это не поставил.

— А за тебя?

— Вряд ли.

— Ты же говоришь, что вы друзья.

— Ну, это я немного преувеличил, — в каюте было жарко, но по спине карлика катился холодный пот. — Скорее, до определенного момента нам просто было по пути. А потом наши дороги разошлись.

— Как я могу привлечь его внимание?

— Не знаю. Вряд ли у тебя что-то выйдет, по крайней мере, до тех пор, пока Лед Пустыни продолжает дышать.

— Мне сложно поверить в то, что ты рассказываешь, — заявил Адаль. — По твоим

словам получается, что цель этого плавания заключалась в том, чтобы доставить на юг этих двоих лазутчиков и убийц. Для этого нужен корабль и команда. Но ни карлик ни высокородная леди обычно не входят в команду корабля.

— Говорю же, мы попали в шторм, и он спутал нам все карты.

— Или же ты мне лжешь.

— А смысл? Много ты видел карликов-шпионов?

— Из карликов получаются очень неплохие лазутчики, — заметил Адаль. — Благодаря своим размерам вы можете проникнуть туда, куда обычному человеку не попасть.

— Ты же знаешь, что я был шутком, — сказал Ринальдо. — Всего лишь шутком. Ну кто доверит шуту хоть что-то важное?

— Для обычного шута ты забрался слишком далеко на юг.

— Я же говорю, это все из-за шторма.

В коридоре послышался какой-то шут, потом дверь открылась и в каюту вошла леди Катрин. Платье в полном порядке, прическа идеально уложена... То-то Ринальдо не видел ее в трюме. Высокородной леди позволили остаться в ее каюте, и, судя по всему, вместе со служанкой.

— Я — Адаль, — снова представился человек с клеймом на лбу. — Присядьте на стул, мы как раз о вас говорили.

— Благодарю, — леди Катрин удостоила Адаля легким кивком и устроилась на стуле рядом с Ринальдо.

— Я как раз говорил, что мы обнаружили на этом корабле очень странных пассажиров, — сказал Адаль. — И наш маленький шут так и не смог мне объяснить, с какой целью вы здесь находитесь. Путешествие по этим морям мало похоже на увеселительную прогулку.

Леди Катрин промолчала.

— Вы избрали неправильную стратегию для нашей беседы, — сказал Адаль. — Молчание не принесет вам ничего хорошего. Вы либо ответите на мои вопросы, либо будущее ваше будет крайне незавидно.

— А по какому праву вы захватили наш корабль? — поинтересовалась леди Катрин. — Что военные суда Каганата делают в этих морях, плавание по которым мало похоже на увеселительную прогулку?

— Военные суда Каганата ходят везде, если есть на то воля Великого Субэтея, — заявил Адаль. — И я не просил вас задавать вопросы. Я просил отвечать на мои. Но я все же скажу. Мы захватили ваш корабль по праву сильного.

— Выходит, что Каганат воюет с Северными королевствами?

— Это не война, — сказал Адаль.

— Ага, — согласился Ринальдо. — Это маневры.

Адаль смерил его уничтожающим взглядом.

— Меня интересует человек с черным мечом, — сказал Адаль. — Человек, который прибыл на Юг, чтобы убить Джемалю ад-Саббаха.

— Сэр Ланселот, — уточнила леди Катрин.

— И что вы можете мне о нем рассказать?

— Он — рыцарь.

— Он — отрыжка шайтана, — внезапно не согласился с ней Адаль. — Мой повелитель желает знать, как его остановить.

— Никак, — сказала леди Катрин. — Вам придется убить его.

— Это не так сложно, как вы думаете.

— О, нет, — сказала леди Катрин. — Это гораздо сложнее, чем думаете вы.

— Субэтей не склонен недооценивать противника, — заявил Адаль. — Зато мне кажется, что вы об этом сэре Ланселоте самого высокого мнения. Может быть, даже слишком высокого.

— Он — герой войны.

— На войне легко быть героем, — сказал Адаль. — Достаточно иметь хоть чуточку везения и невысоко ценить свою жизнь. А как насчет вас?

— Что насчет меня?

— Насколько высоко вы цените свою жизнь? — поинтересовался Адаль.

— Не настолько, чтобы заплатить за нее любую цену.

— Красиво сказано, — согласился Адаль. — Но так ли оно на самом деле? Если я начну отрезать вам пальцы, один за другим? Выдергивать зубы? Ломать кости? Резать ваше прекрасное лицо ножом?

Леди Катрин побледнела, но взгляда не отвела. Истинная дворянка, подумал Ринальдо. Глупый, редкий, ныне почти вымирающий вид.

— Делайте, что хотите.

— На это мне не требуется вашего разрешения, — сказал Адаль и снова выключился.

Наверное, это какая-то местная болезнь, мысленно заключил Ринальдо. Главное, чтобы я сам ее не подхватил. Хотя, какая теперь разница?

— Что это с ним? — поинтересовалась леди Катрин.

— Не знаю, — сказал Ринальдо. — Я вообще ничего не знаю об этом человеке, кроме того, что у него очень странные кулинарные предпочтения. Но прошлый раз он очнулся достаточно быстро.

Леди Катрин встала с кресла. Прежде, чем Ринальдо успел что-то сообразить, а о том, чтобы остановить ее, речи вообще не было, она схватила со стола изогнутый кинжал Адаля и вонзила его южанину в сердце.

Вот теперь нам точно конец, подумал шут, глядя на рукоятку, торчащую из груди Адаля. Ну вот надо же ей быть такой дурой?

— Бежим, — сказала леди Катрин.

— Куда? — простонал карлик. — Корабль в руках его солдат, конвой никуда не делся, до берега черт знает, сколько плыть, и даже если мы доплывем, что мы будем там делать?

— Надо освободить команду и попытаться отбить судно.

— И героически умереть, — закончил Ринальдо. — Впрочем, возможно, это и не самый плохой вариант.

Поскольку другого оружия в каюте все равно не наблюдалось, Ринальдо потянулся через стол, чтобы вытащить кинжал из груди Адаля, и тут же в глаза ему бросился довольно удивительный факт. Рана не кровоточила. Ну вот то есть совсем. Кинжал прорезал одежду, и, совершенно очевидно, он прорезал кожу, но крови не было ни там, ни там. Словно оружие воткнули не в человека, а в манекен.

Впрочем, когда Ринальдо вытащил оружие, капелька крови из раны все-таки показалась. Она была черная и тягучая, как деготь.

— За дверью двое стражников, — сказала леди Катрин.

— Чудесно, — тупо сказал Ринальдо, все еще пытаюсь осмыслить нетипичное состояние

ожного покойника. — Я убью их обоих, потом сокрушу тех, кто на палубе, а потом утоплю оба их корабля исключительно при помощи чувства своего морального превосходства. И уже после этого отправлюсь в пустыню и спасу мир от Джемалю ад-Саббаху, будь проклят он и все его потомки во веки веков. А вот уже потом я нанесу визит Великому кагану Субэтею и расскажу ему о неправильном поведении его подданных.

— Достаточно слов, — сказала леди Катрин.

— Слов никогда не бывает достаточно, особенно если учесть, что это вполне могут оказаться мои последние слова, — сказал карлик.

— Мы теряем время.

— Да какая разница? Сколько его у нас осталось, этого времени?

— Дай мне кинжал, — леди Катрин требовательно протянула руку. — Если ты не решаешься, я все сделаю сама.

Несколько мгновений Ринальдо боролся с искушением сделать так, как она просит, но потом ему удалось убедить себя, что он все же мужчина, хотя и не полноразмерный, так что он склонился в шутовском поклоне, поцеловал протянутую к нему руку, но кинжал оставил себе.

Плачущий подумал, что если у него когда-нибудь будут дети (он был волшебником, но все же знал, откуда берутся дети), то среди многочисленных историй, которые он будет рассказывать им на ночь, никогда не будет истории о полете к сердцу пустыни верхом на демоне. Потому что после таких историй детей наверняка будут мучить кошмары. Плачущий не сомневался, что его самого они будут мучить еще очень долго.

Вверху было голубое небо и белое Солнце. Внизу, гораздо дальше, чем этого бы хотелось Плачущему, желтая пустыня. По обеим сторонам хлопали большие кожистые крылья, в ушах свистел ветер. Поскольку держаться за короткую и жесткую шерсть, покрывавшую спину Ульфа, было неудобно, Плачущий держался за Ланса. За что держится сам Ланс, он предпочитал не думать.

Где-то через полчаса полета он попробовал закрыть глаза, но стало только хуже. Ужасные звуки никуда не делись, и осознание, что падать будет очень долго и очень больно — тоже.

Оставалось только надеяться, что сам полет будет достаточно коротким.

— Посмотри, — Ланс обернулся и показал рукой куда-то вниз. — Похоже, что мы таки не ошиблись и двигаемся в правильном направлении.

Плачущий предпочел бы не смотреть вниз, но все же выполнил просьбу Ланса и узрел черную цепочку муравьев, двигавшихся на желтом фоне пустыни. Цепочка была очень длинная, и начало ее скрывалось за горизонтом.

— Армия на марше, — пояснил Ланс.

Плачущий не умел оценивать численность армии, наблюдая за ней с высоты птичьего полета, но даже ему было очевидно, что это очень большая армия. Пожалуй, самая большая из всех, что ему когда-либо доводилось видеть. Балор не преувеличивал угрозы.

Спокойнее от этого Плачущему отнюдь не стало, ибо летели они туда же, куда двигалась эта огромная армия, и встреча их в месте прибытия была весьма вероятна, а то и вовсе неизбежна.

Можно ли убить главнокомандующего, не вступая в бой с его войском? Ланс наверняка может пробраться в его шатер ночью и завершить дело одним ударом. Может-то он может,

только захочет ли?

Сложно прогнозировать поведение человека, который стремится только к славной смерти.

Совершить подвиг Ринальдо не успел.

Едва он подошел к двери, собрав всю имевшуюся в наличии смелость и зажав в руке изогнутый кинжал Адаля, как с противоположной стороны каюты донеслись жидкие аплодисменты. Ринальдо обернулся и узрел Адаля, выпрямившегося в своем кресле и хлопающего в ладоши. Ринальдо не удивился, нет. Он уже ничему не удивлялся и всегда ждал подвоха.

И вот он, подвох. Воистину, жизнь пессимистов слишком предсказуема.

— Хорошая попытка, — сказал Адаль, разглаживая пальцами одежду. — Может быть, не слишком умная, но достаточно храбрая. И кто из вас это сделал?

— Я, — сказал Ринальдо.

— Я, — сказала леди Катрин.

— Кто-то из вас лжет, — констатировал Адаль. — Я лично ставлю на благородную леди. Мне кажется, у карлика не хватило бы на это духу.

— У меня твой кинжал, — сказал Ринальдо.

— И правда, — согласился Адаль, поднимаясь из-за стола. Он оказался очень высоким даже для Ринальдо, который привык всю жизнь смотреть на людей снизу вверх. — Не хочешь отдать его мне?

— Бери, — равнодушно сказал Ринальдо, бросая кинжал к ногам Адаля. Альтернативы все равно не было. Какой смысл драться с человеком, который только что продемонстрировал, что смертельные для обычного человека раны ему нипочем?

— Спасибо, — Адаль подобрал кинжал. — Теперь я спрошу еще раз, и отнеситесь к этому моему вопросу с полной серьезностью. Кто из вас это сделал? Мне на самом деле очень важно это знать.

— Я, — сказал Ринальдо.

— Я, — сказала леди Катрин.

— Что ж, тогда я выберу сам.

Со скоростью атакующей кобры Адаль метнулся через половину каюты и оказался возле леди Катрин. Схватив ее за волосы, он развернул ее спиной к себе и запрокинул ей голову.

— Я вас не боюсь, — сказала леди Катрин.

— Как пожелаете, — Адаль ухмыльнулся и одним резким, отточенным движением перерезал ей горло. Кровь залила платье, хлынула на пол каюты, испачкала одежду самого Адаля. Все еще удерживая тело, Адаль вытер кинжал о платье леди Катрин, и лишь потом позволил ей упасть.

Это выглядело слишком обыденно. Словно он всю жизнь только тем и занимался, что перерезал глотки беззащитным женщинам. Ну, скорее всего, не только женщинам, поправил себя карлик. Скорее всего, у этого палача большой послужной список.

— Убей и меня, — хрипло сказал Ринальдо. — Лучше убей.

— А иначе что? — поинтересовался Адаль. — Будешь мне мстить? А как?

— Не знаю, — честно сказал Ринальдо. — Но лучше убей.

— Зачем же спешить? Я всегда успею это сделать.

Отчетливо понимая, что у него нет никаких шансов, Ринальдо бросился в атаку.

Вероятно, со стороны это выглядело очень смешно — визжащий от ярости карлик, молотящий кулаками профессионального убийцу в последней отчаянной атаке. Свободной рукой Адаль схватил Ринальдо за шею, поднял в воздух и отбросил в сторону.

Стена, о которую он приложился спиной и затылком, была очень жесткая. От удара у Ринальдо потемнело в глазах, но он все же нашел в себе силы встать.

Пол каюты плясал у него под ногами, и дело было не только в качке.

— Твой героизм не производит на меня впечатления, — насмешливо сказал Адаль. — На своем веку я видел много героев, и они видели меня, и чаще всего это зрелище было последним в их жизни.

Ринальдо подошел ближе. Адаль лениво смазал его по зубам, и карлик почувствовал во рту вкус собственной крови. Страха он не испытывал, жгучая ярость тоже уже прошла, так же быстро, как и появилась. Осталась лишь безнадежность и понимание того, что, как бы ни хотелось обратного, путь у него остался только один.

Подпрыгнуть и вцепиться в горло этого надменного южного типа. Зубами, если понадобится. Если это и не принесет никакого результата, Ринальдо хотя бы будет знать, что умер, не как трус.

Эта мысль не утешала.

Адаль повесил кинжал на пояс и кликнул стражников. Когда они вбежали, им пришлось буквально отдирать вопящего, кусающегося и царапающегося карлика от тела своего начальника.

— Отведите его в трюм к остальным, — распорядился Адаль. — Но сначала выведите его на палубу и отрубите ему руку. Пожалуй, левую. Только аккуратно, я не хочу, чтобы он истек кровью и умер. Что-то мне подсказывает, что этот карлик нам еще пригодится.

Надо бы заорать, подумал Ринальдо. Если бы такое приказал Альый Ястреб или молодой король, он бы обязательно заорал. Но этому ублюдку он такого удовольствия не доставит.

К полудню цепочка муравьев, над которой они пролетали, наконец-то иссякла и пейзаж внизу снова стал желтым и однообразным. Плачущий немного по привычке к полету, но получать удовольствие от процесса у него так и не получалось.

Мечты о полете, ха. Плачущий слышал много песен, в которых люди завидовали птицам, но сам никогда их не понимал. Птицы рождены для полета, для них это нормально, а для человека нормально стоять обеими ногами на твердой земле.

Может быть, если бы это у него были крылья, и он сам мог бы контролировать этот полет, его ощущения были другими. Но, скорее всего, ему бы это все равно не понравилось.

Сидеть было жестко и неудобно, а сменить позу не представлялось никакой возможности. Ветер свистел в ушах, Солнце слепило глаза, страх высоты сковывал все тело. Плачущий мечтал лишь о том моменте, когда этот полет закончится. Черт с ним, что в конечном пункте их скорее всего будет ждать смерть, лучше уж умереть на земле, чем вот так скитаться под небесами. Перспектива боя со Львом Пустыни и всей его армией теперь уже не казалась ему такой уж отталкивающей.

Цитадель показалась только к вечеру. Сначала — как далекая точка на горизонте, стремительно увеличивающаяся в размерах по мере приближения. Вот оно, возликовал Плачущий. Неужели уже все?

Цитадель производила впечатление. Внешние стены двадцатиметровой высоты грозно нависали над пейзажем, а сам замок был втрое выше. При этом Плачущему не удалось

заметить ни единого стыка между камнями. Создавалось впечатление, что крепость вытесали из цельного куска скалы. Плачущему трудно было представить, какие силы были при этом задействованы.

Демон высадил их во внутреннем дворе цитадели, и, почувствовав под ногами твердый камень, Плачущий ощутил короткий прилив счастья. И плевать, что ноги подкашивались, а все тело затекло. Он снова был на земле. Он снова мог хоть как-то контролировать ситуацию.

Ссадив их, демон не спешил улетать. Видимо, ему этот полет тоже нелегко дался.

— Спасибо, — сказал ему Ланс. — Если мы встретимся в бою, я постараюсь даровать тебе быструю смерть.

— Не могу обещать тебе того же, — отозвался демон. Бока его тяжело вздымались. — Сейчас ты отпустишь меня?

— Да, — сказал Ланс. — Я держу свое слово.

— Ты — достойный противник, лорд Кевин, — сказал Ульф. — Надеюсь, судьба еще сведет нас на поле боя.

— Да будет так.

Тяжело взмахнув крылами и подняв в воздух небольшое облачко пыли, демон взлетел.

— Удачи тебе в любой войне, которую бы ты ни вел, лорд Кевин, — сказал он на прощание. — Я верю, что ты будешь здесь до тех времен, когда Легионы придут платить по счетам.

Плачущий на прощание помахал ему руку.

Когда демон скрылся из вида, Ланс, до сих пор державшийся бодрячком, опустил руки и уселся на асфальт.

— Каждый раз, когда ты совершаешь очередной поступок, достойный воспевания в балладах, ты чувствуешь себя, как выжатый лимон, не так ли? — спросил он.

— Не знаю, — сказал Плачущий. — Мне еще не доводилось совершать ничего, что было бы достойно воспевания.

— Тогда с почином, — сказал Ланс.

— Вот уж спасибо.

Ланс вытянулся на нагретых солнцем камнях. Плачущий же наоборот попрыгал на месте, чтобы восстановить кровообращение.

— А где оазис? — поинтересовался он.

— Я так полагаю, что за стенами, — сказал Ланс.

— Не заметил его, когда мы подлетали.

— Может быть, с другой стороны.

— Может быть, — согласился Плачущий. — Пойдем внутрь и все осмотрим?

— Если твое любопытство не способно подождать хотя бы полчаса, то иди один.

— Способно, — решил Плачущий. — Но все-таки, это же место нашей последней битвы и все такое.

— Ага, — сказал Ланс. — И все такое.

— Если бы у нас было хотя бы человек двести, мы могли бы держать эти стены месяцами.

— Не думаю, — сказал Ланс. — Судя по численности той армии, которую мы видели сегодня с утра, они уже через день смогли бы подняться на стены по трупам своих менее удачливых товарищей. И вообще, эта крепость явно построена не для того, чтобы держать

осаду.

— Ну да, принято считать, что Торин воздвиг ее для того, чтобы не дать чему-то вырваться наружу, а не ворваться внутрь, — сказал Плачущий. — Но я не думаю, что этот факт сильно сказался на ее обороноспособности.

— Что толку об этом говорить, если у нас нет двухсот человек? — поинтересовался Ланс.

— Ну и какой у нас тогда план?

— Не знаю пока. Но ад-Саббах появится здесь не раньше, чем через неделю, а то и две, так что у нас еще есть время, чтобы это придумать.

Плачущий сдался и присел рядом с Лансом.

— Я всегда полагал, что у таких мест должна быть своя особая атмосфера, — сказал он. — А ничего подобного. Здесь просто жарко, как и в остальной части пустыни.

— В Рияде была вполне особая атмосфера, — напомнил Ланс.

Плачущий поморщился.

— Тебе обязательно было напоминать?

— Это просто старый замок посреди пустыни, — сказал Ланс. — Пусть его когда-то воздвигли с помощью волшебства, но с тех пор все волшебство ушло и остались только камни. А камни не пахнут даже в пустынях. Кстати, а ведь чем-то тут все таки пахнет.

— Да? — Плачущий принялся. И правда, в горячем воздухе витал какой-то еле уловимый запах, но определить его точнее у волшебника не получалось, хотя и было в нем что-то очень знакомое. — Ты прав, что-то тут есть...

— И кто-то, — сказал Ланс.

— А?

— Не дергайся, — Ланс поднялся на локтях. — Похоже, Цитадель эта не так уж и заброшена, как это должно было быть.

Во внутреннем дворике появился третий человек. Среднего роста, в пыльной дорожной одежде, поверх которой был надет рабочий фартук с многочисленными пятнами неясного происхождения. В руках этот человек держал взведенный и уже готовый к стрельбе арбалет.

— Кто вы такие? — спросил он.

— Мы просто мимо... пролетали, — сказал Ланс.

— Я видел, — согласился тот. — Ваше появление было весьма впечатляющим, но оно не может ответить на мой вопрос. Кто вы такие и что вам здесь надо?

— Это уже целых два вопроса, — беззаботно заметил Ланс. — Кстати, я не могу не заметить, что из арбалета ты успеешь выстрелить только один раз.

— У меня есть еще и меч.

— А, так ты основательно подготовился к встрече. Люблю основательных людей.

— Вы служите Джемалю ад-Саббаху?

— Скорее, наоборот. Но я не думаю, что ты поверишь нам на слово. На нашем месте любой стал бы врать и изворачиваться, не так ли?

— Я ведь могу и выстрелить.

— Можешь, — согласился Ланс. — Но если бы тебе на самом деле хотелось стрелять, ты бы уже стрелял. Кстати, для мастерового ты держишь арбалет достаточно уверенно.

— Я служил в армии.

— Я тоже.

— И я не мастеровой. Я алхимик.

Ах, вот оно что, понял Плачущий. Теперь понятно, откуда мне знаком этот запах. Так пахнет в алхимических лабораториях, и от этого едкого аромата очень сложно избавиться даже с течением времени.

— Значит, рука у тебя не дрогнет, — сказал Ланс и снова откинулся на спину. — Алхимик, значит? Как продвигаются поиски философского камня?

— Поиски чего?

— О, надо же, неужели ваша алхимия пошла другим путем, — сказал Ланс. — Впрочем, это не так важно. Ты же видишь, что мы такие же северяне, как и ты, поэтому шансы, что мы можем оказаться лазутчиками ад-Саббаха, весьма невелики.

— И кто же вы такие?

— Меня зовут Ланс, а это — Джеймс, он же маркиз Тилсберри, — сказал Ланс. — Кстати, также ты можешь знать его по прозвищу — Плачущий. А как зовут тебя, алхимик?

— Терпен.

— Приятно познакомиться, — сказал Ланс. — Ты тут один?

— Теперь да. Плачущий? Тот самый Плачущий?

— Угу, — мрачно сказал Джеймс. — Тот самый.

— Много о тебе слышал.

— Спасибо. К сожалению, не могу ответить взаимностью.

— Докажи, то ты Плачущий, — сказал Терпен. — Сотвори магию, а я посмотрю на твои слезы. Только пусть это будет какая-нибудь безобидная магия. При первом же признаке угрозы я начну стрелять.

— Пожалуйста, — сказал Плачущий. Он порылся в карманах, нашел там какую-то веточку и сотворил из нее розу. Простой фиглярский трюк, которому учили придворных чародеев только для того, чтобы очаровывать придворных же дам. Более фокусничество, чем искусство.

Но от предпринятых усилий чертовы слезы все равно застили глаза. Плачущий бросил розу на песок и проморгался.

— И что же здесь делает знаменитый ученик Алого Ястреба?

— Алый Ястреб мертв, так что я уже ничей не ученик.

— Что с ним произошло? — поинтересовался Терпен.

— С ним произошла война, — сказал Плачущий. — Видимо, ты слишком долго здесь сидишь.

— Нет, я слишком долго был в пути, — сказал Терпен. — Так что вы здесь ищете?

— Джемалю ад-Саббаха, — сказал Ланс. — Нас послал Балор Огнерожденный. Полагаю, это имя тебе также должно быть известно.

— Разумеется, — сказал Терпен. — Занятное совпадение.

— Где тут совпадение и чем же оно забавно?

— Меня сюда тоже послал Балор Огнерожденный, — сказал Терпен. — И для того, чтобы найти того же самого человека.

— Тебя одного? — изумился Плачущий. — Алхимика?

— Сначала я был здесь не один, — сказал Терпен. — Но полторы недели назад здесь появились лазутчики ад-Саббаха. Те самые, которые носят красное. Все мои спутники были убиты.

— А как удалось выжить тебе?

— Я убил всех остальных, — сказал Терпен. — Тела в подвале, можете на них

посмотреть.

— Уволь, — сказал Ланс. — На этой неделе я видел уже достаточно мертвых тел в подвалах. Так в чем заключалась твоя миссия?

— Балор Огнерожденный считает, что армия Льва Пустыни не пройдет мимо этой крепости, — сказал Терпен. — Наша миссия заключалась в том, чтобы уничтожить крепость, когда люди аль-Саббаха будут внутри или поблизости от нее.

— Уничтожить каменную крепость? — изумился Плачущий. — Но как?

— В ходе экспериментов я изобрел новое вещество, которое на это способно, — сказал Терпен. — По крайней мере, я так думал, пока не увидел, какой толщины эти стены. Теперь я уже не знаю. А что намеревались делать вы двое?

— Ну, я собирался вызвать Льва Пустыни на бой и убить его, — беззаботно сказал Ланс. — Насчет армии у меня нет вообще никаких идей.

— Убить Льва пустыни в поединке? Да кто же способен на такое?

— Некоторые способны, — сказал Ланс. — Например, я.

— О тебе я вообще никогда не слышал. Ты чародей?

— Скажем, я специалист по их устранению. И, кстати, если уж мы разобрались со всем этим, ты не мог бы опустить арбалет?

— А, да, конечно, — сказал Терпен. — Пойдемте внутрь, там не так жарко, есть кое-какая мебель и еда.

— А вино?

— И вино тоже.

— Тогда веди нас, — провозгласил Ланс, поднимаясь на ноги и символически отряхивая одежду. — Идущие на смерть последуют за тобой.

Глава семнадцатая. Разговоры и приготовления

— Ты веришь в жизнь после смерти? — поинтересовался Плачущий. — В то, что помимо этого, есть что-то еще?

Они стояли на смотровой площадке Цитадели, и звезды светили над ними, и бесконечное темное море песка расстиралось вокруг.

— Рай или ад? — уточнил Ланс. — Не верю. И искренне надеюсь, что я прав.

— И тебе не страшно?

— Нет.

— Ну, а в чем тогда смысл всего этого? — Плачущий обвел рукой окружающий их пейзаж, хотя явно имел в виду нечто большее.

— А нет никакого смысла, — сказал Ланс. — Ты просто живешь, делаешь, что должен... Или что можешь, это уж как у кого получается. А потом ты больше не живешь. Такие дела.

— И ты не хотел бы, чтобы потом было что-то еще?

— Нет, — сказал Ланс. — Я не знаю, каким ты меня видишь со стороны. Может быть, воином. Может быть, даже героем. Но я-то знаю, что я очень плохой человек, и если ада не существует, так это мне только на руку.

— А как же искупление грехов?

— Красивая концепция, которая, должно быть, здорово облегчает жизнь тем, кто в нее верит, — сказал Ланс. — А вот скажи, ваша местная религия не считает магию делом богопротивным?

— Нет. А разве может быть так?

— Значит, у вашей гильдии хорошее лобби, — сказал Ланс.

— Магия — это инструмент, который можно использовать как во имя добра, так и во имя зла, — сказал Плачущий. — Было бы глупо считать инструмент богопротивным только за то, что существуют такие люди, как Торин Безумный или Джемаль ад-Саббах. Ведь и обычным молотом можно выковать плуг, а можно проломить голову, но никто же не пытается запретить молоты.

— Может, кто-то и пытается.

— Это все равно глупо.

— Мир полон глупостей, — сказал Ланс.

— Не понимаю, как можно жить с таким взглядом на мир.

— Так поведай мне о другом, — предложил Ланс. — Расскажи о смысле жизни, каким ты его видишь.

— Гильдия говорит, что смысл жизни отдельного человека в том, чтобы оставить после смерти мир, чуть лучший, чем он был до твоего рождения.

— Проблема этой логики в том, что концепцию лучшего мира все понимают по-разному, — сказал Ланс. — Допустим, поколения твоих предков положили свои жизни на то, чтобы сделать этот мир чуточку лучше, а потом появился Торин и все изгадил. И что это делает со смыслом жизни твоих предков, которые сидят на своем гипотетическом облаке в своем гипотетическом небесном чертоге и видят, как все, над чем они трудились, превращается в прах? Или, вот тебе пример попроще. Садовник вырастил новый вид роз, испускающих дивный аромат, а потом случилась война и через его сад прошла маршем

армия какого-нибудь короля. Садовник умер, цветы вытоптаны, и через несколько лет уже никто не может вспомнить, чем же именно они пахли, а потом и о самом садовнике все позабудут. И что? Ведь по твоей же логике получается, что он жил зря.

— Но он стремился...

— Значит, суть в стремлении к переменам, а не в самих переменам?

— Выходит, что так, — сказал Плачущий. — Но, с другой стороны, мы ведь не знаем, как изменилась жизнь людей, которые видели тот сад.

— Они все умерли, — сказал Ланс. — Там же была война.

— Значит, смысла нет?

— Ты можешь придумать его для себя, если тебе так будет проще, — сказал Ланс. — Построить дом, жениться, завести детей. Написать книгу. Убить злодея, — он усмехнулся. — Но ты должен понимать, что для других людей твой собственный смысл может не иметь никакого значения. Ты должен быть к этому готов.

— А зачем же тогда вообще жить?

— Можно подумать, тебя кто-то спрашивал, — сказал Ланс. — У нас ведь нет выбора в этом вопросе. Нас приводят в этот мир не интересуясь тем, что мы на самом деле обо всем этом думаем.

— Не может быть, чтобы это было так, — сказал Плачущий. — Это неправильно. Мы здесь, значит, мы для чего-то нужны.

— Для чего?

— Если бы я знал...

— Когда узнаешь, скажи и мне.

— Неужели ты готов пересмотреть свои взгляды?

— Сие зависит от качества твоих аргументов, — сказал Ланс.

Они помолчали.

— Мы умрем, да? — спросил Плачущий.

— Когда-нибудь все умрут.

— Я имею в виду, когда сюда придет ад-Саббах, — сказал Плачущий. — Терпен уничтожит Цитадель, и мы погибнем вместе с нею, да?

— Возможно, — сказал Ланс.

— Как ты думаешь, это убьет ад-Саббаха?

— Скорее всего, — сказал Ланс. — Конечно, судя по тому, что мы видели в Рияде, он весьма могущественный волшебник и полный псих, но в конечном итоге он всего лишь человек. А люди смертны.

— А...тебя?

— Хороший вопрос, но ответ мне неизвестен, — сказал Ланс. — Мне раньше не доводилось находиться в эпицентре взрыва.

На лестнице позади них послышались шаги. Плачущий обернулся и увидел алхимика.

— Странные беседы, — констатировал Терпен. — Впрочем, каких еще бесед следует ожидать от людей, прилетевших сюда верхом на демоне?

— Рассуди наш спор, — сказал Ланс. — Есть ли смысл в жизни?

Алхимик пожал плечами.

— Есть путь, по которому надо пройти, — сказал он.

— Делай, что должен, и будь, что будет, — пробормотал Ланс.

— Примерно так.

— И твой путь не вызывает у тебя ни капли внутреннего протеста? — осведомился Ланс. — Балор приказал тебе стать одним из самых массовых убийц в истории вашего мира. Твое имя может быть внесено в скрижали рядом с именем Торина Безумного.

— Он убил больше, — сказал Терпен.

— Но зато у тебя наверняка будет почетное второе место, — сказал Ланс.

— Это война, — сказал Терпен. — Мне не слишком нравится, что мое изобретение послужит для убийства людей, но у меня есть шанс остановить армию, надвигающуюся на наши границы, и спасти тысячи жизней.

— Тысячи жизней северян, — уточнил Ланс. — Отняв жизни у тысяч южных варваров.

— Это война и не мы ее начали, — сказал Терпен. — И я не понимаю смысла этого разговора.

— Я тоже, — сказал Плачущий. — Джемаль ад-Саббах зло. Если раньше ты в этом не был уверен, то Рияд должен был развеять все твои сомнения. По крайней мере, мне так казалось.

— Ад-Саббах — зло, — согласился Ланс. — Но зло ли все те люди, которые идут за ним? Я не пытаюсь вас ни в чем переубедить, парни, но мне просто интересно ваше мнение. И раз уж мы все не спим этой ночью, то почему бы нам не поговорить об этом?

— Эти люди идут разорять северные земли. И мы видели, что они сделали со свободными городами.

— Они идут за ним, потому что он — власть, и они подчиняются его приказам, — сказал Ланс. — Как вы оба подчиняетесь приказам того же Балора, например. И если вдруг выяснится, что Балор злодей, станете ли злодеями вы?

Терпен нахмурился. Ему явно не нравилось, что главу Совета Ложи обозвал злодеем человек, убивающий чародеев и повелевающий демонами.

— Впрочем, этот вопрос не требует ответа, — сказал Ланс. — Тем более, что правильного ответа на него и не существует.

— Я скажу за себя, — заявил Терпен. — То, что делает Балор, правильно. Он — глава Совета Ложи и хранитель севера. Я выполню все то, что он приказал.

— Это будет стоить тебе жизни.

— Не самый плохой способ умереть, — сказал алхимик.

— Существуют и похуже, — согласился Ланс.

— А я вот не хочу умирать, — заявил Плачущий. — Если бы у меня был выбор, я предпочел бы этого не делать.

— Так уходи, — предложил Ланс. — Здесь есть вода, которой можно запастись, здесь есть припасы, на конюшне есть пара лошадей, и я думаю, что наш гостеприимный хозяин не станет возражать, если ты возьмешь одну из них.

— Не стану, — сказал Терпен.

— Мне не пересечь пустыню.

— Нам удалось, — Терпен скрестил руки на груди.

Плачущий покачал головой.

— Нет, серьезно, — сказал Ланс. — Не вижу ни одной причины, чтобы не попробовать. Для моего поединка с Львом Пустыни, если он таки состоится, ты не нужен, Терпен тоже может разнести Цитадель без твоей помощи. Что мешает тебе уйти?

— Это будет трусость, — сказал Плачущий.

— Иногда я совсем тебя не понимаю, — сказал Ланс.

— Мы вместе это начали, вместе и закончим.

— Глупо, — сказал Ланс. — На самом деле, я бы посоветовал уходить вам обоим. Я вполне могу закончить это и в одиночку. Опрокинуть склянку с жидкостью может любой.

— Я останусь, — сказал Терпен. — Это мое дело и мой долг.

— И я останусь, — сказал Плачущий. — Терпеть не могу пустыню.

— Люди, — вздохнул Ланс. — Пожалуй, самые странные существа их всех, которых я когда-либо встречал. А я встречал очень много странных существ.

— Ты и сам довольно странный, — сказал Плачущий.

— Да, — согласился Ланс. — Но человек ли?

Никогда раньше Ринальдо не было так плохо. Он очнулся в трюме несколько дней назад, и с тех пор его вселенная сузилась до размеров адской пульсирующей боли в том, что осталось от его левой руки. В обрубке, если называть вещи своими именами.

Тогда его разложили на палубе и один из воинов каганата отсек ему руку одним ударом своего кривого клинка. Чуть ниже локтя. Ринальдо не помнил, орал он или нет. Скорее всего, сразу потерял сознание.

И по зрелому размышлению он решил, что лучше бы ему было в сознание и не приходиться.

Конечно, по сравнению с леди Катрин он еще может считать себя везунчиком, но долго ли продлится это его везение? Зачем он вообще сдался этому садисту и палачу с синим клеймом на лбу?

Ринальдо этого не представлял и ему было все равно. Он был слишком слаб, чтобы думать о будущем. Ему было слишком больно. Он был слишком мал, слишком изранен, слишком...

Все, чего ему хотелось, это пить, и иногда один из сердобольных матросов приносил ему кружку с водой. А может быть, это были разные матросы, Ринальдо не стал бы ручаться. Перед его глазами стоял кровавый туман, лица расплывались, и вряд ли бы он узнал родную мать, если бы она появилась сейчас в трюме «Индевора».

По счастью, ее тут не было. Ринальдо ненавидел свою мать и подозревал, что она отвечала ему взаимностью.

Короткая жизнь короткого человека. Уродливая жизнь уродливого человека. Если каждый получает именно то, чего заслуживает, то чем же он заслужил такое?

Карлику и так нелегко в этом мире. А каково быть одноруким карликом?

Впрочем, Ринальдо не сомневался, что быть ему осталось не так уж долго. Если его не прикончит Ададь, то сделает свое дело заражение крови. Тряпки, которыми был перемотан его обрубок, никто не менял, и ему было страшно посмотреть, что там под ними.

И не было сил.

Будь проклят тот шторм, который помешал ему вовремя сойти с корабля. И будь проклят тот день, когда он встретил Ланселота в подвалах Штормового Замка. Будь оно вообще все проклято.

Утром следующего дня они втроем спустились в подвал Цитадели и Терпен показал им ту самую дверь, за которой, по предположению Ложи, была заперта та самая сила, при помощи которой Торин творил безумства и зарабатывал свое новое имя. Дверь была круглая и каменная и напомнила Лансу сейфовые двери, при помощи которых самые влиятельные

банки Земли охраняют деньги своих вкладчиков. На ней были начертаны древние символы, расшифровать которые не смогли ни Терпен, ни маркиз Тилсберри. Ничего, хотя бы отдаленно похожего на замок, Ланс на этой двери не обнаружил.

И никаких признаков наличия за этой дверью страшной разрушительной силы тоже. Кровь не похолодела и не свернулась в жилах, волосы не встали дыбом, неясные, но зловещие видения не проникли в его мозг.

— Это точно та дверь? — уточнил он.

— Других таких дверей тут нет.

— Но я ничего не чувствую, — сказал Ланс. — А вы?

— Нет, — сказал Плачущий. Терпен покачал головой. — Но ведь не факт, что мы должны что-то почувствовать.

— Ульф сказал, что здесь нет силы, — напомнил Ланс.

— И ты веришь словам демона?

— Демоны разбираются в такого рода вещах, — сказал Ланс. — И он не стал бы мне врать. А если бы он попробовал, тоя бы все равно заметил.

— Ну а какая нам разница, есть там сила или нет? — поинтересовался Плачущий. — Мы здесь все равно не за этим.

— Мне просто любопытно, — сказал Ланс. — При этом, если бы там была какая-то сила, не факт, что она не могла бы оттуда вырваться после того взрыва, который намерен учинить наш изобретательный коллега. Представляешь, что было бы, если бы мы спровоцировали повторение той трехсотлетней давности истории?

— Армия ад-Саббаха была бы уничтожена наверняка, — мрачно сказал Плачущий.

Помещение перед дверью было достаточно просторным. Пожалуй, с небольшой натяжкой, его можно было бы назвать залом. Освещение обеспечивалось за счет нескольких световых окон, прорубленных в скале над головой Ланса, но без факелов из было явно недостаточно и зал тонул в полумраке.

Около десяти метров в ширину, вдвое больше в длину... Что ж, тут есть, где развернуться.

— Он придет сюда, — сказал Ланс. — Любой чародей придет сюда, хотя бы просто из любопытства.

— Допустим, придет, — согласился Плачущий. — Но один ли?

— Этого мы не знаем, — сказал Ланс. — Более того, узнаем мы это только в тот момент, когда это случится, поэтому подробное планирование не имеет смысла. Думаю, я просто встречу его здесь.

— Один?

— Один, — сказал Ланс. — При всем уважении к вам, ребята, но мне значительно проще, когда никто не путается у меня под ногами.

Терпен пожал плечами.

— Если у меня ничего не получится, взрываю крепость, — сказал Ланс. — Кстати, как именно ты собираешься это сделать?

— Ингредиентов у меня было с запасом, и я произвел столько жидкости, сколько смог, — сказал Терпен. — Сейчас сосуды с ней уже расставлены по всему замку. Достаточно уронить один, и он взорвется, а остальные начнут взрываться по цепочке. Но...

— Да?

— Вы видели внешние стены? — поинтересовался Терпен. — Они полуметровой

толщины, сделаны без единого стыка или шва. Я не знаю, кто и как создал эту крепость, но я на такое не рассчитывал, и не могу гарантировать, что мое изобретение сработает, как надо.

— Ты вообще испытывал эту свою жидкость на строениях такого масштаба?

— Нет, конечно, — сказал Терпен. — Если бы испытывал, вы бы точно об этом слышали.

— И Балор все равно направил тебя сюда, — сказал Ланс. — И меня тоже. Похоже, он играет теми картами, которые попали к нему на руки, пускает в ход последние резервы.

— Последний резерв — это армии северных королевств, — поправил его Плачущий.

— Но Балору он пока не принадлежит.

— Его послушают, когда армия ад-Саббаха выйдет из пустыни.

— Когда армия ад-Саббаха выйдет из пустыни, слушать его будет уже поздно, — сказал Ланс. — Мобилизация такого количества бойцов займет слишком много времени, и выступить единым фронтом они вряд ли успеют.

— Итак, у нас есть замечательный план, — подытожил Плачущий. — Даже два. Ты пытаешься убить ад-Саббаха здесь, если он сюда явится, а в случае твоей неудачи, Терпен взорвет замок, если у него это получится. А что делать мне?

— Я бы еще раз посоветовал тебе уходить отсюда, но ты ведь не слушаешь, — сказал Ланс. — Поэтому будь рядом с Терпеном. Возможно, ему понадобится твоя помощь. Скорее всего, тут будет бой, а в бою сложно что-либо предсказать.

— Может быть, используем первоначальный план Терпена? — поинтересовался Плачущий. — Позволим ад-Саббаху зайти в Цитадель, а потом взорвем ее дистанционно. Думаю, я не хуже любого другого волшебника справлюсь с такой задачей.

— Терпен же не уверен, что это сработает, — сказал Ланс. — И потом, где ты собираешься прятаться снаружи, чтобы тебя не обнаружили разведчики ад-Саббаха и чтобы тебя не накрыло взрывом? Нет, наш лучший шанс — встретить его внутри.

— А там — будь что будет?

— Именно, — сказал Ланс. — Это дурацкий план, но это лучшее, что у нас сейчас есть. Терпен, ты подобрал место, откуда это можно подорвать?

— Есть небольшая и незаметная комната на первом этаже, — сказал Терпен. — Она почти в центре здания, и я думаю, что если взрыв пойдет оттуда... Ну, это лучший вариант, если исключить подземелье, которое будет занято тобой.

— Понятно, — сказал Ланс. — Но я все же прошу предоставить мне шанс уладить это дело поединком.

— Как хочешь, — сказал Терпен. — Если бы я был абсолютно уверен в своем изобретении, может быть, я бы с тобой и поспорил. Но сейчас я вынужден согласиться. Это дурацкий план, но это лучшее, что у нас сейчас есть.

— Спасибо за доверие, — хмыкнул Ланс. — Ну что, парни, вы готовы попасть в историю?

— Никто все равно не узнает о том, что мы сделали, — сказал Плачущий. — Точнее, никто не узнает, что это сделали именно мы.

— Главное, чтобы работа была закончена, — сказал Ланс. — А кто и как ее закончил, не так уж и важно. Верно, Терпен?

— Пожалуй, — согласился алхимик.

— Приятно, что мы таки достигли договоренностей, — хмыкнул Ланс. — Ну а теперь, раз уж тут нам больше нечего делать, я предполагаю подняться обратно и прикончить

запасы вина. Потому что кто знает, каковы на вкус напитки, которые подают в загробном мире. Подозреваю, что они могут оказаться весьма отравными.

Глава восемнадцатая. Сталь и огонь

Ланс сидел на полу рядом с дверью Торина и курил только что сотворенную сигарету, вспоминая отрывок из фильма, виденного им в далеком детстве за много миров отсюда. «Вы готовы, комиссар?», — спрашивал глава банды у главного героя фильма. «Подождите», — говорил комиссар: «Я еще не выкурил свою последнюю сигарету».

Как же назывался этот чертов фильм? Кажется, в названии фигурировал комиссар полиции и еще кто-то, и это было частью зарубежного полицейского сериала, шедшего тогда на экранах страны. Но кроме этой последней сцены Ланс ничего о фильме не помнил.

Потом, докурив свою последнюю сигарету, комиссар конечно же вышел против всей этой банды с двумя своими верными револьверами и всех злодеев перестрелял, потому что если главного героя убивают в конце очередной серии, то как же можно снимать целый сериал, да и вообще в кино добро обычно побеждает зло, и закон жанра таков, что полицейский просто не может проиграть...

У нас тут несколько другая ситуация.

Армия Льва Пустыни подошла к Цитадели на рассвете. Похоже, ад-Саббаху так не терпелось сюда попасть, что он гнал людей ночным маршем. Сейчас передовые части разбивали лагерь вокруг оазиса, а остальные... остальные подтягивались.

Уже полдень, а в саму Цитадель пока никто не лез.

Терпен с Плачущим удалились в выбранную алхимиком комнату, а Ланс отправился в подвал.

Парень изобрел нитроглицерин, подумал Ланс. В каком веке нитроглицерин изобрели на моей Земле? Понятия не имею. Даже если я когда-то это и знал, сейчас мне уже точно не вспомнить. Жаль, что талантливому алхимику суждено умереть в этой чертовой пустыне. Возможно, после нитроглицерина он мог бы изобрести что-то действительно полезное. Что-то, не связанное с разрушением и войной.

Не моя война, не моя Земля, не моя эпоха. Зачем я это делаю? Какая разница, кто это Лев Пустыни и чего он хочет на самом деле? Молодой прогрессивный лидер или кровавый маньяк, вокруг такие времена, что закончится это все равно одинаково — большой кровью. Может быть, этот парень стал бы Александром Македонским своего времени. Тот ведь тоже отправился в великий поход и сеял вокруг себя одну лишь смерть, тем не менее, история не утверждает, что он был чудовищем. Ну, мечтал человек о великой империи, а кто о ней в свое время не мечтал?

Так и зачем я это делаю? И изменилось бы хоть что-то, если бы у меня был ответ на этот вопрос?

На лестнице слышались тихие шаги. Так крадутся профессиональные убийцы, которые не хотят, чтобы их обнаружили раньше времени. Но Ланс видел в своей жизни слишком много убийц, и его натренированный слух было не обмануть.

Их было десять, и все они носили красное. Они были вооружены кривыми мечами, по два на каждого ассасина. Обнаружив Ланса, они выстроились перед ним полукругом.

Ланс их ждал и был готов. В правой его руке был Призрак Ночи, в левой — меч одного из спутников Терпена, самый приличный из всех, даже с неплохим балансом.

Красные бросились в атаку молча, без предупреждения, без лишних разговоров и все, как один. Они были сильны, но он был сильнее. Они были быстры, но он был быстрее. Они

были искусны, но сравниться с тем, кто оттачивал свои навыки фехтования в течение нескольких веков, они бы все равно не смогли.

Такие бои не бывают долгими, и уже через две минуты Ланс был единственным, кто стоял на ногах. Восемь ассасинов были убиты, двое стонали и больше не выглядели грозными соперниками. Ланс избавил их от мучений.

Кровь стекала из полученных в схватке ран, но Ланс не обращал на это внимания. Если он до сих пор жив, то эти ранения его точно не прикончат.

Итак, ад-Саббах выслал в замок разведчиков, и они не вернулись. Каким будет его следующий ход? А что бы на его месте сделал я? Я бы пошел сам, но это я. Этот хорек наверняка осторожен, а что делает осторожный человек, если высланный им отряд не возвращается? Правильно, он высылает еще один отряд, побольше.

Сколько еще народу мне придется перебить, прежде чем он заявится сюда собственной персоной?

В следующей партии было три десятка человек, и они тоже были одеты в красное. Еще немного, и у Льва Пустыни закончатся его элитные бойцы, подумал Ланс. Сколько из там было? Десять десятков? Сколько-то положили Терпен и компания, другие... А, черт с ним, эти подсчеты все равно ни к чему не приведут.

Ланс не мог бы поручиться, что убил из всех. Вполне возможно, что кто-то мог и сбежать, если отступление вообще входит в правила элитного отряда убийц. Пересчитывать трупы Лансу было лень, да и как тот посчитаешь, когда некоторые трупы... э... валяются на полу уже не целиком? Разве что по головам.

Глубокая рана в бедре сильно кровоточила, и Ланс таки наложил на нее повязку, сделанную из одежды кого-то из ассасинов. С паршивого убийцы хоть одежды клочок... Ланс поймал себя на мысли, что мыслить он начинает неадекватно. Конечно, в такой ситуации это в полнее простительно, но лучше бы оставаться в здравом уме до конца этого представления. Хотя бы для того, чтобы не упустить какие-нибудь важные нюансы финального акта.

Лучники... что ж, это было предсказуемо. Если у тебя не получается убить врага в ближнем бою, попытайся прихлопнуть его издалека.

Ланс укрылся от стрел за силовым щитом, как делал это много раз в прошлом, и стрелы зависли в воздухе, как пули, летящие в Нео, а потом попадали на каменный пол.

Убивать лучников по одному Лансу было лениво, и он сжег их всех, используя силу браслета. Дежавю, подумал Ланс. Кажется, это когда-то уже было. А может ли теперь случиться в моей жизни хоть что-то, чего раньше не было?

В зале стоял смрад от сожженных тел, но запахи никогда ему особенно не досаждали.

Что будет дальше? Есть ли у парня боевые слоны и сможет ли он заставить их спуститься в подвал? Ланс хихикнул. Нет, я все таки теряю адекватность, а это не очень хорошо, черт побери.

И использование браслета в этот раз обошлось мне слишком дорого. В этом мире, мире, где магия вырождается, где уже практически не осталось силы, мощь браслета восполняется куда медленнее. Возможно, на этот раз мое желание действительно сбудется, подумал он. Возможно, на этот раз я действительно проиграю. И очень может быть, что еще до того, как этот чертов Лев чертовой Пустыни сам спустится в это чертово подземелье. Что ж, тогда пусть свое слово скажет Терпен и его «изобретение». Лишь бы он не рванул все раньше времени. Это может испортить финал.

Но зачем же я это делаю?

За Ринальдо снова пришли, его снова потащили наверх, и теперь уже страдникам Каганата пришлось его нести, и пару раз он терял сознание от боли, когда кто-то из них неаккуратно хватал его за обрубок левой руки.

Адаль ждал его все в той же каюте. Место моего бесславного поражения, место, где леди Катрин встретила свою смерть... Сейчас уже здесь не осталось следов того происшествия. Пол был вымыт и даже посыпан свежими опилками.

Ринальдо усадили в кресло. Все силы шута уходили на то, чтобы держать голову прямо, но он все равно не мог поручиться, что у него это выходит.

— Ты умираешь, — сказал ему Адаль, когда они остались одни. В голосе заклеянного палача было даже что-то, отдаленно похожее на сочувствие.

— А другие новости есть? — голос Ринальдо больше походил на шепот, но Адаль его все равно услышал.

— Хочешь вина?

— Хочу, чтобы ты сдох.

— Знаешь, а ведь я могу тебя вылечить, — сказал Адаль. — Тебя еще не поздно спасти. Просто расскажи мне все, что я хочу знать?

— Неужели... неужели ты думаешь, что я не рассказал бы... если бы знал? — Ринальдо попытался улыбнуться. — Но я просто... понятия не имею... что тебе можно рассказать...

— Похоже, я в тебе ошибся, — сказал Адаль. — Я думал, что ты можешь принести какую-то пользу, но ты абсолютно бесполезен. Я недоволен, но в первую очередь, собой, потому что я крайне редко ошибаюсь в людях.

— Ты не там ищешь... сочувствия.

— Но, может быть, я и не ошибся. Может быть, в твоей голове на самом деле есть что-то, что может мне помочь, только ты сам об этом не знаешь.

— Можешь отрезать мне голову и посмотреть.

— Та стал храбр, маленький человечек, — сказал Адаль. — Как храбры все, кому нечего больше терять. Ведь ты думаешь, что смерть — это самое худшее, что может с тобой произойти.

— Мне не... не интересны твои угрозы.

— Да? — Адаль описал по каюте полукруг и встал за спинкой кресла, в котором сидел Ринальдо. Положил руки ему на голову.

Ринальдо внутренне сжался, предчувствуя, что сейчас с ним случится что-то очень плохое, может быть, даже хуже того, что с ним уже случилось, но вместо этого он внезапно почувствовал себя лучше. Боль, которая терзала его все эти дни, ушла. Развеялась кровавая пелена перед глазами, он ощутил даже некий прилив сил.

— Я не могу вернуть тебе руку, — сказал Адаль. — Но я могу сделать так, что ты снова будешь здоровым и проживешь долгую жизнь. Я даже дам тебе денег, дарю дом и наложниц, чтобы жизнь твоя была не только долгой, но и приятной.

— А взамен?

— Взамен ты расскажешь мне, как убить сэра Ланселота.

— Но я действительно не знаю, — сказал Ринальдо. — Послушай, при таком раскладе я и рад бы тебе помочь, но я просто не представляю, как.

— Твое нынешнее состояния — оно ведь не навсегда, — сказал Адаль. — Пройдет

несколько часов, и боль вернется. И ты снова начнешь умирать.

— Но я на самом деле...

— Вспомни, — Ададь снова положил руки ему на голову. — Подумай, может быть, ты что-то слышал, что-то видел, уловил какие-то намеки. Вспомни, я тебя не тороплю. Я даже помогу тебе...

Ринальдо стало очень комфортно, как будто... Ему даже не с чем было сравнить это ощущение. Будто бы он лежит в стогу сена рядом с теплой, дружелюбной и на все согласной крестьянкой, и вот-вот между ними произойдет что-то волшебное. Но даже с женщиной Ринальдо не чувствовал себя так хорошо, и в этом было что-то противоестественное. В этом был какой-то подвох.

Словно Ададь гладил его мозг, запустив внутрь головы свои щупальца.

— Вспоминай.

Перед глазами Ринальдо возникла картинка его знакомства с Лансом. Ринальдо спускается в подвал, чтобы найти еще вина, а вместо того его самого находит демон, выбравшийся из-под земли. Грязный, вонючий, со страшным мечом в руке.

А вот они дерутся во с пришлыми рыцарями во дворе Закатного замка, и Ринальдо стреляет из арбалета, а Ланс рубит в капусту закованного в тяжелую броню рыцаря...

А вот они погружаются на «Индевор», который отвезет их к далеким южным берегам, где их не ожидает ничего хорошего, но они сами еще ничего об этом не знают, и перешучиваются, сидя в каюте...

Черный меч, покажи мне его черный меч.

Да вот же он, рассмеялся Ринальдо. Вот этот черный меч, клинок, выкованный давно, выкованный не в этом мире, клинок, предназначенный для того, чтобы...

— Вылезь из моей головы! — взорвался Ринальдо.

— Дело ведь не в мече, так? — поинтересовался Ададь. — Есть что-то еще?

— Я не знаю!

— Ты знаешь, — Ринальдо снова охватила приятная истома.

Дело не в мече.

Пока они плыли и делили одну каюту с Плаксой, тот обмолвился о каком-то могущественном артефакте, который Ланс так долго носит при себе, что со временем они стали единым целым. Это какое-то украшение, которое придает ему небывалую силу, силу, при помощи которой он может творить невероятные вещи, но я сам никогда не видел этого украшения. Я только знаю, что снять его невозможно, и сам Ланс уже давно считает его своим проклятием... Будь ты проклят, Плакса, зачем ты мне все это рассказал?

После разгрома отряда лучников возникла пауза. Очень длинная пауза, и Ланс уже даже почти начал беспокоиться за судьбу своего плана. С другой стороны, передышка явно пошла ему на пользу. Раны перестали кровоточить, легкая слабость, возникшая после использования браслета, почти прошла, в голове немного прояснилось.

Ну давай же, Лев. Какой же ты Лев, если боишься спуститься сюда и выяснить, что же случилось с твоими людьми? Ты же чародей, а чародеи, как правило, народ любопытный. И ты же военачальник, а военачальники должны показывать пример своим людям. Ну, по крайней мере, хорошие военачальники, но ведь ты из таких. Говорят, что ты еще не проиграл ни одной битвы.

Я вот проиграл, и слишком много.

Кто-то снова спускался по лестнице. Кто-то один, и шел он, не таясь. Шел, как очень уверенный в себе человек. Как хозяин этого замка, всех этих земель.

Что ж, похоже, моя ставка таки сыграла, подумал Ланс. Если это не сам Лев Пустыни, то я при случае съем свою собственную бороду. И возможно, даже без соли.

Ад-Саббах спустился в подвал и остановился посреди зала. От Ланса его отделяло метров десять, и некоторое время они просто рассматривали друг друга.

Ад-Саббах был высокий, очень худой и абсолютно лысый. На вид ему можно было дать как тридцать, так и пятьдесят лет. Он не носил доспехов, а на боку его висел обычный для этих мест кривой меч. Его голова и тело, насколько позволяла рассмотреть одежда, было испещрено шрамами, но это были не шрамы, полученные в бою. Это были символы, очень похожие на те, что они с Плачущим обнаружили в замке правителя в Рияде. Кто-то вырезал их прямо на коже Льва Пустыни.

— Может, он сам и вырезал.

— Кто ты? — спросил ад-Саббах. У него был приятный низкий голос.

— Почему все постоянно задают мне этот вопрос?

— Мои солдаты мертвы, — сказал ад-Саббах. — Я почувствовал их смерть. Лишь двоим удалось вырваться из этого подземелья и они поведали мне о демоне, пришедшем из огненного ада. Ты демон?

— Время от времени, — сказал Ланс.

— Я не боюсь демонов, — ад-Саббах вскинул руки и его белая накидка упала на пол. Выше пояса Лев Пустыни был обнажен, и Ланс убедился, что шрамы покрывают его груди плотным ковром. — Я сам — демон.

— Выглядишь соответственно, — подтвердил Ланс.

— Мой отец нанес на мое тело эти знаки, — сказал ад-Саббах. — Точнее, первые из них. Остальные я добавил сам. Они делают меня сильнее. Они позволяют мне поглощать чужую силу. Черпать энергию в смерти других людей. Таково мое предназначение. Такова моя миссия.

— Я вот прямо сердцем чувствовал, что у тебя есть какая-то миссия, — сказал Ланс. — Человек, оставляющий после себя столько трупов, просто обязан иметь какую-нибудь миссию. В чем заключается твоя?

— Двое твоих друзей у меня, — заявил ад-Саббах без всякого перехода. — Я нашел их наверху и отправил в свой лагерь.

— Они живы?

— Пока да, — сказал ад-Саббах. — Им еще предстоит рассказать мне, что это за сосуды со странной жидкостью расставлены по всей Цитадели. Ну и разумеется, я хотел бы знать рецепт.

Ага, значит, план Б только что накрылся медным тазом, отметил Ланс. Жаль ребят, конечно, но теперь все зависит от меня. Впрочем, я ведь с самого начала именно на это рассчитывал.

Убить этого ублюдка и потом... Если сосуды все еще стоят на местах, можно попробовать привести план Терпена в исполнение. А они наверняка стоят на местах, по крайней мере, часть. Люди ад-Саббаха просто бы не успели найти их все.

— Зачем ты пришел сюда?

— Потому что так было предопределено, как предопределено все в этом мире, — сказал ад-Саббах. — Было предсказано, что здесь я найду источник великой силы.

— Здесь нет никакой силы, — сказал Ланс.

— За дверью, рядом с которой ты стоишь, ее, может быть, и нет, — сказал ад-Саббах. —

Но сила есть у тебя, и я смогу поглотить ее после твоей смерти.

— Тебе точно именно так все предсказали? Ничего не перепутал?

— Судьба ведет меня к моей цели. Судьба не может лгать.

— Это сложный вопрос, но вряд ли мы встретились здесь, чтобы вступать в философские споры, — сказал Ланс. — Только скажи мне, в чем заключается твоя миссия, и мы приступим.

— Я, Джемаль ад-Саббах, Лев Пустыни, должен стать суммой всех людей. Стать богом этого мира.

— Глобальная цель, — согласился Ланс. — А зачем?

— Потому что таково мое предназначение.

— Так и знал, что внятного ответа мне не добиться.

— ЗАМРИ! — скомандовал ад-Саббах.

И это было не просто слово, это была команда силы, которая должна была парализовать Ланса, превратить его в камень. Да, мощь Льва Пустыни был велика. Но вот техники ему пока не хватало.

Ланс демонстративно зевнул и почесал подбородок.

— Такие фокусы на меня не действуют, — сказал он. — Попробуй что-нибудь еще.

И он попробовал. Сгусток чистой силы, которой уже давно не видел этот мир, должен был размазать Ланса по стене, превратить в желе все его кости, расплескать его кровь по всему залу.

Ланс выставил вперед правую руку и браслет поглотил чужую энергию.

— Как тебе это удастся? — изумился ад-Саббах.

— Это у меня наследственное.

Лев Пустыни взялся за меч. Ну вот, разочарованно подумал Ланс, почему опять? Неужели это было все, на что он способен? Так даже неинтересно. А нет, вот что-то новенькое.

По кривому лезвию клинка ад-Саббаха сновали зеленые искры.

— Меч внушает, — сказал Ланс. — Но умеешь ли ты им пользоваться?

Ад-Саббах атаковал яростно и стремительно. Рассекая воздух, его меч пел песню демона, а скреживаясь с Призраком Ночи, рассыпал сотни зеленых искр. Лев Пустыни действительно был хорош, а Ланс был слишком измотан. Он пропустил пару выпадов и почувствовал, как клинок южанина рассекает его левое плечо. Боли не было, но рука почти сразу же онемела.

Они снова сошлись, и на этот раз Лансу удалось достать своего противника. Призрак Ночи вонзился в правый бок Льва Пустыни, чуть ниже ребер. Тот сразу же отпрыгнул назад и швырнул в Ланса заклинанием. Ланс закрылся, и в этот же момент ад-Саббах ринулся в атаку. Он был ненормально быстр для человека и слишком быстр даже для Ланса.

Может, если бы Ланс был в лучшей форме, он бы и успел парировать этот удар, но онемевшая рука и общая усталость сделали свое дело. Лезвие Льва Пустыни прочертило борозду на его правом бедре и Ланс почувствовал, что нога тоже начинает неметь.

А вместе с тем к нему пришло чувство, которого он не испытывал очень давно.

Чувство, что он проигрывает.

Ад-Саббах хищно улыбнулся, продемонстрировав Лансу ряд крупный, желтых зубов, и

отошел на пару шагов назад. Очевидно, что время работало на него, и все, что ему оставалось сделать, это просто подождать, пока у Ланса окончательно отнимется нога. После этого он будет уже небоеспособен.

— Я — Лев Пустыни, — провозгласил ад-Саббах. — Я никогда не проигрываю в бою.

Наверное, следовало ответить ему какой-нибудь остроумной репликой, но вместо этого Ланс сделал то, чего не делал никогда в жизни. Он просто швырнул в ад-Саббаха свой меч, черный клинок, принадлежавший до него многим поколениям его семьи. А вслед за ним метнул в противника свое тело.

Меч Лев Пустыни отбил, как обычный выпад, но мгновением позже в него врезались восемьдесят килограммов живого веса.

Ад-Саббах никогда не играл в американский футбол. Ланс, впрочем, тоже, но он хотя бы видел, как это делается.

Его плечо вонзилось в живот ад-Саббаху, и Лев Пустыни сложился пополам и полетел на пол. От неожиданности он даже выронил из рук свое собственное оружие.

Ланс упал сверху и единственной слушающейся его рукой принялся молотить голову ад-Саббаха о каменный пол. Заодно он врезал ему коленом туда, куда джентльмены обычно избегают бить.

Ад-Саббах зарычал, словно на самом деле был лбом, и его испещренные шрамами руки схватили Ланса за горло. Они покатались по полу, и в какой-то момент ад-Саббах оказался сверху, его руки сжимали горло Ланса железной хваткой, не давая вдохнуть, и у Ланса поплыло перед глазами.

Зато его правая рука оказалась свободной.

Он сжал пальцы, и Призрак Ночи, валявшийся в доброй дюжине шагов от схватки, оказался у него в руке. Верный клинок, единственный, кто никогда его не подводил...

Собрав последние силы, Ланс вогнал черное лезвие в бок Льва Пустыни. Хватка на шею сразу ослабла, Ланс увидел удивленное лицо ад-Саббаха, всадил клинок еще глубже и провернул его в ране.

Ад-Саббах взвыл, но уже не как лев, а как смертельно раненная гиена.

Ланс скинул его с себя, перевернулся на живот, подождал немного, потом поднялся на четвереньки. Встать удалось только секунд через тридцать, но ад-Саббах никуда не делся. Он лежал на полу среди тел своих мертвых солдат и истекал кровью. Сейчас он не был похож ни на сумму всех людей, ни на живого бога. Обычный человек, разве что все тело покрыто странными шрамами.

— Ты связался с лучшим, — сказал Льву Пустыни Ланс. — Так умри, как все.

И вонзил клинок ему в сердце.

Хорошо, маленький человечек, ты показал мне источник его силы. А теперь покажи мне, как с ним можно справиться.

Перед глазами Ринальдо возникло пламя. Огонь, источником которого была сама земля. Огненная гора, из вершины которой вырывались протуберанцы пламени.

Вулкан? А другого способа точно нет?

Я не...

И в этот момент все кончилось.

Удивительная легкость прошла, боль еще не вернулась в полной мере, но уже дала о себе знать. Ринальдо обмяк в кресле, переводя дыхание.

Потом он осмотрел каюту. У Адаля случился один из его приступов, и сейчас он валялся на полу рядом с креслом Ринальдо.

А, чем черт не шутит. Хуже то все равно уже не будет...

Силы еще оставались, так что Ринальдо сполз с кресла, снял с пояса кинжал Адаля и прикинул, как он сможет причинить этому... существу максимальный вред. Решение нашлось быстро.

Орудовать одной рукой было тяжело, но усилия того стоили. Через пару минут голова Адаля была отделена от тела и водружена на стол. Даже если это не убьет ублюдка, то после пробуждения его будет ждать очень неприятный сюрприз.

Из раны даже вытекло немного черной крови.

Ринальдо бросил кинжал на пол. Все равно против любого другого противника, не валяющегося кулем на полу, он будет совершенно бесполезен. Заново осмотрел каюту.

Открыл иллюминатор, глянул на волны, бьющиеся внизу.

Никаких шансов. Будь у него две руки, он, быть может, и попробовал бы. Но сейчас это просто один из многочисленных способов самоубийства, и далеко не самый затейливый. К тому же, дело ведь не только в руке. Ададь же сказал, что это улучшение самочувствия не навсегда, и через пару часов он снова станет одним комком сплошной боли.

До берега ему не доплыть, со стражниками ему не справиться, команду из трюма не освободить...

А потому Ринальдо решил ничего не предпринимать, а просто уселся на место Адаля, положил единственную уцелевшую руку на стол и принялся ждать.

Ланс стоял посреди зала, заваленного трупами, и в очередной раз не ощущал себя победителем.

Чувствительность постепенно возвращалась к нему, и он снова мог контролировать и руку, и ногу.

Время подбивать баланс.

Джемаль ад-Саббах мертв. Человек он был, демон или будущий бог, еще никому не удавалось выжить после того, как Призрак Ночи протыкал его сердце. Балор Огнерожденный может быть доволен, ибо его поручение выполнено.

Это оказалось слишком просто. То есть, конечно, это было не просто, но все же, Ланс ожидал куда большего.

Сам он сейчас находится в подземелье. Над ним — древняя Цитадель, вокруг Цитадели

лагерем стоит вражеское войско, где-то внутри этого лагеря держат волшебника Плачущего и алхимика Терпена. Вполне возможно, что оба они все еще живы.

А саму Цитадель все еще можно взорвать.

Вот и поле для маневра образовалось.

Ну и зачем я это делаю?

Ланс улыбнулся собственным мыслям, взял в одну руку Призрак Ночи, а в другую — клинок, ранее принадлежавший Льву Пустыни, и направился наверх, насвистывая себе под нос. Четкого плана действий у него еще не сложилось, но он был уверен, что-нибудь он обязательно придумает. В конце концов, импровизация всегда была одной из самых сильных его сторон.

И потом, кто-то же должен рассказать этим ребятам, что для них наступило время выбрать себе нового вождя.

Он ушел, а потому не мог видеть, как начали шевелиться пальцы правой руки Джемалю ад-Саббаха.

Как на его лбу сквозь вереницу шрамов проступило синее клеймо в виде то ли руны, то ли буквы древнего и всеми забытого алфавита.

И как открылись его глаза.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

notes

Попытка (англ)

Ланс рассказывает о событиях, описанных в книге «Темная сторона медали».

Ланс цитирует знаменитую фразу из фильма «Бутч Кэссиди и Санденс Кид».

Ланс вспоминает события, описанные в книге «Цвет мира — серый».